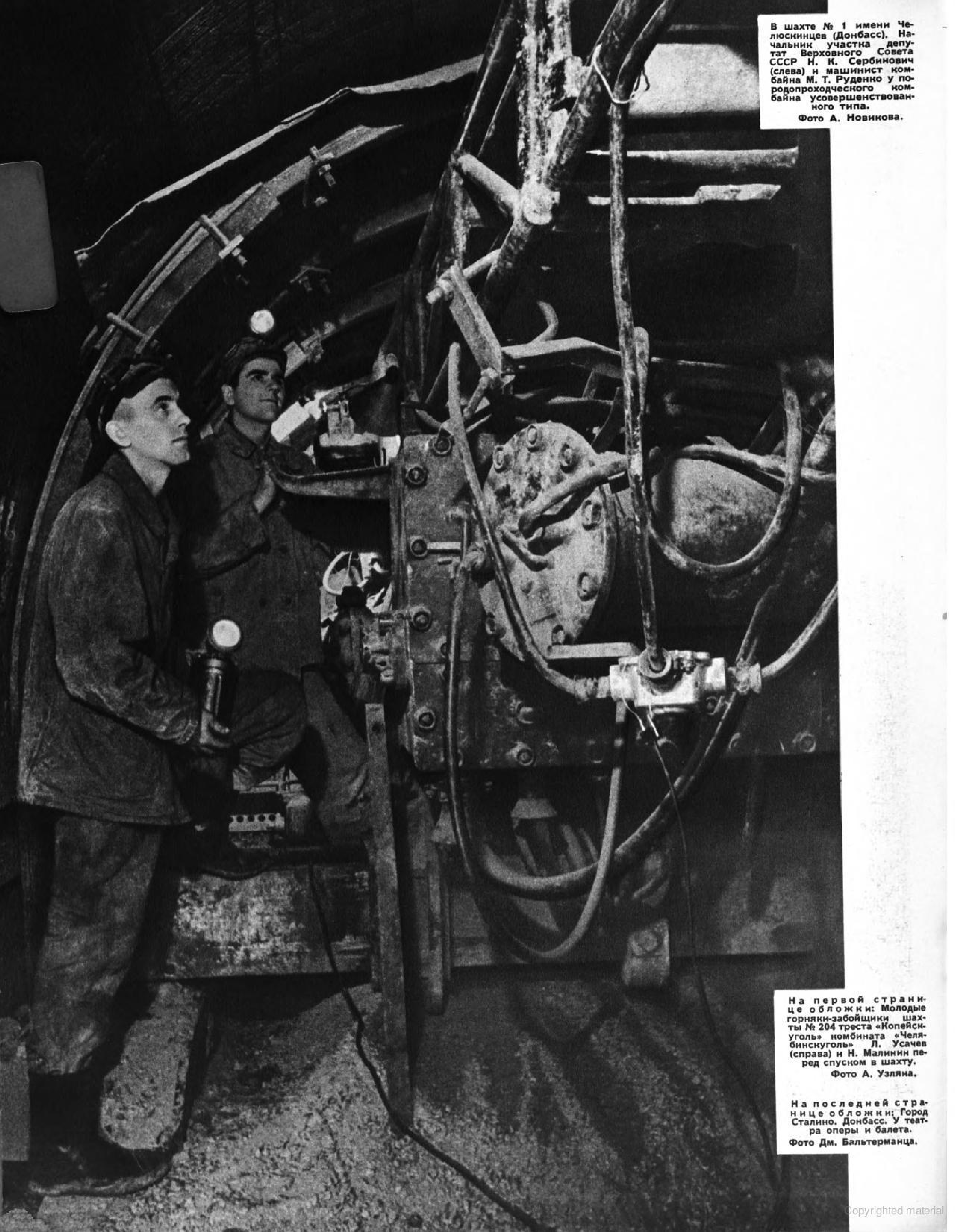

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В шахте № 1 имени Челюскинцев (Донбасс). Начальник участка депутат Верховного Совета СССР Н. К. Сербинович (слева) и машинист комбайна М. Т. Руденко у породопроходческого комбайна усовершенствованного типа.

Фото А. Новикова.

На первой странице обложки: Молодые горняки-забойщики шахты № 204 треста «Копейскуголь» комбината «Челябинскуголь» Л. Усачев (справа) и Н. Малинин перед спуском в шахту.

Фото А. Узляна.

На последней странице обложки: Город Сталино. Донбасс. У театра оперы и балета.

Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 35 (1420) 29 АВГУСТА 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

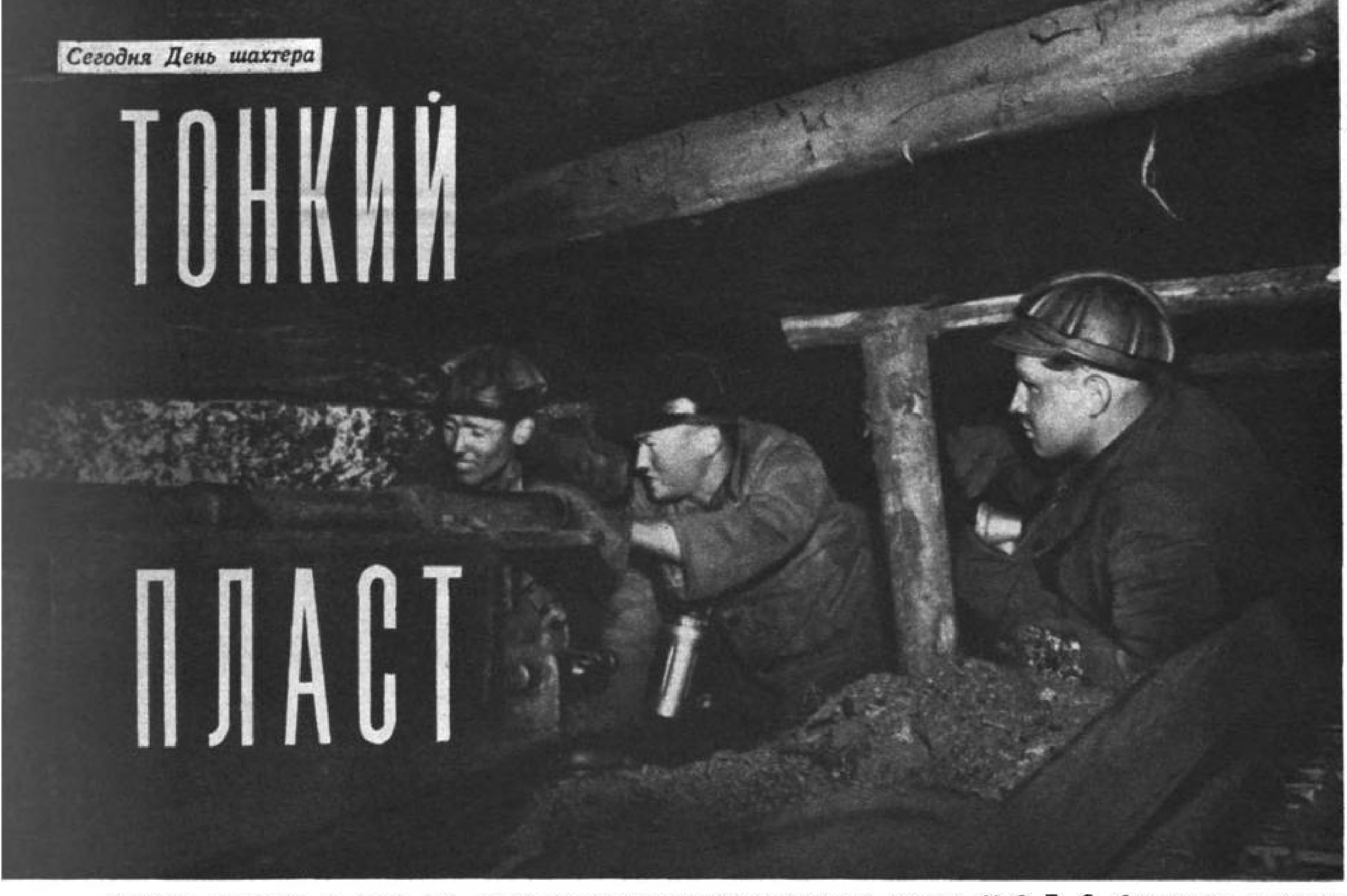

ХЛЕБ НОВОГО УРОЖАЯ. Колхозники сельхозартели «Путь Сталина», Ливенского района, Орловской области, везут зерно на элеватор.

Фото Евгении Оцуп.

Сегодня День шахтера

ТОНКИЙ ПЛАСТ

Комбайн «Горняк» в лаве. На снимке (справа налево): начальник участка № 3 Е. С. Филимонов, инженер-конструктор В. Н. Хорин и машинист комбайна «Горняк» Н. Г. Лаухин.

Борис ГАЛИН

Фото Дм. Бальтерманца.

Осенью 1952 года из далекого Китая в Донбасс прибыла книга, адресованная инженерам-конструкторам Гипроуглемаша А. Д. Сукачу и В. Н. Хорину. Долго вглядывались конструкторы в начертания китайских иероглифов — не сразу поняли они, о чем речь идет в этой книге. И только по чертежам узнали свое, знакомое: это была переведенная на китайский язык книга наших конструкторов, создавших угольный комбайн «Донбасс».

Первый советский комбайн внедрял на пологих пластах в шахтах Китая инженер Владимир Сизов. Рассказывая о внедрении комбайна «Донбасс», Сизов показал мне сводки суточной добычи, которые он бережно хранит вместе с письмами китайских друзей. Какой это скромный, упорный и терпеливый народ — инженеры-внедренцы!.. Старый механизатор Донбасса седой инженер Задависвечка работал на наших комбайнах в шахтах Польши и Чехословакии. Алешин, худой, с тонким смуглым лицом горняк, внедрял первые комбайны в шахтах Болгарии.

Ученик Алешина, болгарин, первый машинист комбайна, загораясь, говорил русскому: «О, другарь!»

Алешин поясняет мне: другарь — это по-болгарски товарищ.

Вспоминая о работе на пластах Болгарии, Алешин волнуется, крепко прижимает тонкие руки к груди. Скажет слово «другарь» и быстрым жестом отрывает руки от груди.

Какая тяга там, в Болгарии, ко всему идущему из СССР! В лаву, где работал первый комбайн, приходили все новые и новые люди смотреть советскую машину.

Алешин задумался и, улыбаясь, произнес:

— Тут и пошло паломничество... Самое настоящее паломничество. На живом деле они увидели нас...

Тогда же, осенью, при встрече на заводе в Горловке, конструктор Хорин показывал мне книгу, присланную из Китая, потом повел в сборочный цех — смотреть машину новой конструкции для работы на тонких пластах.

Еще в дни внедрения комбайна «Донбасс», предназначенного для работы на пластах средней мощности, конструкторы задумались над тем, чтобы, как они говорили, распространиться и на тонких пластах. Какие резервы таятся в них! Но как облегчить труд шахтера на тонких пластах, как освободить массу энергии, которая затрачивается на ручную навалку угля, убрать из лавы лопату, сделать труд более производительным? Вот так разгоралась мысль о создании горного комбайна для тонких пластов, стала «завязываться» общая идея машины. По глубокому убеждению конструкторов, образ машины созревал постепенно, приобретал точные формы в металле, «ожил» в первых добытых тоннах угля.

В Горловке на испытательном стенде я увидел машину в натуре. У комбайна уже было название: «Горняк». Сами проектировщики да и рабочие завода ласково называли его «Горнячок». И в самом деле, по сравнению со старшим своим собратом — комбайном «Донбасс» — новая машина выглядела более компактной, небольшой по габаритам.

Машина предназначена для работы на пологих тонких пластах мощностью от 0,6 до 0,8 метра.

Главный конструктор проекта Хорин открыл крышку машины и стал брать на ощупь смазанные машинным маслом детали. Должно быть, это великолепное ощущение — брать детали на ощупь...

— Прошу! — сказал он, приглашая и меня погрузить руки внутрь машины, наглядно демонстрируя, как легко происходит съем одного «узелка» машины — расштыбовщика.

Отойдя на несколько шагов от лежавшей на полу машины и вглядываясь в нее цепким, острым взглядом, конструктор заметил:

— Вот оно, объемное заполнение конструкции!

И, должно быть, вспомнив споры, разгоревшиеся на начальной стадии работы над проектом, усмехнувшись, добавил:

— Нам говорили: «Все еще, мол, танцуете от врубовки, от машины на цепях... Это-де ремонт, «лепка»... А я вам так скажу: мы и от цепей еще не все взяли, что можно взять. Какие резервы таятся в тех же цепях!

Сколько великолепных идей возникало в спорах и на бумаге, но поди-ка, сунься со своими великолепными идеями в тонкие пласты! Вначале мыслилось самое, казалось, легкое и простое: создавая новую конструкцию машины, взять за основу комбайн «Донбасс». Но как только приступили к проектированию, то сразу же столкнулись с трудностями: оказалось, что по образу и подобию, так сказать, новую машину не создашь. Тонкий пласт — это свои особенные горные условия, которые потребовали от конструкторов нового подхода к решению задачи.

Эксперты считали, что в первом варианте проекта новой машины имелись пустоты, или, как они говорили, «танцклассики».

Инженеры - конструкторы угольного машиностроения иногда сравнивают свою работу с трудом авиаконструкторов.

— У них воздух,— говорят они,— а у нас недра. Как для летчиков дорог и значителен каждый килограмм веса, так для нас дорог каждый миллиметр высоты.

Уложиться в заданные габариты, сделать машину в 510 миллиметров по высоте было одной из труднейших задач при проектировке новой конструкции комбайна. «Танцклассики» требовали жестокой борьбы за каждый миллиметр. Создав оригинальную конструкцию главного электродвигателя, проектировщики выиграли 260 миллиметров по высоте.

В сборочном цехе завода, глядя на машину, я как-то не сразу уловил практический смысл формулы: «Бороться за каждый миллиметр». И только позже, в лаве на тонких пластах шахты «35-35-бис», наблюдая «Горняк» в работе, мне вдруг отчетливо ясен стал весь смысл и все действительное значение «каждого миллиметра».

Само название «тонкий пласт» очень точно и сжато рисует обстановку. Тонкий пласт — это порою и более сложные горные условия и ограниченный диапазон возможностей для работы машины.

Помню, как водитель комбайна, держа лампу в руках и направляя лучик света на машину, сказал о ней только одно слово: «Верткая». И думается, в одном этом ласково сказанном слове шахтер выразил свое отношение к горному комбайну.

Машинист выключил комбайн и, осветив обступивших его молодых курсантов, сказал, что настоящий механизатор должен стараться чутко ловить звуки работающей машины, отличая в их сложной гамме разнообразие оттенков.

— Вот она запела... До-о-о... Хороший, ровный звук — это значит, что зубки поставлены в одну линию. До-о-о! — откинув голову, веселым, звучным голосом сказал машинист.— А услышишь тонкий звук,— и он изобразил звук работающего мотора,— и тогда соображай: это значит, машина уперлась в колчедан, зацепилась за материал... Дай утихнуть мотору.

Для испытания первого экспериментального образца конструкции решено было выбрать лаву на трудных пластах с крепкими углями.

— Если на ремовском пойдет,— говорили конструкторам на шахте имени Киселева,— стало быть, везде пойдет.

Первым машинистом, которому пришлось испытывать комбайн на тонких пластах, был комсомолец Степан Пацюк. Он был послан в лаву по путевке комсомола. Вместе с ним работал комсомолец Иван Шелех. Я спросил у Хорина, что за человек Степан Пацюк. Конструктор двумя словами обрисовал весь характер Степана: «Турботна людына». Человек беспокойный. Подумал и энергично дорисовал портрет: «Молодой, чубатый, ясноглазый».

— Взгляните,— сказал конструктор и на листке блокнота заштриховал тонкий пласт, крепкий ремовский уголь, стремясь дать мне лучше понять, в каких трудных горных условиях работал Степан.

Доводка конструкции машины. Какая это трудоемкая работа! На доводку требуется время, упорство и то поистине великое умение видеть конструкцию созданной машины глазами многих и многих людей, умение коррек-

тировать, улучшать узлы и, как говорят конструкторы, «доводить машину до ума».

И как все новое, утверждающее себя в борьбе, «Горняк» пробудил к жизни новые творческие силы шахтеров. Достаточно сказать, что при корректировке чертежей на серию в конструкцию машины было внесено более трех тысяч поправок, улучшающих «Горняк». Над созданием проекта горного комбайна работали инженеры-конструкторы Хорин, братья Сукач, Башков, Винников; машину активно внедряли инженеры Мироненко, Даниленко, Пятибратченко, машинисты Пацюк, Мирошниченко, Воробьев... Коллективной мыслью оттачивалась, улучшалась конструкция комбайна.

...В начале лета я встретил Хорина в Сталино и стал расспрашивать его о дальнейшей судьбе «Горняка».

— Потихоньку распространяемся на тонких пластах, — сказал он. — Внедряем вторую сотню машин!

И веером развернул передо мною стопку писем горняков, адресованных коллективу конструкторов, создавших горный комбайн «Горняк».

— Вот где вьется гнездо вдохновения... В лаве!

Особенно дорожил он первыми письмами — отзывами шахтеров. В них было немало критики, но они же, эти первые письма, взбодрили конструкторов и инженеров-внедренцев.

Пишет Воробьев Александр Иванович с шахты «2-бис»:

«Комбайн прост в управлении. Замечательна смазка ведущей и режущей частей, а грузчику, как говорится, и цены нет. На такой машине любо-дорого трудиться.

Комбайн имеет четыре скорости, но нам приходится работать только на первой (0,27 метра в минуту). А ведь хочется, чтобы машина на любых скоростях работала на мягких углях так же хорошо, как и на крепких».

Зовет конструкторов: пожалуйте к нам... Советует продумать систему смазки заднего подшипника главного вала.

«А то я со своей академией не в силах охватить всего. А общими силами мы сделаем много, товарищи конструкторы...»

Конструктор положил на крепкую ладонь письмо от горного механика с шахты имени Ленина.

— Сердитое письмецо.

— Что, критикует? — спросил я.

— Да, критикует. И, надо сказать, здорово критикует. Помогает, толкает. А поначалу — так нежно: «Во-первых, доброго здоровьица, товарищи конструкторы...»

— А во-вторых?

— А во вторых, — воскликнул конструктор, — во-вторых, в-третьих и в-четвертых, требует, корректирует, советует! Слушайте: «...а посмотришь на все это, и просто, как говорится, щиплет сердце... Обидно, сколько непроизводительного труда, какая низкая еще продуктивность! Тут, верно, и от нас многое зависит....»

Конструктор подбросил сердитое письмо на ладони и смущенно сказал:

— И у нашего брата, конструктора и внедренца, тоже, знаете ли, щиплет. Требовательный народ — наши горняки. И это очень хорошо, что требовательный. Не дают успокоиться, толкают, заставляют задумываться над многими еще не решенными в горном деле вопросами механизации.

И, задумавшись, негромко повторяет заключительные строки письма: «...за все хорошее спасибо. А пока до свиданья. Семененко Николай Филиппович...»

Хорин стал рассказывать мне про житье-бытье конструкторов, кто над чем работает, и предложил поехать на шахту смотреть работу «Горняка». Его почему-то тянуло на ту шахту, где внедрялся первый, опытный образец машины. Теперь вся шахта добывает уголь с помощью комбайнов «Горняк» и «Донбасс».

Там, на шахте, я познакомился и со Степаном Пацюком. При виде его вспомнилось, как конструктор говорил мне о нем: «Турботна людына».

Степан с трогательной нежностью, как что-то очень хорошее, навсегда вошедшее в его жизнь, вспоминает дни испытаний комбайна для тонких пластов. «Горняку» он многим обязан. Ну как же! Машина пробудила в нем горячее желание учиться! Сразу же после окончания испытаний новой конструкции он был послан учиться в горный техникум. Закончил — и вот работает сейчас помощником начальника участка.

В шестом часу утра мы зашли к начальнику участка Филимонову, чтобы вместе с ним пойти в лаву.

У Евгения Филимонова очень молодое лицо, русая прядь свисает на лоб, у левого глаза светлосиними лучиками сбегается въевшаяся в кожу угольная пыль. Горный инженер смеется: «Во дни студенческой практики к пласту приложился».

Он вел наряд. В голосе его не было басовитых, начальственных ноток. Еще не перевелись, к сожалению, такие руководители в горном деле, которые любят налегать на голосовые связки, полагая, что добычу легче взять грубым окриком. И по тому, как Филимонов, почти не повышая голоса, спокойно, деловито давал наряд на работу и как внимательно его слушали и ласково и уважительно называли молодого инженера по отчеству: «Самуилыч», — по всему чувствовалось, что шахта приняла его.

В шахту можно спуститься по главному стволу. Но Филимонов предлагает другой путь: хорошо пройтись километра полтора по степи, спуститься в ремовскую балку, а оттуда вентиляционным шурфом в пятую восточную...

В балке среди зеленой шумящей под ветром листвы горняки и конструктор делают короткий привал.

Филимонов широко раскидывает руки, долго и молча глядит сквозь светлую листву ясеня в высокое небо. По дну балки пробегает ручей; в ровном темпе наплывает гул работающих близко машин, нагнетающих в шахту мощные струи воздуха.

Евгений скупо рассказывает о себе: дед его был электриком, отец металлургом, а его, Евгения, потянуло на горное дело. У нас оказались общие знакомые — я знал его товарищей по институту: Безгинова с 29-й шахты, Иванцова с шахты «3-бис». Все они горные инженеры одного выпуска, 1953 года.

Он улыбнулся, вспомнив, как впервые принял начальство над лавой.

— Поверите, — шепотом сказал он, — спустился я в лаву, даже пласт в тот день выглядел для меня каким-то новым, другим...

Филимонов усмехнулся: «Пласт в натуре!»

Он потянулся рукой и то сгибал упругую ветку ясеня, то отпускал ее; при этом движении светлые пятна солнца скользили по его лицу.

— Мысленно, — Филимонов засмеялся, — я уже цикловал лаву. Знаете, поначалу еще живешь по формулам института. Ну, а в жизни...

Он замолчал, задумался.

— А в жизни?

— А в жизни, — негромко сказал он, — все и проще и сложнее. Начал работать в лаве — и сразу же вырос объем работы. Кажется, и во сне видел ее, лаву свою... Все думаешь: сладить бы, овладеть бы, научиться... Мелочам ведь нас в институте не учат. Да их и трудно предусмотреть в учебнике. А в лаве все складывается из вещей, которые только на первый взгляд воспринимаются как мелочи. Ну, тут-то и важно было обозлиться, спросить себя, могу ли. Ну, а если можешь, то должен!

Какое суровое, полное жизни слово «добыча»!

Или ты даешь добычу с плюсом или с минусом. И как же дорог был Филимонову его первый плюс в работе! Как бы в дальнейшем ни сложилась жизнь, какие бы трудности ни выпадали, а этот первый завоеванный тобою плюс будет долго жить в душе.

Возвращался Филимонов как-то с шахты домой, проходил мимо домика, окна которого были распахнуты в степь. Женский грудной голос с тихой грустью произнес за окном, обращаясь, быть может, к мужу или к сыну: «О, як бы ты бажав добрэ жыты»... Филимонов говорит, что он в ту минуту невольно улыбнулся. И он, молодой горный инженер, думал о хорошей жизни-работе. Он ведь обязан думать о будущем своей лавы.

— По штату полагается, — смеясь, сказал он, вставая и подхватывая с земли лампу.

Может быть, это другая, очень важная тема — о насыщении лав инженерно-техническими работниками. Но мне думается, что тема о кадрах имеет прямое отношение к созданию и внедрению новых машин на шахтах. Если продолжить мысль Филимонова: кто же будет налаживать хорошую цикличную работу — «добрэ жыття», так сказать, если современная механизированная лава почти не видит у себя инженеров. Где они, инженеры и техники горного дела? Почему их так мало в забое? А между тем лава ждет инженера.

Однажды я с этим же вопросом обратился к одному крупному работнику горного дела, начальнику комбината.

Положение дел на шахтах заставило его призадуматься: происходит какой-то разрыв между все более возрастающим внедрением в лавах механизмов и очень медленным ростом инженерских кадров, работающих непосредственно в лаве. А ведь судьба добычи зависит от работы этого первого звена горного дела.

Год тому назад, рассказывал начальник комбината, он направил в Макеевку, на шахту

В шахтерском поселке.

имени Ленина, шестерых молодых инженеров. Шахта крупная, механизированная, и начальник комбината полагал, что они, молодые специалисты, помогут улучшить работу шахты, внесут в нее инженерский дух, будут внедрять технически грамотную политику. За сутолокой дел начальник комбината как-то упустил эту молодежь, и сейчас, заговорив со мною о роли молодых специалистов в борьбе за добычу, вспомнил шестерых инженеров и решил тут же узнать об их судьбе. Связавшись по телефону с главным инженером шахты, начальник комбината заинтересовался, как же сложилась жизнь-работа этой молодежи... Результаты были, к сожалению, грустные: из шестерых в лаве остался один, остальные куда-то разбрелись... Из вопросов, которые он задавал главному инженеру шахты, по коротким репликам и сердитым комментариям, даже по хмурому лицу начальника комбината можно было понять, что картина, как он выразился, мрачная.

Повидимому, главный инженер шахты сказал своему собеседнику, дескать, надо посылать для работы в лавах крепких производственников, инженеров со стажем... Начальник комбината вспыхнул, повел плечом и, косясь в мою сторону, проговорил сердито:

— Опыта, говорите, у них мало, а тут добычу надо давать. Так-то оно так. Но ведь и мы с вами, товарищ Ермоленко, начинали в свое время вот так же. Да, да, молодыми, неопытными. И потом кое-что накопили. А встреть нас тогда вот так, как вы встретили молодых, и у нас, наверное, крылья бы повисли. Ты свою первую премию помнишь? Вот видишь, помнишь. И я, товарищ Ермоленко, помню свою первую премию на шахте. Велосипед! Навсегда запомнил первое поощрение в работе... Вот-вот, все дело в том, что надо было вовремя поддержать эту молодежь, дать ей возможность накопить опыт в работе.

Я слушал разговор двух хозяйственников, и вспоминалась мне осень сорок шестого года. Н. С. Хрущев, выступая в Донбассе на собрании партийно-хозяйственного актива, отметил хорошее стремление у молодых инженеров, да и не только у молодых, идти работать в забой. «Главное — это шахта, это забой, — сказал товарищ Хрущев. — Здесь решается судьба угледобычи. Вот почему надо руководителям шахт, главным инженерам почаще бывать в шахте. Надо укрепить решающие участки угледобычи в шахте коммунистами и комсомольцами. Надо перевести из аппарата на работу в шахты максимальное количество инженеров и техников».

Этот совет остается и по сей день актуальным и нужным.

...Вечером по инициативе Филимонова мы вместе со всем активом Восточной лавы поехали в глуховский лес, что зеленой стеной стал вокруг обширного ставка.

Горняки — живой, веселый народ! Один из шахтеров — маленький, крепкий в плечах, с быстрым взглядом — держал на коленях раскрытый томик Горького. Он читал своим товарищам письмо Алексея Максимовича к горнякам шахты «Наклонная ветка». Письмо времен первых пятилеток:

— «Об этом говорит и ваше, товарищи шахтеры, сознание, что каждый выработанный вами лишний кусок угля — дело государственной важности,— чем быстрее, успешнее работа, тем ближе конечная цель».

Прочел и, заложив загорелую руку между страницами книги, подняв голову, сказал:

— А цель у нас одна— строить коммунизм!

Кто-то из шахтеров сказал задумчиво:

— Углем интересовался... Хорошей работой. Добычей. Чем, говорит, быстрее, успешнее работа, тем ближе цель.

— А как же! — быстро откликнулся горняк, читавший письмо Горького. — Писатель! Всем интересовался...

И долго еще, казалось, слышалось в воздухе бодрое, звонкое горьковское: чем успешнее работа, тем ближе цель.

Горный мастер Бруско, широкий и плотный, атаковал конструктора.

— Доказано,— Бруско с ударением произносит это слово,— доказано, что себестоимость угля, добытого «Горняком», значительно понизилась. Доказано, — продолжает он,— что труд стал более продуктивным. Все это бесспорно, но вместе с тем нужно помнить о скрытых резервах.

Горный мастер стиснул мою руку и горячо сказал:

— Корреспондент! Хотите материалец? Горючий! О простоях... Вот, говорят, машина красиво работает. Это верно: красиво, когда работает. А когда простаивает? Какая же красота, если, по данным хронометража, комбайн занят только на 30—40 процентов рабочего времени? Остальное съедают простои.

Пиджак свисает у него с одного плеча. Он вплотную подходит к Хорину, кладет ему на плечи загорелые, крепкие руки и легонько встряхивает его, точно хочет, чтобы лучше, быстрее дошла до конструктора горячая шахтерская мысль. Мысль-требование. Вот вы, дорогие товарищи конструкторы, стали овладевать тонкими пластами. Дали горнякам хорошую конструкцию машины. Вытеснили лопату. Это хорошо! За сделанное спасибо. Но надо же смотреть дальше, дорогие товарищи конструкторы... Где механизированная крепь? Пробудили вкус к механизации, так уж доводите дело — живое дело! Вытесняйте ручной труд полностью из лавы. Возможно ли это, или на сегодняшний день это, как говорится, всего только мечта?.. Надо всю лаву сделать комфортабельной. Да, да, комфортабельной.

Конструктор осторожно пробует выбраться из крепко сжимающих его рук. Конструктор посмеивается:

— Ого, тяжелая у тебя рука, горный мастер!

Вот так завязывается горячая беседа о механизации, о машинах ближайшего будущего.

Хорошая, комфортабельная лава, если пустить в ход это слово, — это борьба за комплекс. Нужно иметь на шахте, снизу доверху, цепь машин, механизирующих труд.

Конструкторская мысль ищет в этом направлении. Конструктор пробует наглядно, пустив в ход коробок спичек, ветки, очертить контуры агрегата, будущего агрегата, работающего в лаве. Мысли о нем уже волнуют коллектив конструкторов.

— Комплекс! — тихо сказал горный мастер Бруско, которому идея создания агрегата, механизирующего весь труд в лаве, пришлась по душе.

Может быть, он, конструктор, вместе с горняками, окружившими его, залетел далеко, слишком далеко. Но ведь от нас с вами, товарищи, зависит, чтобы быстрее реализовать возможности. А посему не будем надевать, как говорится, никакой узды на нашу мечту.

Кто-то из горняков замечает, что для мечты одной конструкторской мысли мало.

А Бруско с веселой улыбкой, которая так идет к его широкому лицу, бросает:

— А давайте, товарищи, вместе думать!

Конструктор в лад ему ответил:

— Давайте!

Слушал я их живую беседу о машинах ближайшего будущего, и вспомнился мне один эпизод далекого прошлого.

Более полувека назад в этих местах бродил молодой Вересаев. Есть у него рассказ, описывающий его встречу с шахтером, который упорно трудился над чертежами, рисовал «планты рудников», мечтал о создании в забоях совершенной вентиляции. «Двенадцать часов народ в шахте сидит, а дышать ему нечем». Вот откуда мечта о совершенной вентиляции! Для шахтера, писал Вересаев, «эти планы, в которые он вложил столько любви и труда, видимо, дышали жизнью; ему казалось, достаточно любому взглянуть на них, чтобы сразу получить яркое представление о тяжелой судьбе шахтера».

Но «планты» этого шахтера, в которых выражены его горячие мысли, разумеется, не могли найти себе должного выражения в те времена. Ни он, ни его мечты никого, в сущности, не интересовали.

А наши конструкторы глубочайшим образом заинтересованы в творческой активности горняков, добывающих уголь.

Есть у горняков такое деловое понятие: работать с опережением. Это значит всегда и во всех звеньях подготавливать фронт работ. Чтобы и мысль твоя работала с опережением, заглядывала в будущее.

Над старыми дубами с быстротой молнии взлетали искры — это пионеры зажгли свой костер. Стоя плечом к плечу у костра, дети шахтеров запели песню. Жаркое пламя, казалось, достигало звезд.

Бруско о чем-то беседовал с Хориным. Горячим, быстрым шепотом горный мастер сказал:

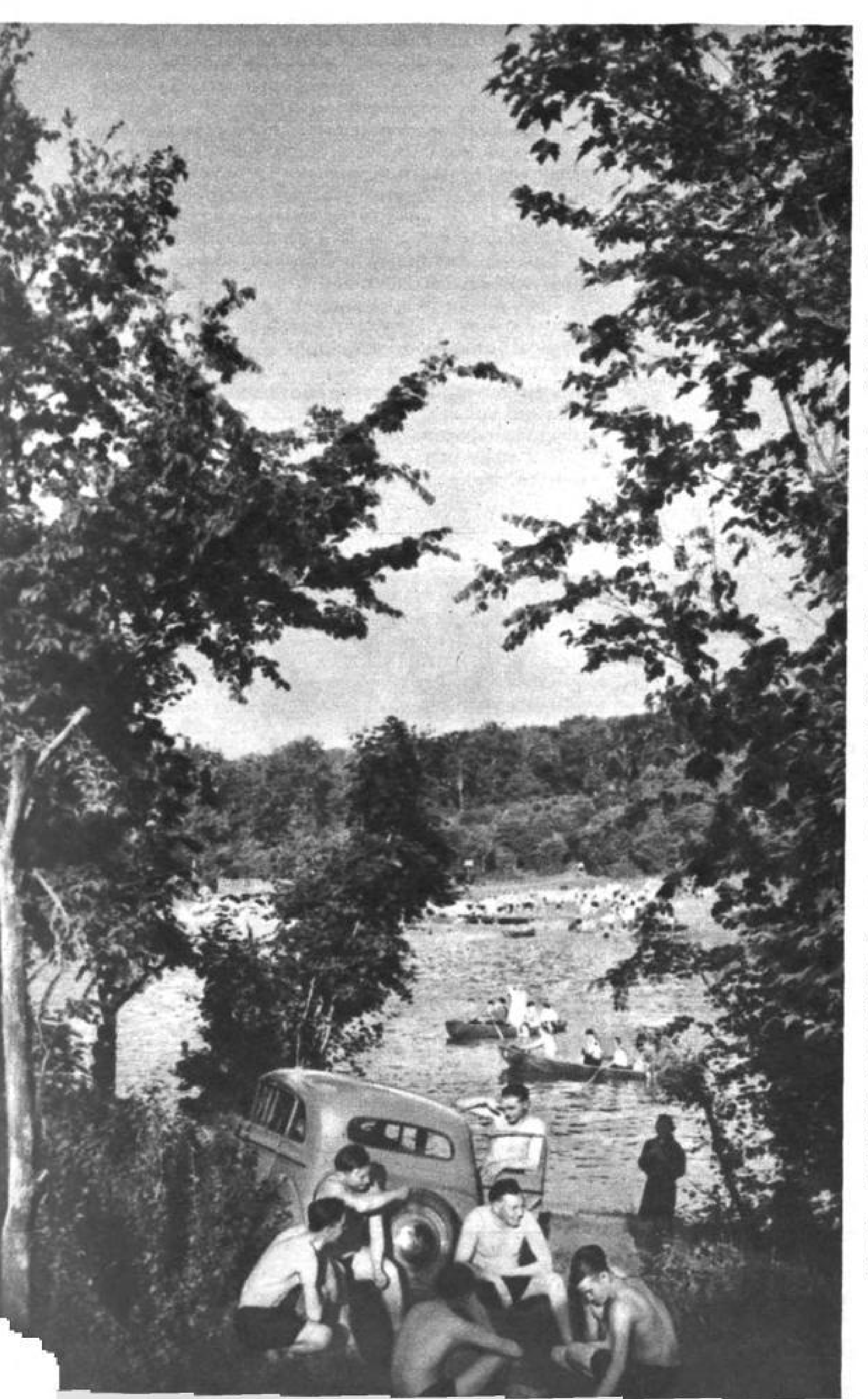
— Вот советуюсь, штурмовать ли мне горную науку.

Бруско заканчивает без отрыва от работы в лаве среднюю школу и раздумывает, куда ему дальше пойти учиться.

Конструктор сказал:

— Обязательно штурмуй!

Шахтеры на отдыхе.

КРУЖЕВА

Рассказ

Ю. ДОБРЯКОВ

Рисунки О. Верейского.

1

Чаще всего девушки собирались в пятистенной избе сестер Квашниных: здесь было просторно, пахло молоком и какими-то травами, вдоль стен, увешанных рушниками и семейными фотографиями, стояли тесовые лавки, обструганные до блеска дедом Федотом. Влекли сюда девушек и сами сестры — Надежда и Ольга,— обе характера спокойного и мягкого, скупые на слова и доверчивые к людям, с утра гладко причесанные, розовые от ключевой воды.

Девушки, приходя, устраивались на лавке под окнами. Сестры всегда садились рядом — тихие, приветливые, похожие друг на друга и лицом, и платьем, и неторопливыми движениями сильных и ловких рук. Сидели они прямо, чтобы не болела спина и не портилась фигура,— так, как в свое время сидела бабка Прасковья, сохранившая и до сих пор девичью легкость в стане, хотя из-за слабости глаз кружева она уже не плела, а хлопотала в сенцах с самоваром, готовя мастерицам чай.

Первый час плели молча — так велось издревле. Лишь постукивали и пощелкивали коклюшки, будто бежала по камушкам незатейливая речка, перебирала камушки, считала, сколько их. Потом на тихой басовитой ноте заводила песню черноглазая и чернокудрая Панка Малашкина; говорили, что отцом ее был пришлый цыган. Вторым голосом подхватывала маленькая длиннолицая Нюра Мещерякова, а за ней и другие девушки — кто высоким и чистым выдохом, кто альтом, как Панка. Песни пели разные, но обязательно протяжные и печальные, иначе не тот бы вышел узор. И головы от сколков не поднимали, будто не придавали ровно никакого значения песне, будто начиналась и кончалась она сама по себе, вовсе и не по их желанию.

Часов в семь бабка Прасковья обносила всех чаем. Неизвестно как, но к чаепитию всегда прибывал дед Федот: садился в угол, прихлебывал, чмокая, дул на блюдце, охал, выпивал чашек пять, а потом забирался на печь и лежал уже там неподвижно. Девушки пили чай молча, с хрустом откусывали колотый сахар, который каждая приносила с собой завернутым в чистую тряпицу. После чая выходили в сенцы и долго мыли руки: упаси бог, если возьмешься за сколок липкими пальцами!

Попозже приходили ребята. Ступали тихо, осторожно откашливались, садились напротив девушек на лавку, которая всегда оставалась для них свободной, деликатно выходили на улицу, если вздумалось покурить. Санька Баринов перекидывал через плечо ремень гармони, легонько проводил по ладам, словно пробуя свое умение, играл все те же протяжные и грустные песни, длинные, как северные вечера. В селе уважали давнее и тонкое ремесло кружевниц и за искусство и за достаток, который оно приносило. Конечно, кружева — это не мужское дело, само собой разумеется. Но парни приходили и играли, чтоб мастерицам не было скучно; все-таки до́лги, очень до́лги северные вечера.

Иногда, впрочем, обычное течение вечера нарушалось. Случалось это чаще по субботам, когда бабка Прасковья приходила от соседки, с которой дружила уже добрых полвека, в легком «брожении духа», как говорил дед Федот, любивший замысловатые выражения. Дед тогда не ждал чая, а сразу забирался на печку и смотрел на бабку колючими, как у ежа, глазами. Зато девушки немедленно сбивались в тесный кружок, с нетерпением ожидая очередного рассказа.

— А бывало, девоньки, и так,— начинала бабка Прасковья, будто продолжая начатый ранее разговор.— Пришло этта от королевы гишпанской к нашему царю-императору прошение: прошу, дескать, любезный мой друг, прислать мне кружевную мантилью из самых что ни на есть тончайших ниток. Ну, царь-император, конечное дело, отказать не может, потому он с ней одной царской крови. Сей же час клич: есть ли в моем царстве такие мастерицы? А как же, отвечают, есть на реке Сухоне, в селе Зародове, Прасковья Саввишна Квашнина. Она не только что мантилью, она...

— Ври, ври, беспутная старуха,— хрипел с печки дед Федот.

Девушки и сами знали: любит присочинить бабка Прасковья. Пересмеивались между собой, но осторожно, чтоб не обидеть рассказчицу. Зато и они затихали, когда бабка лезла в кованый сундучок и вынимала оттуда то большую бумагу с золотым обрезом и двуглавым орлом, то круглую медаль с изображением высокой стрельчатой башни, то грамоту в сафьяновом переплете с гербом Союза Советских Социалистических Республик.

— Ври-то ври, а медаль-то «Гран при»,— укоризненно говорила бабка, и оттого, что к старости она стала картавить, последние слова произносила, как заправская француженка.

Но более всего любили девушки, когда бабка рассказывала, как рождались у старых мастериц новые рисунки кружев, знакомые еще с раннего детства. Тогда все эти «колеса», «банты», «фантаски», «денежки», «березки», «городки» и «мушки» облекались в привычные, милые сердцу картины сельской природы, жизни и быта. Будто идет мастерица по улице, собирает в лукошко все, что видит вокруг себя, а потом отбирает из лукошка самое приметное — и вот оно уже на подушке, на сколке, под пальцами, быстро перебирающими шестьдесят, а то и больше пар коклюшек.

Раз в год, летом, приезжал из города инструктор Кружевсоюза Терентий Павлович Капралов, дородный и шумный человек в косоворотке и высоких болотных сапогах. Зайдя в две — три избы, где плели кружева, он исчезал затем на неделю: охотился на уток в сухонских поймах. В заключение Терентий Павлович делал инструктивный доклад. Слушали его невнимательно: говорил он о никому неведомых брабантских, валансьенских и льежских кружевах, добавляя при этом, что кружевное искусство в Бельгии упало еще в конце прошлого века. В Зародове, собственно, мало интересовались уровнем кружевного производства в Бельгии, и только бабка Прасковья, не желая уронить свой авторитет, говорила после доклада: «Знаю, читала об этом»,— хотя всем было известно, что бабка сколок читала отменно, а грамоте так и не научилась.

А еще Терентий Павлович произносил странные слова, обижавшие и сердившие девушек. Рассматривая на свету накидку или покрывало, он недовольно басил:

— Что это у вас все колесики да бантики... Геометрия одна... Нет, вы мне в кружеве чувство дайте, душу свою откройте. Верно я говорю, девицы-перепелицы?

— Душу ему подавай! — ворчала бабка Прасковья, когда инструктор уходил.— А ну, девоньки, гляньте, есть в этом узоре душа аль нет?

И она развертывала кружевную дорожку с редкостным и дивным рисунком, требовавшим от мастерицы искусства и фантазии. Это был любимый рисунок бабки Прасковьи, и назывался он «морозом». Зимним вечером сидит кружевница в избе, смотрит на оконце, освещенное тусклым светом лучины, а оконцето обледенил лютый вологодский мороз, и горят на нем белым пламенем звезды необыкновенной красоты, стоят в белых шапках ели и сосны, таятся между ними зайцы в белых шубках, и все кругом белым-бело, как в чистом поле.

Глядя на рисунок, девушки вздыхали и задумывались. А Надя Квашнина смотрела на темное окно, и чудилось ей, что стоит за ним тот, которого она ждала уже второй год, стоит и смотрит на нее, сейчас постучит, позовет ее навсегда с собой...

2

Но он не постучал, не позвал с собой, а однажды пришел запросто с ребятами, сел рядом с Санькой Бариновым, слушал его гармонь и чему-то улыбался. Приход молодого агронома никак не мог остаться незамеченным. Девушки шептались, переглядывались, и даже дед Федот, уже успевший забраться на печь, вдруг закашлялся и попросил квасу.

Да и в самом деле, событие было необыкновенное. Агроном Павел Семенович Кривенков приехал в Зародово больше года назад,

но никто не мог похвалиться дружбой с ним или хотя бы близким знакомством. То ли сам агроном не хотел сходиться с людьми, то ли его сторонились как человека пришлого, не из здешних мест, с непривычным московским говором, с академическим образованием. Агроном он был знающий, с ним считались старики, но и в поле, на страде, он говорил с людьми только о деле, не позволяя себе ни вольного словца, ни расспросов о житье-бытье, ни душевного разговора. Бывало, заходил Кривенков и в клуб, когда туда приезжала кинопередвижка, но садился только с людьми степенными и рассуждал с ними опять же о колхозных делах. В гости агроном не ходил и к себе не звал; жил в маленькой комнатушке в хате-лаборатории, где у него были кровать, стол и стопка книг.

И все же на первых порах девушки, что на выданье, засматривались на Павла Семеновича: парень и холост, и умен, и собой хорош. Нюра Мещерякова, встретившись с ним как-то в лесу, сказала, что она заблудилась, и попросила проводить до дома. Павел Семенович вывел ее из лесу, извинился, что спешит, и так торопливо попрощался, что Нюра навсегда затаила обиду. Постепенно интерес к нему стал ослабевать: то ли мнит о себе агроном, то ли есть у него кто-то в городе.

Только Надя Квашнина знала о нем больше, чем другие. Не по тем коротким и деловитым словам, которыми она и Ольга обменивались с Павлом Семеновичем, когда он заходил к ним на парники, а по случайной и внезапной встрече нынешней весной, заронившей в девичье сердце смутную надежду на счастье.

Встречу эту Надя запомнила до мелочей и сейчас, украдкой поглядывая на Кривенкова, снова вспоминала ее. В воскресенье возвращалась она со станции, с базара. Шла не большаком, а проселками, туфли несла в узелке, босые ноги мягко ступали по холодноватой нескошенной траве, на которой еще лежала роса. Кругом было безлюдно, тихо, и поэтому Надя еще издалека услышала позади себя стук копыт. Оглянувшись, она увидела легкий тарантасик, бойко катившийся с пригорка на пригорок и быстро догонявший ее. Когда он был уже совсем близко, девушка посторонилась и тут же увидела, что в тарантасике сидит молодой агроном. Павел Семенович тоже увидел ее, остановил лошадь и крикнул:

— Подсаживайтесь, Надежда Федотовна, вместе веселее!

— Я сейчас, я мигом,— ответила Надя, растерявшись, что он увидел ее босой, что назвал по имени и отчеству, что оказались они вдвоем на проселке.

Потом они сидели рядом, совсем близко друг к другу, в узеньком поскрипывающем тарантасе. Павел Семенович сказал, что он ездил на станцию за посылкой от матери, что мать у него тоже агроном, работает на Кубани и прислала по его просьбе семена пшеницы «кубанки». Говорил Павел Семенович о матери с уважением и теплотой и даже показал ее фотографию, хранившуюся у него во внутреннем кармане пиджака. Надя с удивлением заметила, что у нелюдимого и всегда серьезного агронома такие же, как у матери, детские ямочки на щеках, когда он улыбался.

Уже совсем возле села, когда они проезжали мимо болотистого, редкого леска, ветер донес до них острый и тонкий запах. Павел Семенович снова остановил лошадь.

— Хотите, я нарву вам фиалок? — спросил он и, не дожидаясь ответа, спрыгнул на землю и тотчас исчез за кустами боярышника. Надя слышала, как хлюпали по воде его сапоги, и ей хотелось, чтобы он не возвращался как можно дольше, чтобы она могла долго думать о нем, а он бы не знал этого.

Но Павел Семенович возвратился быстро, передал ей маленький букетик цветов, уселся снова рядом и тряхнул вожжами.

— Что может быть лучше северных фиалок! — сказал он задумчиво.— Смотрите, какие они слабые, беззащитные, на тоненьких, почти прозрачных стебельках. И сколько в них жизненной силы, сколько скромной красоты! А растут они на болоте... На болоте, где ничем не пахнут кувшинки, морошка или клюква. Откуда же у них этот удивительный запах?

И, не дожидаясь ответа, словно смутившись, спросил:

— Я слышал, что вы и ваша сестра — лучшие на селе кружевницы?

— У нас все девушки плетут кружева,— ответила Надя.

— Расскажите, как это делается.

Надя рассказала все, что знала сама и слышала от бабки Прасковьи: как передается мастерство из рода в род, как зародовские кружевницы брали первые призы и в Петербурге, и в Париже, и на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, как рождались новые рисунки и что говорил по этому поводу Терентий Павлович.

— Заходите, посмотрите сами,— добавила Надя.

Но агроном на приглашение не ответил. Он взял из рук девушки лепесток цветка и, рассматривая его, заговорил:

— А что, если на кружева перенести вот эти маленькие белые звездочки и рассыпать их, как в небе, по белому фону? Вероятно, это было бы очень красиво? Только, наверно, и очень трудно.

Девушка ответить не успела: тарантас уже поровнялся с околицей села. Прощаясь, она повторила:

— Заходите, пожалуйста. Мы всегда собираемся по вечерам.

— Спасибо, зайду обязательно,— ответил Павел Семенович и махнул вслед рукой.

С тех пор Надя ждала каждый вечер. Она никому не рассказала об этой встрече, даже Ольге. Она берегла каждое слово, сказанное Павлом Семеновичем. А он все не шел. И встречаясь, как прежде, на работе, оба они, словно сговорившись, ни разу не вспомнили о разговоре на проселочной дороге.

И вот, наконец, он сидит в ее доме. Слушает гармонь, улыбается, что-то шепчет на ухо соседу. Коклюшки путались в руках Нади. Она и не заметила, как подошел час расходиться, как зашумели, вставая, парни и девушки, как подошел к ней Павел Семенович.

— Спасибо, молодые хозяйки,— сказал он, глядя то на Надю, то на Ольгу.— И вам спасибо, Прасковья Саввишна, — добавил он, повернувшись к старшей Квашниной.—Прасковья Саввишна! — проговорил он другим голосом.— Можно мне зайти к вам завтра днем поговорить о важном деле?

Те, кто слышал эти слова, остановились. Что за дело у агронома к бабке Прасковье? Растерялась и бабка, но ненадолго, и сказала: «Милости просим». Ольга вскочила и ушла провожать подруг. Ушел и агроном. А Надя еще долго сидела на лавке, и щеки ее горели.

Когда бабка улеглась, Надя прошла в свою комнату, где спала с сестрой, открыла ящик комода, достала кружевную накидку и засмотрелась на нее. На тонком, почти невесомом белом фоне щедро рассыпались маленькие белые звездочки. «Сколько в них скромной красоты!» — вспомнила она слова Павла Семеновича. И еще вспомнились ей долгие бессонные часы, когда в доме уже спали, а Оленька еще не возвращалась от подруг. Если бы она знала! Если бы знала, какой надеждой живет все эти дни ее старшая сестра!

Так, может быть, завтра?

3

Но на следующий день приход агронома на посиделку к кружевницам заслонили другие события. Во-первых, из области пришла газета, в которой председатель колхоза и члены правления критиковались за плохую заготовку кормов. Во-вторых, отелилась холмогорка-рекордистка Малинка, и все бегали смотреть на большелобого, нетвердо стоявшего на ногах телка. В-третьих, Анна Никифоровна Малашкина отстегала крапивой свою дочку Панку за то, что она провожалась с Санькой Бариновым до третьих петухов. Соседки слышали, как Панка причитала: «Маманя, да как же это, да я ж в комсомоле, а вы такое...», — на что мать, продолжая свою работу, спокойно отвечала: «Комсомол я уважаю, а тебя стегала и буду стегать».

Панка пришла на парники позднее других и тотчас сердито завозилась с капустной рассадой, не обращая внимания на взгляды и смешки подруг. Только черные кудряшки на ее голове вздрагивали: то ли от злости, то ли от смеха. Когда девушки присели пополдничать, Панка гордо стояла в стороне и ела хлеб с огурцом. Насмешливая Нюра Мещерякова, не выдержав, шепнула:

— Что ж теперь, девочки, она и кружева будет плести стоя?

Панка услышала, огрызнулась:

— Зато я, как кое-кто, в трех соснах не блуждаю и провожать меня до дома тоже никого не упрашиваю. Меня и без просьбы проводят...

Девушки откровенно засмеялись. Только Надя ничего не слышала и не видела. Она никак не могла совладать со своим сердцем, то замиравшим, то колотившимся часто-часто, так, что даже кофта приподнималась.

И все же она первая заметила, как на тропке, ведущей от села к парниковым рамам, появилась бабка Прасковья. Она шла крупным, поспешным шагом, размахивала руками и что-то говорила сама себе. Замирая, Надя поднялась ей навстречу. Но бабка не обратила на нее никакого внимания, а подошла к Ольге и низко поклонилась ей.

— Ну, спасибо тебе, дочка, — заговорила бабка Прасковья плаксивым голосом, — уважила мать-старуху, отблагодарила за хлеб-соль!

Ольга тоже встала, прижала ладони к груди:

— Что такое, мам, что с вами?

— Люди добрые! — повернулась бабка к девушкам. — Люди добрые! Да где ж это видано, где слыхано, чтобы родная дочь таила от матери сердце свое неблагодарное, чтоб скрывала от родительницы жизнь свою двуликую?! И ведь как таила — слухом никто не слыхал!.. Ты знала, Надежда? — обратилась она к старшей дочери. — Говори, знала?

— Не знаю, о чем вы, маменька, — ответила Надя, чувствуя, как у нее слабеют ноги.

— И сестре старшей ни слова, вот как у нас! — бабка всхлипнула и, обращаясь снова к Ольге, заговорила уже совсем другим тоном. — Был твой агроном. Как же, пожаловал... Мы с отцом картошку копали, как он заявился. Пришел — и сразу как обухом: «Я прошу вас, Федот Иванович, и вас, Прасковья Саввишна, отдать мне в жены дочь вашу Ольгу Федотовну».

Среди девушек произошло смятение. Все головы повернулись в сторону Ольги. Но она стояла все так же неподвижно, краснея от смущения, прижимая руки к груди.

— Старый мой дурень, — продолжала бабка, — совсем раскис, бормочет чего-то несуразное: «Да я, бубнит, ничего, как вот мать... Я, гнусит, с моим удовольствием, благодарю покорно». Я отодвинула его малость и говорю: «Спасибо за честь, Павел Семенович, только у нас так не делается. У нас сначала старшую дочь сватают».

— Маменька, стыд-то какой! — простонала Надя.

— Молчи! Не твоего ума дело! — прикрикнула бабка. — Сказала я ему, а он только улыбается. «Да я, говорит, очень уважаю Надежду Федотовну, а люблю, говорит, Ольгу». «Как же ты ее любишь, спрашиваю, если ты ее и не знаешь вовсе?» «Отчего же, смеется, я Оленьку уже скоро год знаю, и все между нами сговорено. Только, говорит, мы до времени огласки не хотели и на том просим нас простить. Я, говорит, — в голосе бабки зазвучало плохо скрываемое торжество, — и матери своей ее описал и согласие получил». «Да Ольга-то, говорю, согласна ли?» «А как же, смеется, мы давно любим друг друга». Тут опять мой дурень ввязался: «Чего ты, бормочет, старая, кота за хвост тянешь? Я, например, гнусит, с моим удовольствием...»

— А вы, мама, что вы сказали Павлу Семеновичу? — тихо, едва шевеля губами, спросила Ольга.

Бабка хотела было и на нее прикрикнуть, даже топнула ногой, но, увидев глаза дочери, поперхнулась, закашлялась и собрала в комочек рот. Ольга уткнулась старухе лицом в плечо, и обе они заплакали. Девушки бросились к ним, отняли Ольгу, закружили ее, зашумели.

Подошла поздравить и Надя, молча приложилась к губам сестры сухими, холодными губами. И все опять увидели, как похожи сестры друг на друга: и лицом, и платьем, и характером.

Когда бабка Прасковья и Ольга ушли домой, а девушки разбежались по селу разносить неожиданную новость, Надя пришла в себя уже далеко от села, на берегу Сухоны, когда на нее залаяла собака, выскочившая из будки бакенщика. Теперь она постаралась сообразить, что произошло, но не почувствовала обиды ни на сестру, ни на Павла Семеновича, а только жалость, тяжелую и стыдную жалость к себе...

Свадьбу сыграли осенью, когда сняли урожай. К свадьбе подоспел и Терентий Павлович, забывший ради такого случая своих уток. Торжество справляли в новом доме, где поселились молодожены. По настоянию бабки Прасковьи в дом сначала впустили кошку, но из этой затеи ничего не вышло, так как еще раньше туда незаметно забрался пьяненький дед Федот. Правление колхоза преподнесло Павлу Семеновичу мотоциклет, а Ольге — шкатулку палехской работы. Комсомольцы принесли полное собрание сочинений Тимирязева. Развеселил всех Санька Баринов, который спел под гармонь частушку собственного склада:

Я от маменьки ушла,
Маме — не убытки:
Барышом осталися
Кружева да нитки.

В доме было шумно и весело, когда вошла Надежда. Через ее руки, протянутые вперед, была перекинута тонкая кружевная накидка. Подойдя к молодым, она поклонилась:

— Примите и от меня, — и, посмотрев на агронома, добавила: — Помните, Павел Семенович, наш разговор на дороге со станции?

Ольга приняла подарок, а ее муж, взглянув сначала на кружева, потом на Надю, вдруг изменился в лице. Но тут подскочил Терентий Павлович. Выхватив из рук Ольги накидку, он посмотрел ее на свет, встряхнул, словно не веря своим глазам, спросил:

— У кого есть кольцо?

— У меня, — сказала Панка.

— Дай мне.

Терентий Павлович снял с пальца Панки серебряное колечко с бирюзой, осторожно взял его за ободки, продел через колечко край кружевной накидки и потянул. Кружева легко прошли через кольцо.

— Да ведь это же просто чудо! — загудел Терентий Павлович. — Чудо дивное! Вы посмотрите, ведь это же фиалки. Только что не пахнут, а? Тонкость какая, а легкость?.. Ну, Надежда Федотовна, быть вам в этом году участницей выставки.

Он долго еще бушевал от восторга, пока не увидел вопрошающий взгляд Нади.

— Отойдемте в сторонку, Терентий Павлович, — попросила девушка.

Когда они отошли в дальний угол комнаты, Надя спросила:

— Я слышала, Терентий Павлович, что в Вологде есть школа кружевниц?

Инструктор подтвердил.

— И что этой осенью там будет новый набор?

Терентий Павлович подтвердил и это.

— Возьмите меня, пожалуйста, в эту школу. Учиться буду хорошо, вот увидите.

...Утром Терентий Павлович уезжал, и Надя ехала с ним. Провожать вышли всей семьей. Бабка Прасковья плакала, дед Федот переминался с ноги на ногу и вздыхал. Павел Семенович не сказал ни слова, а только крепко пожал Наде руку. Ольга, робко поцеловав сестру, неожиданно для себя сказала:

— Прости, сестрица...

Кони легко взяли и быстро вынесли за околицу. Ехали опять проселками. Кругом лежали голые дымные поля; где-то жгли буреломы. Проскакал верхом без седла подпасок, приветливо помахал кнутовищем.

Вот и лесок на болотце, памятный с прошлой весны. Теперь уже нет фиалок, давно сошли. Какие они хрупкие, нежные, беззащитные, на тонких, почти прозрачных стебельках! И все же сколько в них жизни, силы, стойкости! Расцветут, еще как расцветут они будущей весной!

«Вы умный, очень умный, Терентий Павлович, — думала Надя, глядя на дремавшего рядом инструктора. — Но вы ничего не поняли, Терентий Павлович. Ведь это не я сплела эти кружева. Ведь это сплела их моя любовь...»

СУДЬБА НАПРАВЫ

Спутник

— В Краков? — спрашивает пожилой крестьянин, просовывая голову в окно машины. Он по-хозяйски устраивается на заднем сиденье, приспосабливает между ног маленький чемоданчик, поднимает стекло, чтоб не слишком дуло, закуривает предложенную сигарету.

Несколько минут старик молчит. На нем темный пиджак из грубой и крепкой шерсти, немного потертая в воротничке, но чистая рубашка, фетровая с короткими, опущенными вниз полями шляпа, цвет которой великолепно гармонирует с насквозь прокуренными усами. Из-под шляпы смотрят серьезные, с упрятавшейся в глубине смешинкой, глаза.

— В Краков, значит? — повторяет он, выпуская струйку голубого дыма.— А я вас в деревне третьего дня приметил. Думаю: кто бы это мог быть? Выходит, писать будете? Хорошее дело. О нас в тридцатых годах Ялю Курек книжку выпустил «Грипп свирепствует в Направе». Читали?

Мы показываем ему эту книгу.

— Вон как, значит, и по-русски есть! Может, почитаете? Интересно, как это по-вашему звучит?

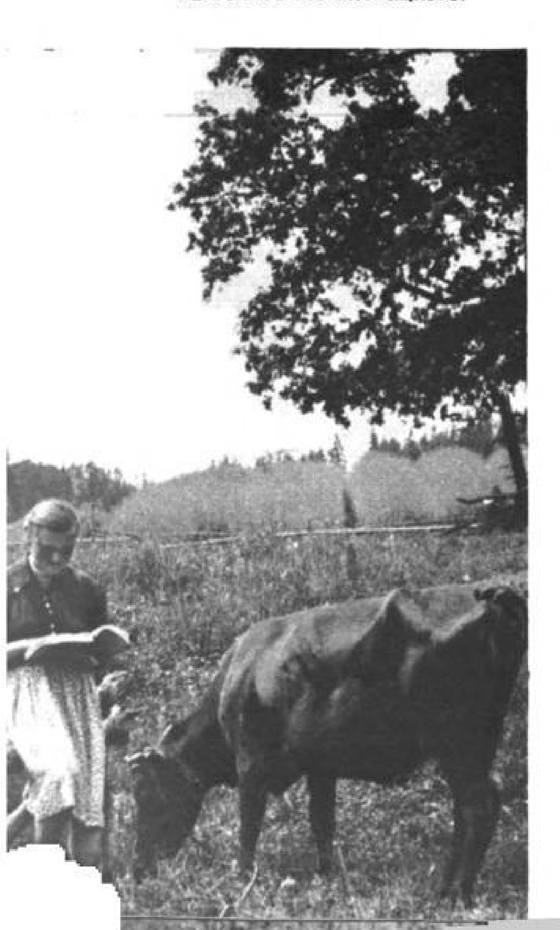
Стараясь перекричать шум ветра, читаем вслух наугад выбранные абзацы:

— «Вся деревня Направа производит впечатление какой-то ошибки... Половина населения никогда в жизни не пила ни кофе, ни чая, а три четверти населения не были за пределами своей деревни дальше чем за десять километров. Никто из них не знает вкуса сахара...

Нищие, они упорно борются с землей, отдавая ей последние силы. Земли не прибавляется, зато растет число детей... Лошадь давно бы издохла от такой жизни, а человек вот выдерживает. Возятся они со своими «осьмушками» и «четвертушками», пашут по локтю плохой, каменистой земли, удобряют ее навозом,— авось, удастся хоть что-нибудь вымолить, вырвать, высосать из нее...

Вечером Направы и совсем не видать... Никто не зажигает огня. Окна мертвы. Нет керосина, нет денег на керосин. У Гвижджа вот уже вторую неделю стоит горшок с соленой водой, в которой много раз варили картошку. Вылить эту драгоценную жидкость нельзя, в ней еще не один раз будет вариться картошка».

Мы молчим. Молчит и наш спутник. Ему лет шестьдесят, и он, наверно, прекрасно знает всю историю Направы со времен, описанных польским писателем Куреком. И, как бы в подтверждение наших мыслей, старый крестьянин, очнувшись от дум, начинает разговор.

В руках Магдалины Ямрозик книжка стихов Ю. Словацкого.

Первые шаги

— В книжке здесь — тридцать третий год. А только в сорок пятом началась новая жизнь у нас в Направе... С трудом менялась Направа. Медленно. Вы, может, смеяться будете, а первое важное событие, которое у нас произошло тогда,— это пожарную команду создали. А потом дальше — больше: в деревне начали Народный дом строить, чтоб там и библиотека и кино. В Направе кино! Это все равно, что на Северном полюсе капуста! Видим, думает новая власть о Направе, заботится о ней...

И о каждом крестьянине отдельно тоже заботится. Узнали, что правительство помогает домá строить. Дает долгосрочные ссуды. Взялись мы строиться: один дом, два, десять, тридцать... потом и считать перестали. Сейчас попробуйте найдите в деревне старую халупу. Не найдете. Привыкли раньше по месяцам злотого не видеть. Где его было заработать? Землей семью не прокормишь, а на стороне и так безработных полным-полно...

Рассказчик бросил сломанную сигарету в окно и усмехнулся.

— Теперь совсем другое! Приезжает кто-то из Йорданува, рассказывает: строят в городе, много строят! Едем туда — добро пожаловать, там только подавай рабочих, заработки хорошие. Из Новы-Тарга приезжают — то же самое. А потом уж совсем чудные слухи пошли. Недалеко от Кракова совсем новый город, говорят, строится, а рядом завод огромный — Гута. Сын чеха Франтишека в Нову-Гуту поехал, а ему говорят: «Ага, так вы из той самой Направы, где грипп свирепствовал? Давайте, давайте, нам народ нужен!» И потекли со всех сторон в Направу деньги, в крестьянское хозяйство подарки, письма стали получать, сколько никогда и не бывало.

Но вы не думайте, что направцы только за счет своих детей богатеют. Вы видели, какая рожь в этом году поднялась? Не видали мы такой раньше. А все минеральные удобрения. Сказать правду, применяли их крестьяне вначале неохотно: только суперфосфат, об азотных удобрениях и слышать не хотели. Какая от них, говорили, польза. Тогда Якуб Баля, который в потребительском кооперативе работал, начал тайком азотные удобрения в суперфосфат подмешивать и продавать. Урожай вырос знатный, ну, Якуб тут, конечно, и сознался.

Что говорить! Столько лет в темноте жили! Даже на простую сеялку, и то сначала косо смотрели, а о тракторе и говорить нечего... Боялись, что испортит землю. Конечно, на этих клочках трудно механизацию развернуть. Тут бы кооператив нужен — это я вам говорю по совести, но пока что направцы выжидают: в кооператив, мол, всегда успеем, это дело не уйдет, а землю-то, над которой

отцы и деды тряслись, теперь, когда родить лучше стала, отдавать в общий котел как-то боязно...

Недавно ездили наши под Краков кооператив смотреть. Хорошо там люди живут! Много лучше нашего. А все-таки не могут решиться: неизвестно, как у самих-то получится. Есть у нас еще направцы, что уехали на возвращенные земли в сорок пятом году, создали там кооператив. У тех получается. И неплохо получается...

Старик помолчал немного, вставляя новую сигарету в деревянный мундштук с резьбой в виде головы гурала.

— Говорят, пятьсот лет нашей деревне. Пятьсот лет жила она сама по себе, а все остальное — само по себе. Никто Направой не интересовался, и мы никем не интересовались. Какая польза? Своих бед по горло... А тут вдруг все равно как дождь прошел, промыл глаза.

Я видел, как вы тут девушку на фотографию снимали, что корову пасла и книжку читала. Ямрозик Магдалина. Небось, стихи Словацкого читала? Это ее брат получил в премию за хорошую работу полное собрание сочинений. Только это не редкость в деревне. А вот вам бы Антоша Антони снять. Шестьдесят лет старику. «А» от «Б» не отличал. А недавно на конкурсе читателей первую премию получил — полтораста злотых и значок. Я поначалу смеялся, а потом завидно даже стало.

Молодых у нас в деревне много,— продолжал старик, поворачиваясь к нам. — Юзека Жешутко вы видели? Он у нас в деревне самый первый радиоприемник поставил.

Одно время Юзек и в газеты писал. Началась в сорок шестом году в деревне кооперативная торговля. До войны в Направе лавки и в помине не было. А тут открыли сразу три магазина. И с каждым годом торговля лучше шла. Все бы хорошо, но только продавцы завели манеру из-под прилавка торговать. Юзек возьми и напиши письмо в «Дзенник Польский», который в Кракове выходит. Там напечатали статью. Представляете, сколько шуму поднялось в деревне! Ян Мирек сразу с председателя кооперации полетел.

Юзек Жешутко (справа), Казек Вуйтович и Эдвар Дыбчик.

Стасик Маршалек решает задачу по геометрии на экзамене в направской школе.

Мариан Гвяздоник пользуется успехом у девушек Направы, видимо, не только потому, что купил мотоцикл.

До войны в деревню приходили только две газеты: одна — для ксендза, другая — для инженера из Кракова, жившего здесь на даче. Теперь почтальон разносит ежедневно 300 газет.

Юзеф Ковальчик обрадовался привету из Направы.

В конце концов Юзека в гмину выбрали, представителем власти сделали. Гмина — в соседней деревне, в Лентовне. Он оттуда каждый вечер на велосипеде возвращается. А ему навстречу наши направские ребята из йордановской гимназии катят. Теперь у нас много их, гимназистов.

Казека Вуйтовича знаете? Так ему предложили за границу ехать — в Советский Союз! Это уж не только в Направе, во всем Подгале первый случай, когда парня за границу посылают учиться.

Э, да я с вами заговорился,— вдруг всполошился рассказчик,— а мне бы как раз сейчас вылезти...

Он крепко сжал нам руки твердыми, трудно сгибающимися ладонями и вылез из машины.

— Если случится быть в другой Направе — Любжей ее зовут,— Ковальчику, Смоленю и всем нашим направским землякам привет передавайте,— говорит старик на прощанье.

И добавляет весело:

— А заодно и Майореку! Узнайте, кстати, как там у него споры с кооперативом... Ладно?

Машина трогается. Старый гурал стоит некоторое время на дороге, машет рукой, потом поворачивается и быстрым шагом идет в обратную сторону, высокий, чуть сутуловатый, но ладный и крепкий крестьянин из гуральской деревни Направы.

Любжа — дочь Направы

От Направы до деревни Любжа несколько сот километров хороших шоссейных дорог через Краков, Сталиногруд, Ополе; по этим дорогам в 1945 году ехали в Любжу первые переселенцы из Любжу Направы и соседних деревень, ехали на возвращенные Польше исконные польские земли.

Любжа встретила их пустыми улицами, вымершими домами: ни собака не залает, ни корова не замычит. Гитлеровцы вывезли отсюда все, что можно было, угнали или прирезали скот, изломали немногочисленные машины.

Направцы, держась все вместе, молча ходили по деревне, осматривая приземистые дома с вытянутыми вверх черепичными крышами, просторные дворы, каменные стены, ворота с могучими запорами.

— Крепко жили, а? Богато! — сказал кто-то.

— Что ж ты думаешь, это их труд? — отозвалось сразу несколько голосов.— Может, твой же Юзек, которого в Германию угнали, и батрачил здесь. Хозяин только с кнутом похаживал...

— Ну хорошо, а где я лошадь возьму пахать? — не сдавался первый.

И опять ответило сразу несколько человек:

— А разве ты один на свете живешь? Государство-то теперь у нас новое, наше государство. Не может оно нас без помощи оставить...

Государство действительно помогло. В Любже начала налаживаться жизнь, как начала она налаживаться на всей возвращенной земле, во всей стране.

Однако кто-то упорно пускал по деревне отравленный слушок: поляки-де не способны здесь хозяйствовать. Ежевечерне диктор «Голоса Америки» вопил по-польски с явно чужим акцентом, что возвращенные земли, мол, хиреют, что там нет людей, что переселенцы бегут обратно...

Но люди кругом рассказывали совсем другое. Земля была щедрой и ласковой, как мать, которая долго не видала своих детей и теперь снова с ними. Американское радио просто перестали слушать: было противно. И когда несколько лет назад бывший направец Майорек получил из Западной Германии письмо от бывшего здешнего кулака Изефа Наве с недвусмысленным намеком на скорое его, Наве, возвращение, смеялась вся деревня...

Мы подъезжали к Любже незадолго до полудня. Шоссе, втиснутое между двумя шеренгами высоких тополей, прямой стрелой бежало среди полей.

Вот и придорожный указатель черным по желтому сообщает: «Любжа». Выкрашенные белой краской стены аккуратных домов отражают солнечный свет — на них даже смотреть больно.

Входим в первый попавшийся дом. А там как будто ждали гостей: на длинном накрытом столе домашняя колбаса, нарезанная тонкими ломтиками ветчина, студень, пышные пироги, на которые такие мастерицы польские крестьянки. Раскрасневшаяся у печки хозяйка делает последние приготовления.

— Что за праздник сегодня? — интересуемся мы.

— Как же! День Яна,— отвечает хозяйка.— У нас в деревне Янами хоть пруд пруди, и все празднуют. Моего Кочмажека тоже Яном зовут. Если вечером будете в деревне, заходите к нам...

«Благодарим за то, что вытираете ноги и закрываете за собой дверь» — висит на дверях одного из домов вежливая табличка. В этом доме правление кооператива. Но там никого нет: все в поле. Сразу за деревней стоит несколько строящихся хозяйственных зданий.

— Вам Ковальчика? А вон он, около ветряка строгает. С усами.

Кооперативный плотник встречает нас приветливо, явно обрадованный тем, что мы приехали из Направы и что земляки передают ему привет. Он продолжает работать, перекидываясь с нами короткими фразами. Довольно большой рубанок кажется в его руках маленькой игрушкой. Он не строгает, а как-то гладит, словно любовно причесывает дерево.

Прозвучал гонг на обеденный перерыв. Подошло еще несколько человек. Посыпались вопросы:

— Ну, как там у них? Электричество провели уже? Кооператив-то скоро они у себя создавать будут?

Этот последний вопрос, видимо, интересовал всех. Особенно горячился молодой парнишка в кепке козырьком назад.

— Ты не горячись,— степенно отвечает кто-то из более пожилых.— Ты вспомни, как у нас было. Ведь всего двенадцать семей вначале вступило, остальные присматривались: пойдет дело или нет. Сейчас легко говорить, когда семьдесят шесть семей в кооперативе и миллионный доход. Ясли тебе есть, школа-семилетка есть, ферму животноводческую построили, сад посадили, ветряк вон в нынешнем году пустят, всякие там амбары, хлева — все это построено или строится. А единоличников в деревне все равно еще много.

— Ну, мы тоже здесь были виноваты,— возражает парень с козырьком и от волнения даже снимает свою кепку, от чего сразу теряет лихой вид.— Стали в кооперативе жить хорошо и решили: плевать нам на единоличников! Никакой тебе среди них работы, никакой агитации.

— Ох ты, умный какой! — начинает горячиться и его оппонент.— Сейчас легко тебе говорить. А ты вспомни, как некоторые нам вредили, как издевались. Утром идешь на работу, а они стоят около забора и покрикивают: «Что, на службу пошли? По звонку работаете?» Это только потом, когда мы богаче жить стали, насмешники-то и приумолкли. Нам бы тут как раз агитацию и развернуть — вся деревня в кооперативе была бы. А мы — это верно — нос задрали, в обидки играть начали. Ну, ничего, время не потеряно! Даже такие единоличники, как Майорек, и те стали понимать, что к чему...

— Это точно,— поддержал кто-то.— Майорек ведь раньше какой мужик был! До войны в крестьянских забастовках участвовал, с полицией дрался, когда пикеты разгоняли. И в Любжу самый первый поехал. А тут, как дорвался до земли, только одно и знает — нести и нести к себе в дом...

— Ну, не скажи,— возразил парень, в котором, видно, был силен дух противоречия.— Правда, он на деревенские собрания не ходит, но за нашим кооперативом ой-ой как следит! Хозяин-то он хороший, понимает, какая выгода от крупного хозяйства.

Недалеко от нас прошла группа молодых женщин с песней. Песня была веселая, напоминавшая наши частушки. Парень поправил на голове кепку и, вежливо извинившись, сказал, что ему срочно нужно передать кое-что важное этим девушкам.

Последние приготовления к празднику в доме Яна Кочмажека.

* * *

Вечером в доме Яна Кочмажека собрались гости. Были здесь и Ковальчик и Смолень, бухгалтер, был тракторист из МТС — всего человек двадцать, и большинство из Направы или из тех мест. И, как всегда, когда собираются люди, прошедшие большой, сложный и во многом общий путь, начались воспоминания.

«А помните? А помнишь?..» — наперебой говорили любженцы, бывшие направцы.

Из вопросов и ответов вставала живая история старой и новой Направы, история людей, добрых и сильных, когда-то живших в невероятной нищете.

Это разные люди. Они еще поразному мыслят, по-разному оценивают то, что протекает у них перед глазами. Часто они не согласны друг с другом, и тогда предоставляют времени решать, кто прав.

Но есть одно, что их соединяет,— это новая жизнь, властно вошедшая в Направу, в сотни и тысячи таких сел Польши. Она дала в руки простых людей землю, хлеб, сознание того, что только они, а не кто-нибудь другой,— хозяева этой жизни.

Г. БОРОВИК
Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

МАЛЬЦЕВСКИЕ ВСХОДЫ

Я. ФОМЕНКО

Фото Г. Санько.

Солнце только-только выкатилось из-за перелеска. Мы спешили в поле, подгоняемые нетерпением поскорее увидеть «мальцевское чудо».

Приятно идти проложенною через луг тропою. Свежий ветерок перемешивает запахи скошенного сена, полей, лесов и влажного от росы чернозема.

Лес и чернозем... Где еще можно встретить такое сочетание? Привычно: чернозем и безлесье; леса и болотистые, песчаные, скудные земли. В редком соседстве тучного чернозема и лесных массивов — своеобразие Зауралья.

Перед нами лежит ровное, без единой соринки паровое поле. Невольно останавливаемся, не решаясь ступить на землю, так заботливо подготовленную к рождению урожая. А рядом приветливо кланяется пшеница.

И вновь наступает звенящая тишина. Величаво-спокойно пшеничное море.

Срываем колос и бережно обмолачиваем его на ладонях. Тридцать шесть зерен — еще бледнозеленых, а не янтарных, но уже туго налитых живительным соком земли.

Знатоки, гости с целинных земель Казахстана, на глаз определяют: не меньше тридцати центнеров с гектара. А гектаров тут — тысячи...

Бывают в других благодатных краях урожаи и повыше. Но в тех же краях часто случается, что лето с летом не сходится: вслед за обильным годом приходит беда, суховей пожирает урожаи, и с поля свозят меньше зерна, чем посеяли.

Люди колхоза «Заветы Ленина» вот уже сколько лет не знают уменьшения плодоносящей силы земли. Даже в засушливые 1951—1952 годы, когда во всей округе собирали мизерные урожаи, тут брали по восемьдесят, сто и сто двадцать пудов с гектара.

В деревне привыкли делить годы на урожайные и неурожайные. В селе Мальцево покончили с этой привычкой.

* * *

Возможно, этой же тропой тридцать с лишним лет назад шел в поле крестьянский сын Терентий Мальцев.

Кулаки - старообрядцы, глядя ему вслед, поднимали кверху бороды и, стиснув зубы, с тревогой говорили:

— Пошел, Терешка-безбожник. Что еще придумает, нечистая сила?

В том году, нарушив прадедовский обычай, Терентий Мальцев до пасхи выехал бороновать поле. Местные столпы старой веры усмотрели в этом тягчайший грех. Преступить отцовские заветы и традиции? Никогда такого не бывало.

Восстал против новшеств и Семен Мальцев, отец Терентия, пророча сыну неудачу и божье наказание.

Рассудил спор батюшка-урожай. Весна в 1922 году случилась ранняя и сухая. Пока односельчане Терентия праздновали пасху, ветры иссушили пажити. Так и сеяли посуху. У Терентия Мальцева пшеница взошла на славу, у его противников поля поросли сорняками.

Первый успех окрылил нарушителя древних традиций. Сколько старик Мальцев ни увещевал сына, тот оставался непреклонным и шел своей дорогой. Следующим его шагом был ранний взмет пара. У всех лошади отдыхали после сева, а «Терешка-безбожник» взял да одновременно с севом и вспахал под пар и тут же забороновал полгектара из своего единоличного надела.

И снова арбитром выступил урожай. Ранний пар удался. Отцу пришлось смириться. За всю долгую жизнь он никогда не видал в своем ветхом амбаре столько пшеницы.

К «Терешке-безбожнику» потянулись ближние и дальние соседи из бедняков и середняков. Они перестали бояться кулацких угроз и небесной кары. Они хотели лучше жить и в мальцевских урожаях учуяли добро.

В 1925 году в Шадринском округе зародился первый агрокружок. Возник он в селе, где жил Терентий Мальцев.

Члены агрокружка собирались на беседы, читали вслух «Крестьянскую газету» и журнал «Сам себе агроном», учились агротехнике. Первым учеником был сам учитель, руководитель кружка Терентий Мальцев. Ему ни одного дня не довелось быть в школе.

Теперь Терентий Мальцев возглавил им самим созданную особую школу, нечто вроде сельской академии.

Один из выводов, какие подсказала наука кружковцам, гласил: всякому климату свойственны свои виды растений; чтобы добыть кормящий досыта урожай, надо подобрать нужный сорт семян хлебных злаков!

Начались поиски лучших сортов пшеницы. Мальцев писал письма в разные концы страны и выпрашивал граммы семян для разведения. У него на огороде давно был заложен «опытный участок», где производился отбор семян зауральских сортов пшеницы.

Летом 1927 года почтальон заставил Мальцева расписаться в получении маленькой посылочки. Держа в руках пакетик, Мальцев читал на нем: «Ленинград, Институт прикладной ботаники... Цезиум...» Странно. Такого сорта он ни у кого не просил. Ошибка? Или кто-нибудь в порядке встречной инициативы прислал на пробу? Вопросы так и остались без ответа.

Содержимое пакетика высыпано на стол. Образовался крохотный бугорок из темнобурых, тускло поблескивавших, точно наспех отполированных зерен. Много семян перебрал своими пальцами Терентий Семенович, но таких нигде и никогда не встречал и не видывал. Перед ним было 200 граммов неизвестной пшеницы «цезиум III».

Стоял июнь—самый сухой месяц в Зауралье. Сеять незнакомку-пшеницу поздно. А может, рискнуть?

Крохотный бугорок разделен пополам. Сто граммов немедленно, сейчас же, посеять на огородном «опытном участке», а сто граммов — «в страховой фонд».

Пшеница «цезиум III», несмотря на поздний посев и далеко не благоприятные погодные условия, хорошо взошла и выглядела молодцом.

Этому сорту пшеницы, случайно или по доброму движению чьей-то души залетевшему из Ленинграда за Уральский хребет, суждено было сыграть видную роль в истории мальцевских опытов.

Три года спустя после того, как почтальон вручил Мальцеву пузатенький пакетик, пшеница, во многом улучшенная, переселилась с единоличных полосок на колхозные земельные массивы.

В 1931 году за всю вегетацию не выпало ни капли дождя. Облюбованная крестьянами-опытниками, теперь колхозниками, пшеница держала и выдержала с блеском трудный экзамен. Вчетверо больший урожай, чем на полях, засеянных другими сортами! Разве это не победа?

Посевы «цезиума» ширились и вскоре вышли за границы земель колхоза «Заветы Ленина». Сто граммов семян выросли в сотни тысяч пудов первоклассной пшеницы, а колхозный полевод Терентий Мальцев вырос в первоклассного разведчика и творца высоких урожаев.

В том же году, когда новая для Зауралья пшеница боролась с засухой и вышла победительницей, скромный колхозный полевод получил первую «научную командировку».

Город Мичуринск тогда еще назывался Козловом. Туда со всех концов страны приезжали

экскурсанты, чтобы поглядеть сад, где совершались «чудеса» переделки природы.

Гостеприимный хозяин сада, поздоровавшись с посетителями, спросил, есть ли среди них колхозники.

— Есть,— послышался одинокий голос.

То был голос Терентия Мальцева.

Три дня Иван Владимирович Мичурин никого не принимал, с утра до поздней ночи занимался гостем из Зауралья. Короткая экскурсия затянулась и переросла в длинный, полный задушевности и взаимопонимания разговор двух близких по духу и жизненным устремлениям людей. У одного из них — десятилетия опыта, авторитет всемирно-известного ученого; у другого — скромное имя колхозного семеновода и желание следовать примеру великого биолога. Им не было скучно вдвоем. Разговор мог бы длиться недели и месяцы.

Разговор никем не стенографировался, не записывался. Как память о нем остался первый на шадринской земле плодово-ягодный сад в десять гектаров, посаженный Терентием Мальцевым, а кроме сада,— его уверенность в том, что познание законов природы, приведение природы в цветущее состояние — посильное для мозга и рук человека дело.

* * *

Специально сооруженный зал-павильон в селе Мальцево наполнен до отказа. Председательствующий объявляет:

— Слово имеет полевод колхоза...

Сидящий у края стола человек выходит на трибуну. Кажется, делает он это робко, нерешительно, будто ему впервые доводится произносить речь перед такой многолюдной аудиторией. В манере говорить, в скупом движении рук с длинными кистями, в привычке тяжело и в то же время осторожно опираться на близкие предметы, часто снимать очки, чтобы пристально взглянуть на слушателей,— во всем его облике старинно-крестьянское переплелось с глубоко интеллигентным и современным. Его речи — по богатству и яркости лексики, по стройности фразы, по логичности и научной обоснованности выводов — может позавидовать профессор. И эта речь нисколько не тускнеет, когда ухо ловит ласковое, с мягко произносимыми шипящими слово «пшаничка».

Со времени трехдневной беседы с Мичуриным прошло около четверти века. На трибуне тот же Терентий Мальцев. Но теперь он не экскурсант, выпытывающий у собеседника ценные откровения, проверяющий свои догадки. Теперь это колхозный ученый.

Пересказать доклад Т. С. Мальцева нельзя. О нем можно рассказать, и это будет рассказ о научном подвиге, о революционном перевороте, совершенном в столь обширной области человеческого творчества, каким является земледелие.

* * *

Люди бегут за плугом. На лицах пот смешался с пылью, и все стали похожи друг на друга — все чернобровы и сероволосы. Люди этого не замечают, спешат за плугом, измеряют глубину вспашки, берут в руки комки земли и вглядываются в них, словно лемехи врезали золотоносный грунт.

Что же делает плуг, за которым бегут сейчас десятки людей?

Какой хлебопашец останется спокойным, увидев, что идущий впереди него плуг ничего не переворачивает! Нет предплужников, нет отвалов. Какая же это вспашка? Какой же это плуг? Земля только рыхлится. Все остается на своем месте.

Неужели благодаря этому новому орудию взошла такая чистая, свободная от осота, овсюга и пырея тяжелоколосная пшеница?

Земли колхоза «Заветы Ленина» глубоко рыхлятся только в первый год севооборота, то есть один раз в четыре — пять лет. Остальные годы почва подвергается мелкой, поверхностной обработке — лущению и боронованию. Посевы производятся по взлущенной, но непаханной стерне.

Верь не верь, сомневайся не сомневайся, а факт есть факт. Третий год в колхозе «Заветы Ленина» применяется безотвальный мальцевский плуг. Давно тут сеют пшеницу по стерне и не жалеют, что отказались от ежегодной глубокой вспашки. Денежные доходы за три года выросли втрое, неделимые фонды — вдвое, оплата трудодня выше, чем в других артелях.

Терентий Мальцев, изучив законы жизни и развития почвы и растений, опираясь на эти законы, опроверг классические принципы обработки почвы путем оборачивания пласта.

В старину распаханные земли оставляли на один—два десятка лет в залежи, давали почве «отдых». За этот срок ее плодородие возрождалось. От чего отдыхала земля? От растений? Нет, отвечает Терентий Мальцев, от... «усердия» хлебопашца, от перепашки. Полежит она нетронутой десяток лет, зарастет травами — и без вмешательства человека восстанавливает свою плодоносящую мощь. Следовательно, почву делают растения. Они создают и восстанавливают ее структуру, обогащают органическими веществами.

Структурная почва состоит из комочков величиною от дроби бекасинника до средней виноградины. Такое строение позволяет воздуху и воде довольно легко проникать в почву и создавать условия для нормального развития растений. А что дает частая пахота? Разрушение комковатости почвы, ее распыление.

Проблема восстановления почвенного плодородия — душа науки о земледелии. Буржуазные теоретики отказались от ее разрешения, сформулировав «закон убывающего плодородия» и тем самым расписавшись в своей несостоятельности.

Советская агрономия теоретически доказала абсурдность «закона убывающего плодородия» и выработала практический комплекс приемов возделывания земли, повышающих плодородие почвы.

Терентий Семенович Мальцев любит и часто приводит в своих выступлениях слова И. В. Мичурина: «Мои последователи должны опережать меня, противоречить мне, даже разрушать мой труд, в то же время продолжая его. Из только такой последовательно разрушаемой работы и создается прогресс».

Чтобы продолжить труд В. Р. Вильямса, разработавшего травопольную систему, надо было его «разрушить», опровергнув ошибочные утверждения предшественника и развив правильные. Именно эту задачу и поставил перед собой колхозник-ученый.

Творческий, хозяйский подход к проблеме привел к выводу, что механическое разделение севооборотов на периоды разрушения и периоды восстановления несостоятельно, противоречит объективным законам развития и жизни почвы. Это единый процесс, протекающий в борьбе противодействующих сил и факторов. Растения одновременно и разрушают и возрождают почвенное плодородие. Так как они берут от земли меньше, чем дают ей, плодородие почвы должно прогрессивно возрастать, а не уменьшаться.

Опровергнув одно утверждение, Т. С. Мальцев опроверг и другое. В. Р. Вильямс разделил растения на разрушителей плодородия — однолетние — и на его восстановителей — многолетние.

Что это, естественный закон? Нет, это — произвольное разделение, утверждает колхозный ученый. По существу принципиального различия в почвообразующей роли между однолетними и многолетними растениями в природе не существует. И те и другие способны создавать почву. Виновны не однолетние растения, а... плуг, ежегодно разрушающий структуру почвы, не дающий ей «отдыха».

Хорошо, а как же быть с сорняками?

Система земледелия, разработанная Терентием Мальцевым, остроумно разрешает проблему защиты полей от вредных растений. Надо... «позаботиться» о сорняках, помочь им быстро и дружно взойти, чтобы потом истребить. Этот способ называется провоцированием.

Таковы самые общие черты новой системы земледелия, созданной Терентием Мальцевым. Добавим, что в колхозе «Заветы Ленина» хлеба выращивают пока без применения удобрений. Навоз, другие органические и минеральные стимуляторы плодородия «состоят в запасе». Не потому, что Мальцев не признает их. Вовсе нет. Вся его система выросла из глубин сельскохозяйственной науки и впитала в себя все ее достижения. Агрохимия пока не использована в интересах «чистоты» научного эксперимента.

Иногда Терентию Мальцеву говорят, что от его агротехники разит упрощенчеством. Нет ничего более смешного, чем подобные заявления. Может ли страдать таким недостатком система земледелия, позволяющая в максимальной степени использовать все, что дают теория, наука, передовая практика и механизация? Нет, система сложна, предупреждает всех ее создатель. Самое страшное для нее — шаблонный подход, догматическое толкование ее теоретических основ. Возьмите общие принципы и применяйте их сообразно с условиями времени, места, климатической и прочей обстановки, советует Мальцев.

Система сложна, но оправдана жизнью, потому что в основе ее — дух творчества, инициативы и понимание законов марксистской диалектики.

* * *

Тонкой металлической трубочкой Терентий Мальцев отделяет кусок почвы, показывает его своим гостям и увлеченно говорит о преимуществе безотвальной пахоты. Сторонний наблюдатель мог бы сказать: «У этого колхозника повадки ученого...» А он и вправду ученый! Без всяких скидок! Без всяких оговорок!

Т. С. Мальцев среди экскурсантов — участников совещания.

Зрелость таланта

Аугуст Якобсон.

Вряд ли можно назвать в Советском Союзе театр, в репертуаре которого не было бы пьесы народного писателя Эстонской ССР Аугуста Якобсона. Его пьесы с успехом идут и за рубежом. Сила художественного таланта, политическая страстность и активное вторжение в живую действительность отличают эти произведения.

2 сентября писателю исполняется 50 лет. Сын рабочего Аугуст Якобсон с ранних лет посвятил свое творчество борьбе за свободу и счастье народа. В 1927 году большую любовь демократических читателей Эстонии завоевал его первый роман «Поселок бедных грешников».

Творчество Якобсона раскрылось во всей глубине и расцвело в условиях советского строя.

В своих произведениях писатель воплощает замечательные заветы Горького, творчески продолжает и развивает боевые реалистические традиции его драматургии. Страстная партийность, смелые социальные обобщения, широкая типизация характеров — вот чем богаты лучшие пьесы Якобсона.

Через все творчество драматурга проходит одна центральная тема — борьба двух лагерей: людей труда и капиталистов. В пьесах «Жизнь в цитадели» и «Два лагеря» рисуя картины советской действительности, а в драме «Борьба без линии фронта» изображая жизнь буржуазной Эстонии, Якобсон сумел создать яркие образы представителей эстонской интеллигенции в процессе их духовного становления. Композитор Лаагус («Два лагеря») и профессор Мийлас («Жизнь в цитадели») — живые и правдивые образы интеллигентов, глубоко осознающих свою роль в борьбе против врагов народа.

Страстен голос Якобсона — борца за дело мира — в пьесах «На грани ночи и дня», «Шакалы», «Ангел-хранитель из Небраски», «Умирание». Обращаясь к жизни зарубежных стран, драматург срывает маски с внешне благоприличных деятелей буржуазной «культуры» и обнажает их звериную сущность, моральный распад и человеконенавистничество.

Недавно мне довелось побывать у Аугуста Михкелевича. Он с большим волнением говорил о том, как изменилась жизнь в Советской республике, как развивается и расцветает эстонская культура. Он говорил о новых людях Эстонии, о герое-современнике, о радостном труде в единой семье советских народов.

Свое пятидесятилетие Аугуст Михкелевич встречает в полном расцвете таланта. Он много работает: много пишет сам, помогает молодым авторам, активно участвует в редактировании журнала «Лооминг», несет почетные обязанности председателя Президиума Верховного Совета Эстонской ССР и депутата Верховного Совета СССР.

Пожелаем же ему новых успехов в творчестве и хорошего здоровья!

Вл. ПИМЕНОВ

ПОЧЕТНЫЕ ЗНАКИ УЧАСТНИКАМ ВСХВ

На столах россыпью лежат золотые, серебряные, бронзовые овалы, рядом — колодки, крохотные винтики, пластинки, гаечки, муаровые ленточки. Сборщицы проворно берут одну деталь за другой, соединяют их и передают дальше... Мы на Ленинградском монетном дворе, в цехе, где изготавливают ордена и медали. Сейчас здесь выполняют заказ Всесоюзной сельскохозяйственной выставки: готовят большие и малые золотые и серебряные, а также бронзовые медали.

Нам показывают эти почетные знаки. На лицевой стороне — выпуклое изображение юноши и девушки со снопом в руках. На оборотной стороне — изображение трактора, по обе стороны которого — пучки колосьев. На золотых и серебряных медалях вычеканено: «За успехи в социалистическом сельском хозяйстве», а внизу — скрещенные серп и молот. На бронзовой медали: «Участнику Всесоюзной сельскохозяйственной выставки».

Из сборочного участка готовые медали поступают в упаковку. Здесь каждый знак тщательно осматривается, проверяется и укладывается в изящную коробочку.

Монетный двор уже отправил в Москву большую партию медалей для участников ВСХВ.

К. ЧЕРЕВКОВ

На снимке: Большая золотая медаль — лицевая сторона.

В городке птицы

П. В. Ткачук кормит роменских гусей.

Птичий городок Всесоюзной сельскохозяйственной выставки расположен за прудами. Здесь постоянно веселый шум и гомон. Особенно оживленно по утрам: птицы словно приветствуют восход солнца. Кукарекают петухи, кудахчут куры, гогочут гуси, крякают утки, кричат индюки. На выставке своя инкубаторная станция, где выводят цыплят. Посетители в деталях могут познакомиться с работой механической «наседки».

Среди птичьего населения выставки есть свои рекордистки. В вольере — гнездо кур русской белой породы, выведенной в подмосковном совхозе «Горки II». Каждая из этой четверки ежегодно несет свыше трехсот яиц.

Ученые не только выводят новые породы кур, но и стремятся повысить их яйценоскость.

В совхозе «Березки», Московской области, методом сложного воспроизводительного скрещивания вывели новую породу индеек — белую московскую. Они обладают высокой продуктивностью, дают в год до ста пятидесяти яиц и весят: индюки — свыше пятнадцати килограммов, индейки — семь, восемь.

За индейками на выставке ухаживает передовая птичница совхоза Антонина Абрамовна Акчурина.

Пруд, примыкающий к птичьему городку, отдан водоплавающей птице. Он разгорожен сетчатой оградой на несколько секций. Одна занята роменскими гусями, привезенными из колхоза имени Сталина, Житомирской области, заведующим птицефермой Павлом Васильевичем Ткачуком. Гуси здесь несутся в два цикла. Мясо этой птицы пронизано жиром, оно нежно, сочно и вкусно. Когда наступает вечер, гуси начинают гоготать, они готовятся уйти к себе домой, ищут ферму, где выросли...

Очень много экскурсантов и посетителей собирается вокруг орла беркута, прирученного охотником колхоза имени Сталина, Алма-Атинской области, Исмаилом Джиримбаевым. За два последних года он добыл с беркутом 124 лисицы и 26 волков. Джиримбаеву 68 лет; почти полвека он занимается охотой с беркутом.

Джиримбаева часто навещают гости из Казахстана и Киргизии. Он рассказывает, как приучает птицу работать на человека, как тренирует ее на чучелах волка и лисицы. Натренированный беркут, как собака, настигает хищника, схватывает его своими могучими когтями и начинает душить. Подъехавший на лошади охотник добивает зверя. В степных районах охота с беркутом — хороший способ уничтожения волков.

И. Джиримбаев с прирученным им беркутом.

Фото Е. Умнова.

Когда птица находится в вольере, ее глаза прикрыты колпачком. Почему? Поблизости много дичи, пробуждается инстинкт, и птица волнуется.

— Надо и у нас в Киргизии,— говорит старший чабан экспериментальной фермы Фрунзенской области А. Кочкенов,— больше приручать беркутов. Убить одного волка — значит сохранить жизнь многих баранов.

Г. БЛОК

Камгэс—Свердловск

Между городом Молотовом и Свердловском на трассе в 368 километров устанавливаются сложные металлические опоры, на которых монтируются провода. Это строится линия дальней электропередачи высокого напряжения: Камская ГЭС — Свердловск. Весной будущего года предприятия Свердловска и области примут ток новой гидроэлектростанции.

Строительство высоковольтной линии проходит в трудных условиях. Особенно сложны работы в районе Кунгура. Вода образовала здесь большие подземные пустоты — пещеры, и изыскателям пришлось немало потрудиться, чтобы отыскать благоприятные участки для установки опор весом от пяти до двенадцати тонн каждая. Триста 28-метровых металлических мачт уже высятся на пиках гор, в «коридорах», прорубленных в густых лесах Урала. Эти «коридоры» шириной в 100 метров протянулись на сотни километров. Бригады лесорубов с помощью передвижных электростанций и электропил уже пробили в лесу трассу длиной в 200 километров. В горах ведутся буровзрывные работы в скальном грунте, состоящем из прочных уральских гранитов.

Линейщик С. Ковалев готовится к монтажу электролинии.

Фото А. Грахова (ТАСС).

Строительство оснащено передовой техникой, все работы механизированы.

Вдоль трассы устраиваются проезжие дороги, мосты, прокладываются линии связи. На контрольных пунктах построены коттеджи для обслуживающего персонала.

От Молотова до Свердловска будет установлено 1 816 металлических опор.

А. ГРИГОРЬЕВ

ПОДАРКИ ШКОЛАМ

Возвращаясь на Родину, теплоход «Дмитрий Донской» шел Индийским океаном. Стояла на редкость тихая, спокойная погода. Дальний рейс протекал успешно. Свободные от вахты моряки принимали солнечные ванны.

— Акулы! Акулы! — закричал стоявший у леера секретарь комсомольской организации Г. Архипов.

Матросы, загоравшие на палубе, быстро вскочили. За кораблем, точно преследуя его, плыли черные акулы.

Вскоре в кабинете естествознания появились новые редкие экспонаты животного и растительного мира Австралии, Африки, Южной Америки, Азии... Отправляясь в далекое плавание, балтийские моряки помнят о своих подшефных. Школьники получили в подарок хитро сплетенные кораллы, разноцветные ракушки, редких морских животных в засушенном виде.

В шкафах лежат стебельки сахарного тростника и огромные плоды кокосового

Ребята с любопытством рассматривают подарки шефов.
Фото Н. Ананьева.

Матросы прикрепили к тросу огромный крюк, нанизали на него кусок мяса и забросили в океан. Забурлила, запенилась вода — акулы погнались за добычей.

Вскоре на «удочке» затрепетала акула. Осторожно подтягивая ее к корме, матросы в то же время набрасывали на хвост аркан и подняли акулу на верхнюю палубу. Тут же, на палубе, акулу выпотрошили, из разбухшего живота достали маленького акуленка. Когда теплоход «Дмитрий Донской» вернулся в Ленинград, комсомольцы принесли чучела акулы и акуленка в подшефную 392-ю среднюю школу.

ореха, листья банановых и ананасовых деревьев.

Матросы часто бывают в школе, рассказывают ребятам о дальних плаваниях. Во время стоянок судов в Ленинградском порту палубы кают-компании иногда оглашаются веселым говором детворы из-за Нарвской заставы.

В эти дни почта доставила в школу несколько радиограмм: экипажи теплоходов «Дмитрий Донской», «Жан Жорес», парохода «Колхозник» поздравляют ребят с началом учебного года, желают им отличных успехов.

К. КОНСТАНТИНОВ

* * *

Во дворе семилетней школы № 1 города Железнодорожного, Московской области, группа ребят рассматривает макет водонапорной башни. Малышей восхищает крошечная струя фонтана, расположенного среди игрушечных зеленых елочек. Конструкторы модели — шестиклассники Слава Солдатов и Валерий Зубов — объясняют им нехитрое устройство башни.

Все лето при школе работал кружок «Умелые руки». В нем занималось более пятидесяти школьников. Началось с того, что Иван Григорьевич Климко, учитель физики, показал ребятам, какие интересные вещи можно сделать с одной небольшой пилкой — лобзиком...

Недавно в школе проходила сессия городского Совета. Депутаты ознакомились с работами юных умельцев, которые они подарят школе к новому учебному году. На трех столах разместился своеобразный зверинец: все олени, тигры, обезьяны, белые медведи выполнены из фанеры.

Много выдумки и изобретательности проявили ребята, смастерившие физические приборы. Электроскопы сделаны из перегоревших ламп, фонтаны — из консервных банок, а грузики — из аптечных флаконов.

Немало интересных подарков школе приготовили ребята, которые занимались в кружках районного Дома пионеров. Авиамоделисты строили легкие модели планеров и самолетов. Юные радиотехники установили в школе радиоузел и теперь готовятся к Всесоюзной выставке технического творчества пионеров и школьников — они решили построить «радиокомбайн» с телевизором.

В пионерских лагерях, в походах по родному краю, на колхозных полях собирали ребята коллекции и гербарии, строили модели, выращивали урожай.

Е. ВЕЛТИСТОВ

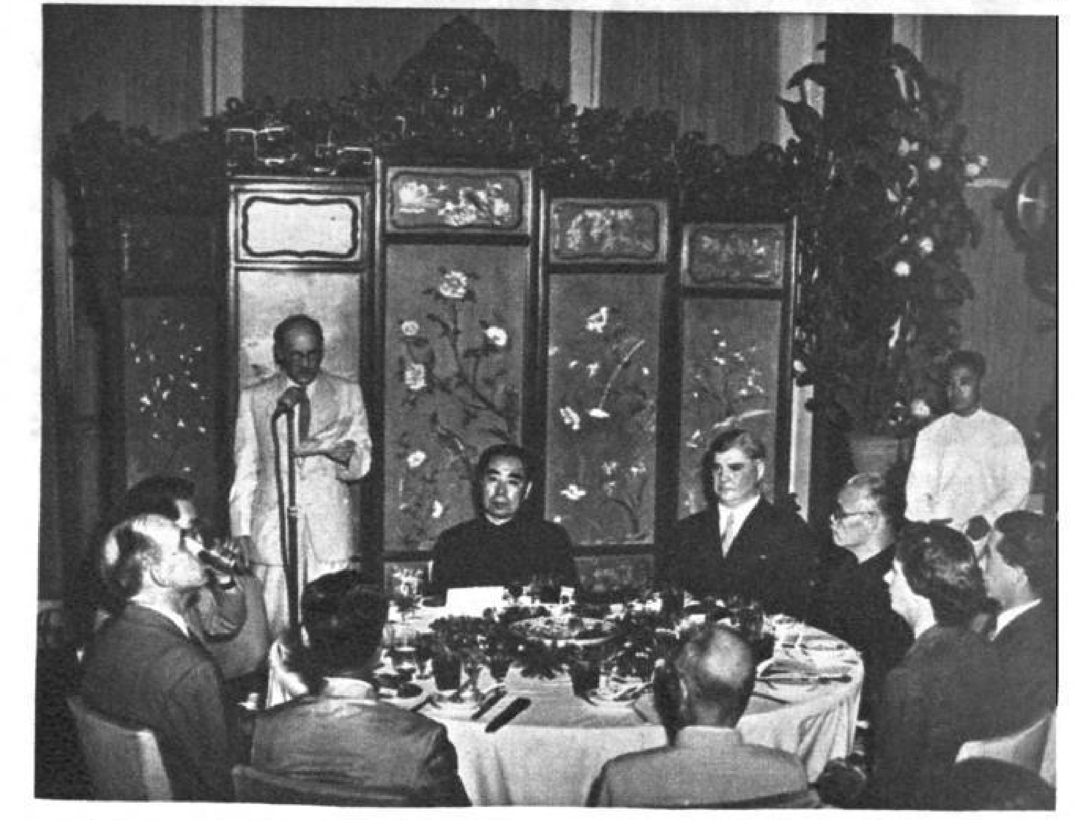

Саша Шатайкин сам сделал эти игрушки.
Фото Я. Рюмкина.

ДЕЛЕГАЦИЯ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕЙБОРИСТСКОЙ ПАРТИИ В КИТАЕ

Президент Китайского народного института международных отношений Чжан Си-жо (справа) встречает на Пекинском аэродроме делегацию английской лейбористской партии во главе с К. Р. Эттли.

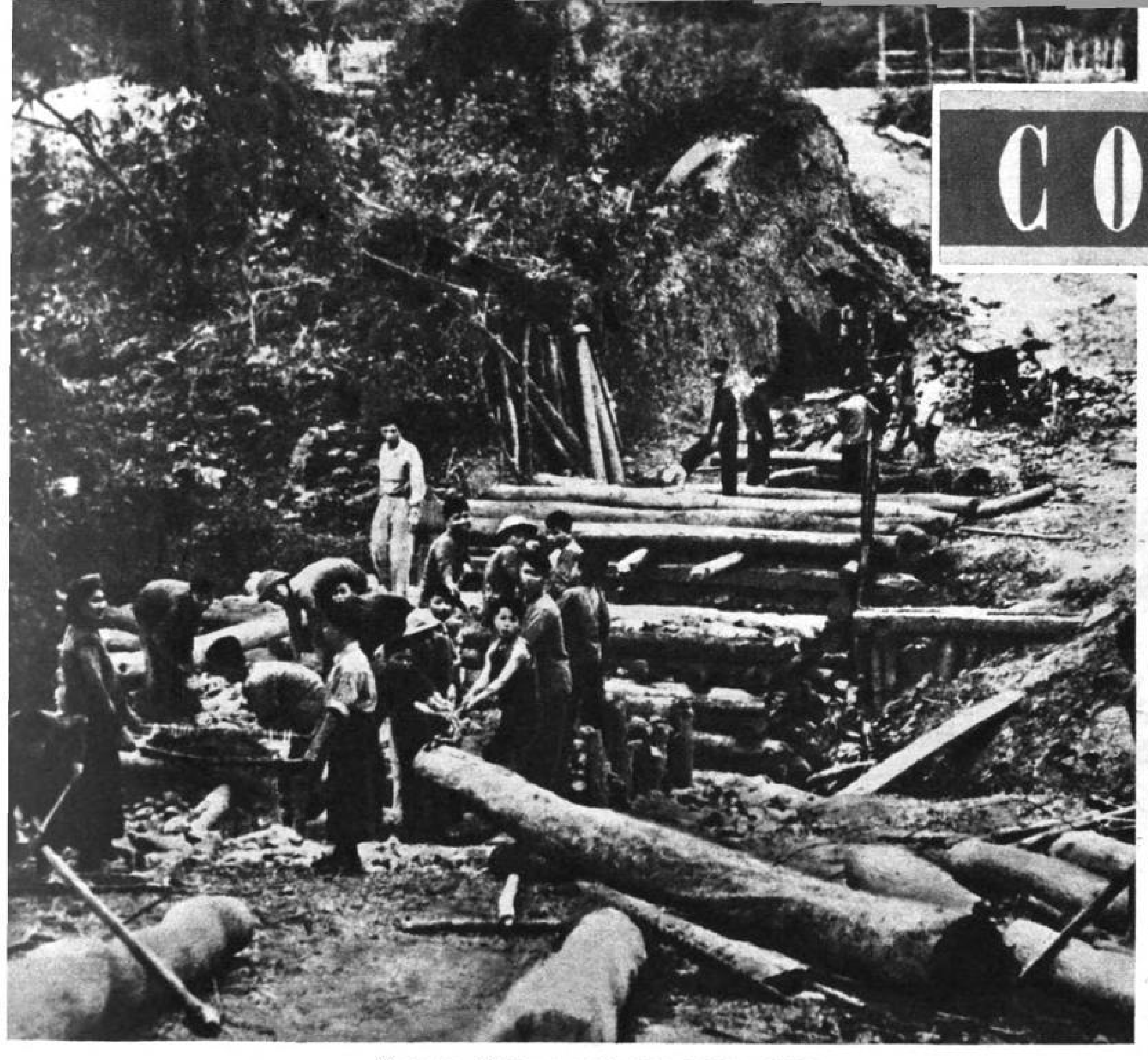
Прием делегации английской лейбористской партии премьером Государственного административного совета КНР Чжоу Энь-лаем.

Руководитель делегации английской лейбористской партии К. Р. Эттли беседует с представителями национальных меньшинств Китая на приеме в Китайском народном институте международных отношений.

Фото агентства Синьхуа.

СОЛНЦЕ ВС

Ударные бригады восстанавливают дороги.

Нгуэн **ВАН**

Чем ближе шел к концу июль, тем больше давал себя знать жгучий зной, как всегда в это время года тяжелый от тропических испарений. Крестьяне только что убрали первый урожай риса. По обеим сторонам дороги зеленые квадраты молодого риса перемежались с темными пятнами свежевспаханных участков. Полевые работы были в разгаре, шла подготовка ко второму в этом году урожаю. В эти дни вьетнамская деревня услышала весть о подписании соглашения о прекращении военных действий в Индокитае. Кровавая война, за восемь лет принесшая нашему народу столько горя, окончилась.

С быстротой молнии эта весть распространялась по всей стране. Ее передавали из уст в уста, она добиралась до самых глухих и далеких уголков. День, которого так пламенно ждал весь народ, наконец наступил. Словно вернулись радостные, полные энтузиазма дни августа 1945 года, когда над страной взвились победные знамена нашей национальной революции.

Только что освобожденный район... Первый раз люди смело и открыто движутся средь бела дня по всем дорогам. А ведь еще недавно в дневные часы в деревнях нельзя было даже услышать мычания буйвола или кукареканья петуха: все живое пряталось и таилось от воздушных налетов.

Молодой крестьянин, удостоенный звания примерного земледельца, делится с односельчанами опытом применения передовой агротехники.

Теперь человеческие ручьи со всех сторон текут к месту, где будет митинг; мужчины, женщины, молодежь, старики, которых ведут под руку, идут, и веселые шутки и смех сливаются в воздухе с песней о мире.

В лесу, в самой чаще,— красные знамена, портреты руководителей вьетнамского народа и братских народов; меж деревьев — гирлянды цветов и листьев и лозунги, славящие победу. На полотнищах слова простой и теплой благодарности Советскому Союзу, новому Китаю, странам народной демократии, французскому народу и всем свободолюбивым народам мира.

Под сверкающим солнцем тропического лета семь тысяч деревень равнины Сонг Хонг на Красной реке расцвели тысячами и тысячами красных флагов с золотой звездой. Эти флаги жители равнины в течение долгих лет оккупации прятали с опасностью для жизни как самое дорогое свое достояние, как символ победы и надежды. Теперь на стволах и ветвях деревьев, на развалинах стен, на фронтонах триумфальных арок — всюду вы увидите великолепные красные кусты этих флагов, отовсюду глядит на вас радостное, сияющее слово «Победа».

Ощущение великого праздника ни на минуту не покидает вас. Жители деревни выделили самый лучший дом для Административного комитета деревенской коммуны. В тщательно убранном дворе — масса оживленных людей. **Группа крестьян окружила партизан; их лица бледны и измучены от долгого пребывания в подполье. Интонации голоса, теплый свет, льющийся из глаз, улыбки — все говорит о великом уважении крестьян к этим людям, которые в тяжелые и опасные дни не оставляли свой народ и учили его до конца сохранять веру в победу Родины. Здесь вспоминают еще о войне, а там, в поле, за сараями из бамбука, уже возрождается мирная жизнь.**

На рисовых полях, которые годами пустовали, сегодня от зари до сумерек крестьяне пашут или боронят, оглашая воздух веселой песней.

Старый крестьянин, только что вернувшийся в родные места из провинции Фу Тхо, говорит:

— Ну, теперь можно досыта в деревне пахать и сеять при солнечном свете! Надо, не откладывая, исправить плотину; ее разрушил враг в прошлом году. Тогда все двести гектаров рисового поля уже в этом году получат воду. Вот будет добрый урожай!

По всем дорогам из глубин густого леса идут мужчины и женщины, группа за группой возвращаясь в родную деревню. На фоне темной одежды мелькают пятна белых рубашек, оранжевых и голубых женских платьев. Долгие годы таких красок мы не видели: надо было остерегаться налетов вражеской авиации.

В городке Пук Иен, откуда только что эвакуировались французские войска, сразу же открылись рынки; люди толпятся на них с утра до вечера. Уже работают конторы государственных торговых предприятий, лавки круглый день полны людьми.

Вот одна семья, которая вернулась из добровольной эвакуации, продолжавшейся четыре года,— она сочла нужным их провести в освобожденных районах Вьетнама. Там, где был их дом, ничего, кроме голой, сожженной земли. У людей сжимается сердце...

Но вокруг уже оживает город, уже расцветает новая жизнь, встречаются родственники, соседи, не видавшие друг друга несколько лет. Сыплются десятки вопросов: «Где вы были, друзья? Как жили эти годы?»

Люди обнимаются, и слезы радости текут у них по щекам. Но проходит минута волнения, и они уже говорят о будущем: надо поскорее возродить родной город. Из окружающих деревень тянутся цепочки крестьян; они

ХОДИТ НАД ВЬЕТНАМОМ

несут на плечах связки бамбука и соломы. Солдаты народной армии, проходя мимо, останавливаются на часок, чтобы, поплевав на руки, взять в руки молоток или другой инструмент и помочь соотечественнику наново покрыть крышу...

Проходит неделя, другая, и временные дома с бамбуковыми стенами и соломенными крышами уже вырастают из земли. И десятки, сотни городов, подобных Пук Иен, подымаются из развалин.

По дорогам движутся рабочие бригады «данконг». Они отбивают шаг в ритм своей народной песне. Большинство рабочих этих бригад принадлежит к племени кин — они пришли сюда из своих равнин; а те, кто принадлежит к племенам тхо, ман, мэо, спустились сюда с высоких гор. Прислушаемся к тому, что они говорят между собой:

— Сколько мы потрудились тогда, восемь лет назад, чтобы разрушить эти дороги! А ведь этот наш труд помог сегодняшней победе.

Под их крепкими и ловкими руками целые участки дорог, до последней минуты не проходимые не только для машин, но и для пехоты противника, превращаются в широкие шоссе, по которым грузовики и повозки катят на полной скорости, перевозя товары для населения...

...Звуки небольшого бубна возвещают конец урока. Большие, выстроенные из бамбука и крытые соломой здания стоят у самой дороги. Оттуда высыпает детвора; стайками по трое, по пять, с тетрадками подмышкой, с веселым ребячьим смехом они бегут домой. Прошли дни, когда им приходилось дожидаться заката солнца, прежде чем они могли зажечь крошечный керосиновый фонарь и направиться в школу, скрытую в лесной чаще. Занятия в такой школе проходили по ночам. Сегодня дети Вьетнама вернулись к солнечной жизни, и при свете дня они получают знания, как их сверстники в любой стране мира.

В районах, еще не эвакуированных французскими войсками, радость и подъем среди населения не меньшие.

Делегация народной армии Вьетнама выехала на юг, чтобы передать соотечественникам и бойцам Нам Бо приказ о прекращении огня. На всем пути до аэродрома Жиа-Лам делегацию встречали тысячи людей; они махали платками, бежали вслед за колонной машин делегации, пока она не исчезала из виду. Даже на неприятельских постах солдаты марионеточной баодаевской армии и североафриканцы плясали от радости и... рукоплескали, слушая воззвание о мире, исходящее от народной армии Вьетнама.

Лейтенант Данг Ки на обратном пути от аэродрома Жиа-Лам, куда он сопровождал делегацию, зашел в один из придорожных домиков. Старая женщина оглядела его с головы до ног и вдруг, различив звезду на фуражке, закричала в большом волнении:

— Это солдат старика Хо! Идите сюда все! Это солдат из армии президента Хо!

В одно мгновение лейтенант Данг Ки был окружен плотной толпой мужчин, женщин, детей... Все пожимали руку воина народной армии, многие плакали от радости и возбуждения; один крестьянин воскликнул:

— Восемь лет ждали мы тебя! И вот ты наконец пришел, сынок!

Тысячи писем, телеграмм от разных организаций со всех концов страны приходят в адрес товарища Хо Ши Мина и других наших руководителей. И всюду выражено желание, единодушное для всех двадцати миллионов соотечественников на севере и юге Вьетнама: продолжать мужественно и решительно борьбу, чтобы полностью осуществить мир, независимость, единство, демократию. Население района Сайгон-Холон пишет президенту Хо Ши Мину:

Урок в школе.

«Мы обещаем вам в точности выполнять ваши директивы, подчинять местные интересы интересам национальным, ближайшие цели целям основным, длительным. Мы обещаем бороться за то, чтобы заставить французские власти лойяльно выполнять условия перемирия, обещаем усилить нашу политическую бдительность и давать отпор всем попыткам саботировать мир».

«Мы, ваши соотечественники из южного Вьетнама,— говорится в другом письме,— первыми поднявшие оружие в движении национального сопротивления агрессору, полностью осознаем нынешние задачи. Крепкой, как скала, является наша вера в мудрую политику президента Хо Ши Мина и правительства». Эти слова принадлежат доктору Нгуэн Ван Хуонгу, национальному Герою Труда.

В эти счастливые дни один крестьянин из только что освобожденного района воздвиг недалеко от своего дома триумфальную арку и рядом с надписью, выражающей благодарность партии, вывесил маленький портрет президента Хо Ши Мина. Этот портрет крестьянин сумел сохранить, несмотря на доносы предателей.

— Все эти долгие годы тяжелой борьбы партия и дядя Хо были с нами, ободряли нас, помогали советом, поддерживали. Они не забывали нас ни на минуту. Пусть же партия и президент Хо радуются вместе с нами!

Сердце каждого вьетнамца с особой силой бьется в дни 9-й годовщины нашего национального праздника — Дня провозглашения независимости Вьетнама. В этом году не в глубине джунглей, под покровом ночи, нет, по всей стране народ будет отмечать свой национальный праздник. Этот праздник овеян бодрящим, свежим ветром победы сил мира. Этот праздник — веха на пути к новым победам в борьбе за восстановление страны, за мир, независимость, единство всего Вьетнама.

Группа молодых вьетнамских крестьян на полевых работах.

ХУДОЖНИКИ ИЗ НАРОДА

А. ЯР-КРАВЧЕНКО

Если попытаться сказать о Всесоюзной выставке художественного творчества рабочих и служащих в целом, то представленные на ней произведения можно назвать многогранным повествованием ее участников о самом дорогом и близком для них.

О том, что взволновало и полюбилось, что от всей души захотелось выразить в созвучии красок, в линиях карандаша, в формах скульптуры, чеканных узорах резьбы, мягкой строчке вышивки,— обо всем этом говорят на выставке работы токарей и инженеров, бухгалтеров и шоферов, учителей и электриков, врачей и студентов, артистов и домашних хозяек. Со всех концов страны собраны на выставке, открытой в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, картины, скульптуры, рисунки, вышивки, резные и керамические изделия.

Слесарь одного из подмосковных машиностроительных заводов Н. Морозов прислал картину «Сборка новой сенокосилки» — рассказ о работе в своем цехе. Рабочий-разметчик из Ленинграда С. Ласточкин, написав интересное полотно «Семинар разметчиков-новаторов», показал своих товарищей по труду. Наряду с лирическими пейзажами родной русской природы, созданными москвичами В. Дюминым, В. Борзовым, астраханцем В. Губиным и многими другими, зритель встречает на выставке картины о народном героизме, о суровых и трудных испытаниях первых лет революции,— например, полотно маляра И. Колмогорцева из города Копейска, Челябинской области, «Шахтеры-подпольщики в 1918 году». Тут же мы видим и теплую, проникнутую юмором жанровую сценку: малыш примеривает отцовскую военную фуражку,— запечатленную в небольшой картине рабочим П. Щеткиным из Омска.

В заводских клубах и во дворцах культуры, в изостудиях и многочисленных самодеятельных коллективах под руководством опытных педагогов овладевают художники-любители знаниями, приобретают профессиональные навыки.

Есть на выставке картина «Посещение изостудии Дворца культуры Автозавода имени Сталина Мао Цзэ-дуном». Авторы ее—студийцы Дворца культуры Автозавода В. Панов и С. Монахов. Когда Мао Цзэ-дун посетил Москву, он побывал и на Автозаводе и в заводском Дворце культуры. Авторы картины с гордостью рассказывают в ней о том, как их товарищи показывали свои работы вождю великого китайского народа, беседовали с ним. Пусть эта картина по исполнению еще не совершенна,— она дорога тем, что создавшие ее юноши-художники с уважением и интересом относятся к своему искусству, к воспитавшей их студии.

Неисчерпаемо богат талантами наш родной народ, и выставка эта собрала мощный урожай народных дарований. В течение двух лет проходил по стране Всесоюзный смотр художественного творчества рабочих и служащих. Свыше ста пятидесяти тысяч художников-любителей приняло участие в нем. Двести восемьдесят пять тысяч произведений всех видов и жанров изобразительного искусства были показаны на республиканских, краевых, областных и районных выставках. Свыше двадцати пяти миллионов зрителей посетило эти выставки! Лучшие работы собраны теперь на Всесоюзной выставке изосамодеятельности.

В числе наиболее интересных живописных произведений внимание зрителя привлекает монументальная картина-панно «Большая семья» — результат пятилетнего труда художников изостудии московского завода «Компрессор» П. Редечкина, И. Дружкова и С. Ломовского. Колхозники празднуют день урожая; всем селом, единой трудовой семьей собрались они за праздничным столом. В радостном многоцветии красок, в шумном, веселом оживлении предстает перед нами торжество тружеников колхозных полей...

Студенческой молодежи посвятила свою картину «Подготовка к экзаменам» Г. Севрук. Есть в этой картине хорошая простота рассказа об увиденном в жизни, все здесь, вплоть до мелочей, верно наблюдено, передано с теплым чувством.

На выставке показано много портретов, написанных вдумчиво, отчетливо передающих душевный склад изображенных людей. Вот милая «Девочка в пуховом капоре» С. Кузнецова. В «Портрете шахтера» работы И. Колобаева мы видим человека большой трудовой жизни. Одухотворены добрым и светлым чувством «Портрет матери» И. Тонких и портреты: узбечки работы А. Усениной и знатной доярки — Г. Шамина.

Что говорить, конечно, в экспонируемых на выставке произведениях самодеятельных художников немало различного рода погрешностей в исполнении. Ведь мастерство художника-профессионала дается годами большого и напряженного труда! Но разве недостатки в рисунке, живописи, композиции работ художников-любителей не искупаются сторицей тем, что одухотворяет подлинное искусство,— присущей им живой мыслью, искренним чувством, зоркостью наблюдения, поэтическим ощущением? Казалось бы, нет ничего внешне примечательного в пейзажах слесаря Л. Фомичева, техника В. Борзова, маляра Г. Зеленина, учителя С. Журавлева, конструктора В. Новослугина, но согреты они подлинной любовью к родной природе. А сколько восхищения чудесными дарами наших садов и полей — фруктами, овощами, цветами — в натюрмортах Т. Несмеяновой, А. Мазина, Т. Фроловой-Багреевой и многих других художников!

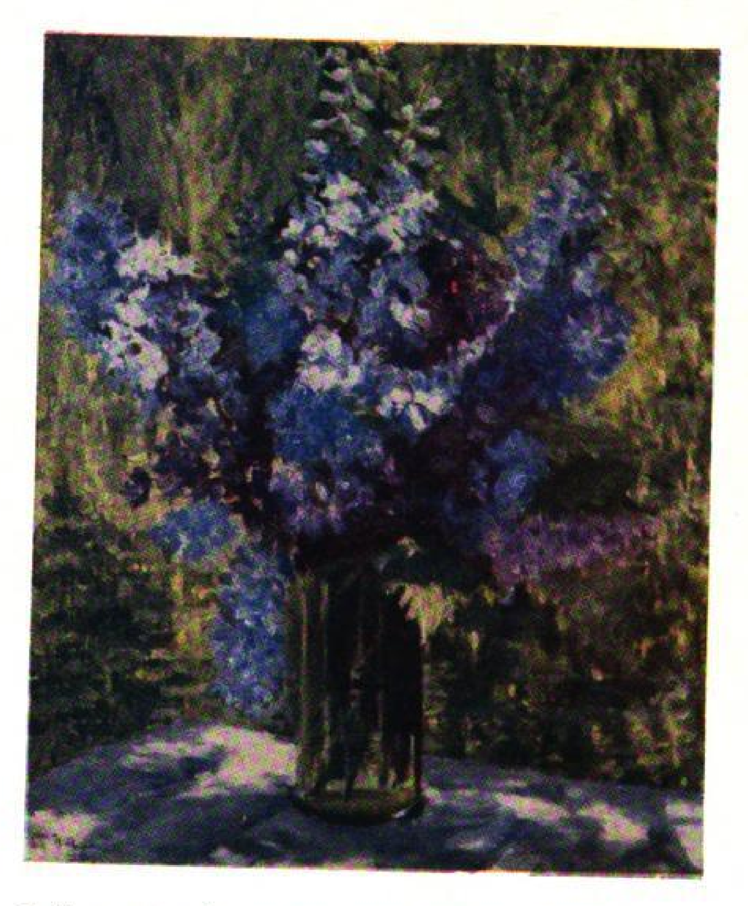
Большие успехи у самодеятельных художников-графиков. На выставке представлены интересные акварельные и карандашные пейзажи: портреты наших современников, иллюстрации к популярным в народе книгам: подольского токаря В. Денисова — к повести «Белеет парус одинокий» В. Катаева, московского студента В. Дьяконицына — к повести «Студенты» Ю. Трифонова и другие. Нельзя не отметить, что отдельные произведения в разделе графики, как, например, акварельный портрет гуцулки работы И. Браха с Украины, портрет матери-героини Николаевой, созданный ленинградским слесарем Б. Анисимовым, и некоторые пейзажные этюды могли бы конкурировать с произведениями художников-профессионалов.

Но есть раздел выставки, где профессиональные художники, пожалуй, с трудом могли бы потягаться с художниками-любителями. Это раздел декоративно-прикладного искусства. Здесь есть такие художественные вышивки, такие изумительные образцы резьбы по дереву и кости, что хочется порекомендовать нашим предприятиям художественной промышленности взять эти образцы народного творчества да и пустить в массовое производство. Богатство народной орнаментики, изобретательность и мастерство отделки — все здесь радует взор зрителя.

И. К. Брах (Украинская ССР), оператор буровой. ГУЦУЛКА.

А. И. Алексеева-Лифанова (Ленинград), служащая. Из иллюстраций к повести А. С. Пушкина «Дубровский».

Т. Несмеянова (научный сотрудник). ДЕЛЬФИНИУМ.

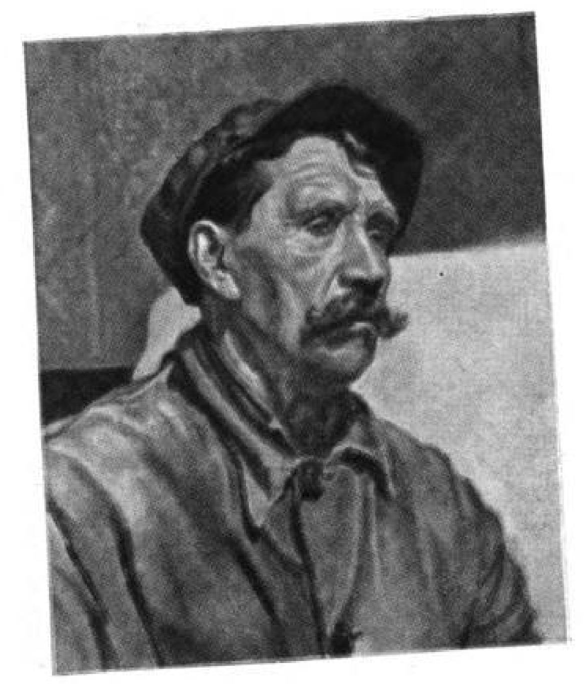
Э. Киричек (браковщик). ТКАЧИХА.

И. Колмогорцев (маляр), город Копейск, Челябинской области.
ШАХТЕРЫ-ПОДПОЛЬЩИКИ В 1918 ГОДУ.

П. Редечкин (техник

Вверху:

С. Кузнецов. ДЕВОЧКА В ПУХОВОМ КАПОРЕ.

И. Тонких (лаборант). ПОРТРЕТ МАТЕРИ.

И. Колобаев (лаборант). ПОРТРЕТ ШАХТЕРА.

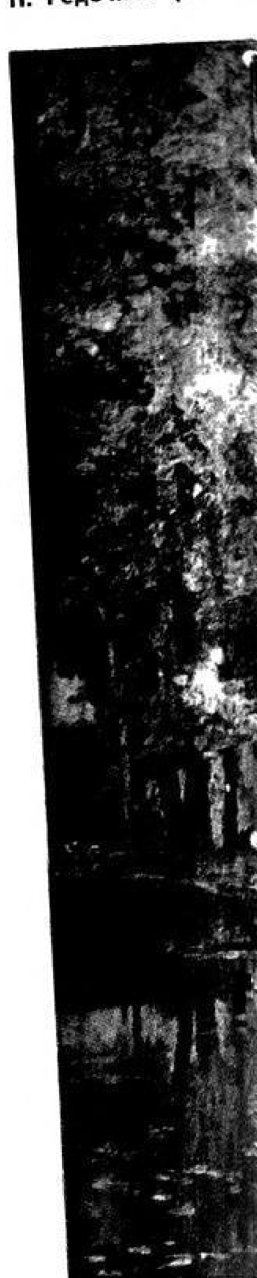
Слева:

Т. Фролова-Багреева (член семьи). НЕЗАБУДКИ.

Внизу:

Г. Севрук (копировщица), Киев. ПОДГОТОВКА К ЭКЗАМЕНАМ.

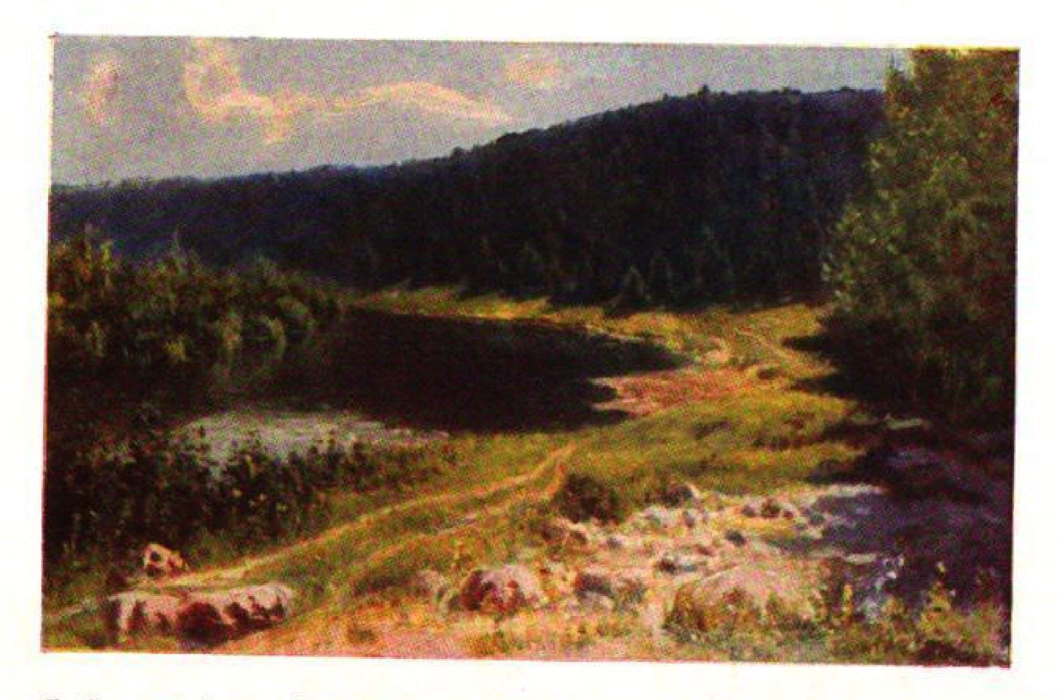

В. Дюмин (констру

, **Е. Ломовский** (слесарь-лекальщик), **П. Дружков** (слесарь). БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ.

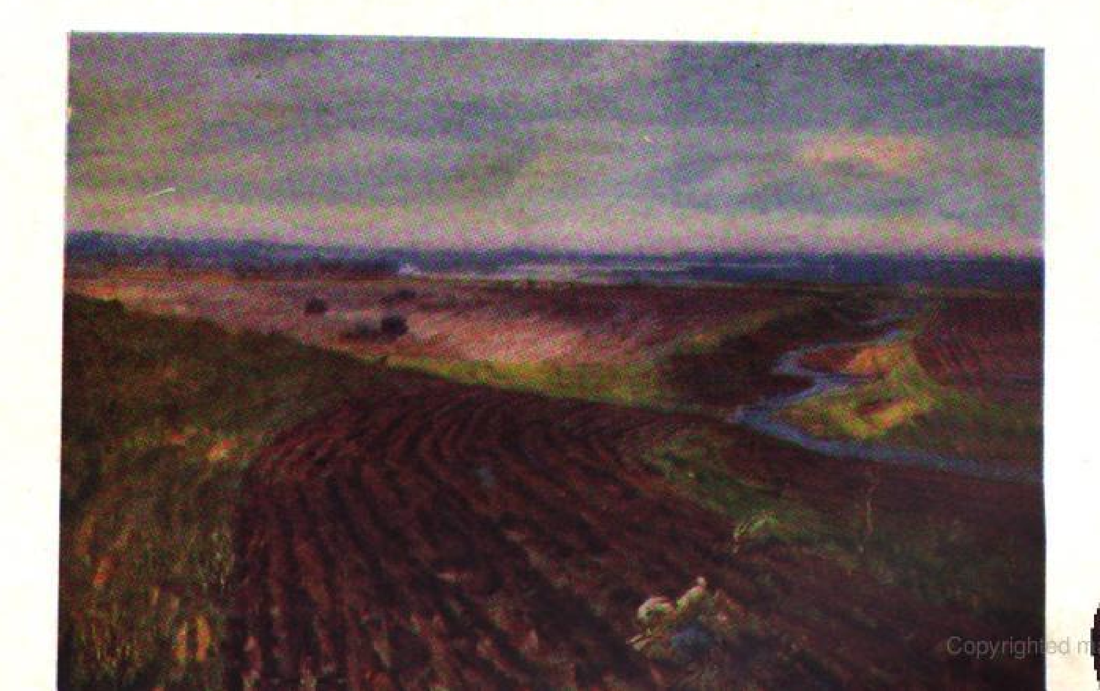

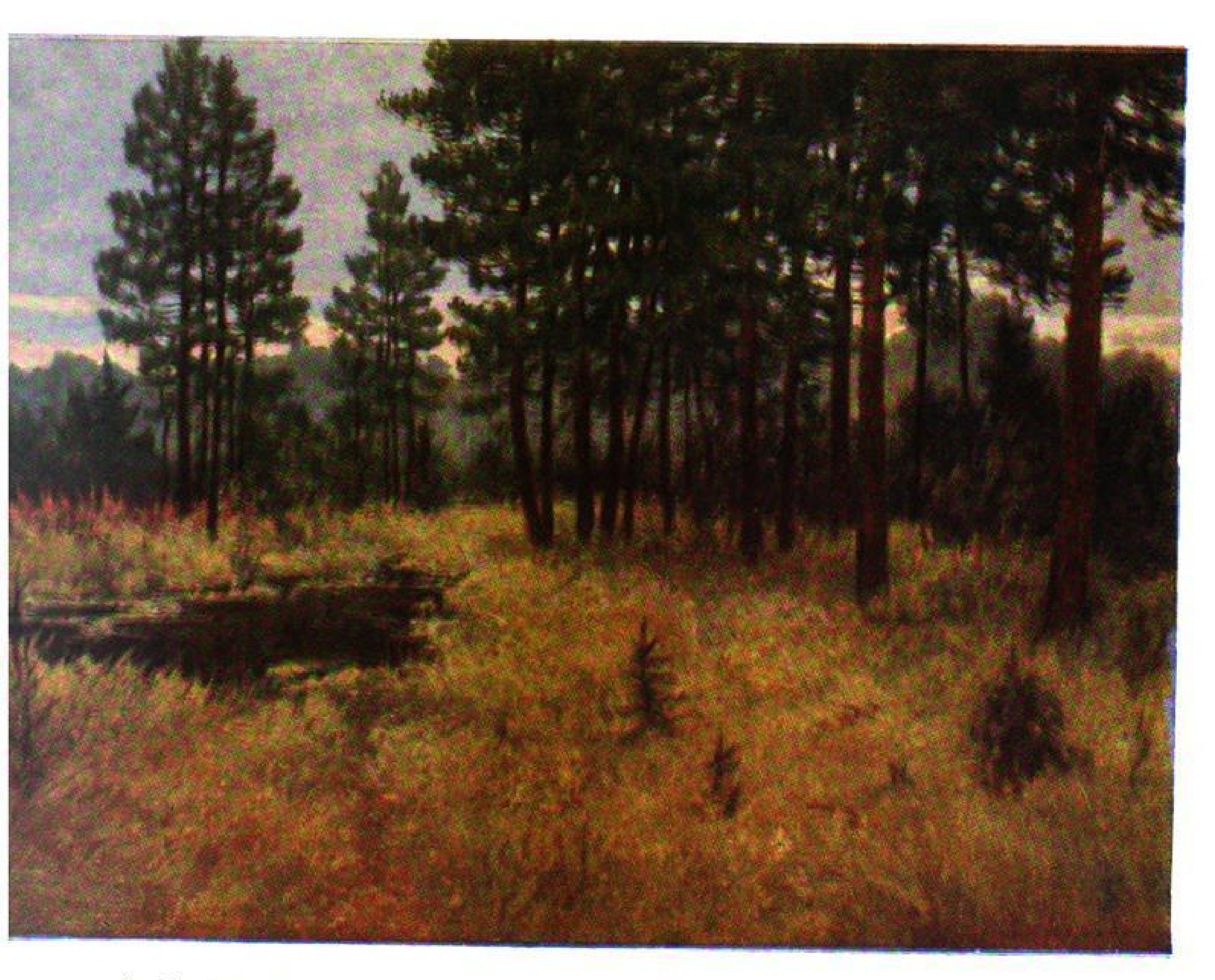
тор), Калининград, Московской области. ОСЕНЬ В ПАРКЕ.

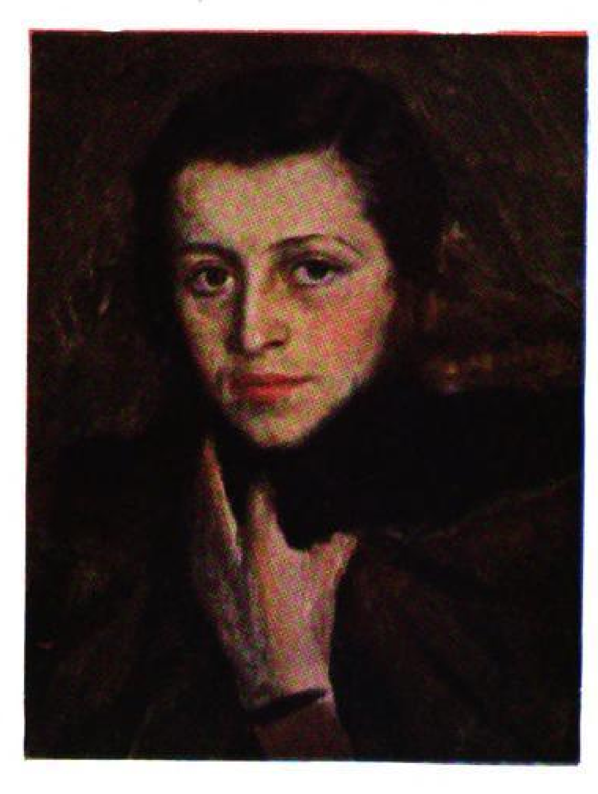
Л. Фомичев (слесарь). ПОЛДЕНЬ НА РЕКЕ ОКЕ.

В. Борзов (служащий). ПОДНЯТИЕ ЦЕЛИНЫ.

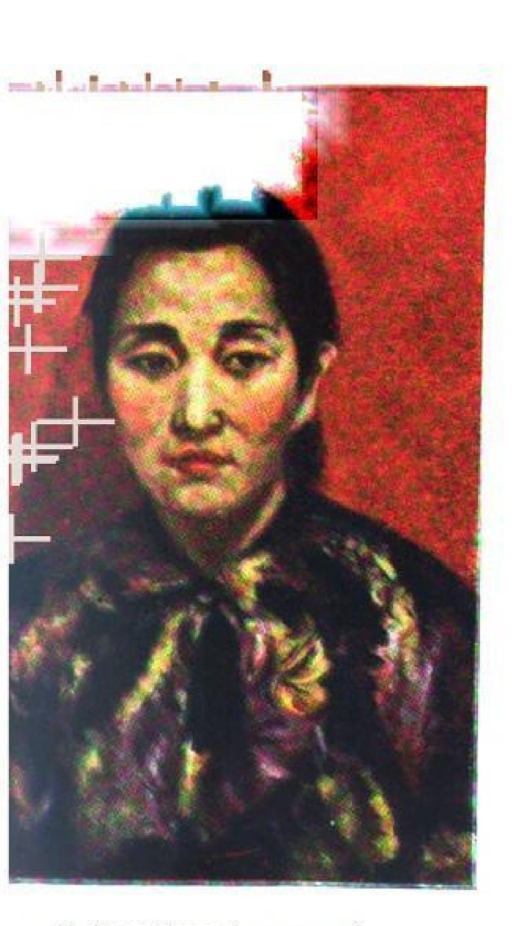

А. Сафонов (инженер), Ленинград. СОСНОВЫЙ ЛЕС.

И. Сафонов, Иркутская область. ПОРТРЕТ ДЕВУШКИ.

Н. Максимова (служащая). ПОРТРЕТ МОНГОЛКИ.

А. Мазин (конструктор). НАТЮРМОРТ С ЧЕРЕШНЕЙ.

ОБОРОНА ДЕССАУ

Стефан ГЕЙМ,
немецкий писатель

С незапамятных времен идет борьба между человеком и природой. В этой борьбе и формировался человек, учился мыслить, трудиться, создавать общество. Эта борьба останется еще и тогда, когда о борьбе классов человечество будет вспоминать лишь по книгам.

Ясно, что в широкой перспективе человеческой истории происходившая несколько недель оборона Дессау от наводнения — это лишь крохотный эпизод, и едва ли удостоится он хотя бы одной строчки в летописях будущего. И, тем не менее, для нас этот эпизод интересен тем, что в нем показало себя нечто новое для Германии — новый человек, носитель того нового общественного порядка, который складывается сейчас на востоке страны; человек, который говорит уже не только «я», а все чаще «мы», не только «мое», но и «наше».

* * *

В четверг, 8 июля 1954 года, под вечер, господину Вечореку, сидевшему в своем кабинете в ратуше города Дессау, позвонили по телефону из Карл-Маркс-штадта. Из телефонного разговора он узнал, что реки, текущие со склонов Рудных гор, особенно обе Мульды, Фрейбергская и Цвиккауская, сильно разлились и что в Дессау следует ожидать сильного наводнения.

Господин Вечорек, человек средних лет, был, собственно говоря, по профессии торговым агентом. Во время войны гитлеровцы посадили его в концлагерь «за разложение вермахта». Правду сказать, не так уж велика была эта разлагающая деятельность: он просто сказал двум — трем друзьям, что они принесли бы больше пользы в другом месте, а не в солдатах. После войны Вечорек оказался в Дессау и поступил на работу в городское управление. Городу, на три четверти разрушенному, нужны были специалисты по снабжению: ведь все, от черепицы для крыш и до сложнейших машин, надо было добывать и создавать заново. Вечорек управлял коммунальными предприятиями. Обербургомистр был в отпуске, так что господин Вечорек практически нес ответственность за весь город.

Он хорошо знал географию Дессау и прилегающих районов, чтобы сразу понять, как велика опасность. Слияние обеих Мульд, в верховьях пополняемых водой из ряда притоков, происходит южнее города Вурцен; дальше они текут, как одна река Мульда, по направлению к Дессау, который она делит на две части. На левом берегу лежит собственно город, на правом — предместья Вальдерзее и Мильдензее; это скорее деревни, но там живет много рабочих. И, едва покинув Дессау, Мульда тут же впадает в Эльбу. Все это выглядит вроде буквы «Т», в которой перекладину образует Эльба, основание — Мульда, а город Дессау расположен в зоне этого «Т».

Вскоре стали поступать из Вурцена сообщения об уровне воды. Вечорек вызвал инженера Шрейбера из народного предприятия «Водное хозяйство Мульды». У инженера была готовая сравнительная таблица уровней воды в Вурцене и Дессау при наводнении. Но цифры, сообщенные из Вурцена, далеко перекрывали все, что случалось в практике «Водного хозяйства Мульды». Принялись все пересчитывать наново. Рука инженера слегка дрожала, когда он подвел итог: 6 метров.

Такого раньше никогда не было. При уровне в 6 метров вода захлестнет некоторые дамбы, и весь город окажется под водой.

Господин Вечорек решил обо всем этом немедленно поставить в известность партию.

* * *

Я спросил впоследствии Вечорека, почему он так поступил. Он с минуту помолчал, прежде чем ответить. Собственно, схватился он за телефон и набрал номер районного секретариата Социалистической единой партии Германии в силу совершенно естественного побуждения. Он сделал бы так даже в том случае, если бы он сам не был членом этой партии, а принадлежал бы к другой.

— Дессау можно было спасти, только мобилизовав все население, — сказал Вечорек медленно. — Есть только одна сила, которая могла это сделать. Это партия.

В пятницу вечером состоялось заседание районного секретариата СЕПГ. Партия взяла в свои руки руководство спасением жизни и имущества 90 тысяч людей, заводов, принадлежащих народу, урожая, скота, — короче, судьбу и будущее немецкого города.

В заседаниях созданной чрезвычайной тройки постоянно принимали участие представители народной полиции, водного хозяйства, пожарной охраны, органов здравоохранения, службы телефона и радио. На заводах было объявлено состояние готовности: выделялись группы рабочих, отбирались нужные строительные материалы и инструмент. Заранее были организованы походные госпитали. Все грузовые машины, автобусы и другие средства транспорта поступили в распоряжение чрезвычайной тройки. И прежде всего были открыты шлюзы Мульды, чтобы вода имела свободный выход по течению. В субботу с полудня 200 служащих народной полиции уже дежурили у реки. А через несколько часов пришло сообщение от командира расположенной вблизи части Советской Армии, что он, его офицеры и солдаты в любую минуту готовы принять участие в борьбе со стихийным бедствием.

И тут разразилось наводнение.

* * *

Всмотритесь в таблицу уровней воды в Мульде и Эльбе в дни наводнения, и вы увидите как бы два лихорадочных взлета кривой. 9 июля Мульда была тихой, спокойной рекой — всего лишь 0,89 метра; ее можно было легко перейти, не погружаясь даже по пояс. В субботу уровень поднялся уже до 4,54 метра, а в воскресенье, 11 июля, достиг 5,75. На следующий день уровень почти достиг «контрольной цифры» инженера Шрейбера — 5,82! Правда, прорыв дамбы под Биттерфельдом несколько уменьшил давление воды на Дессау.

Примерно в таких же темпах шло дело на Эльбе. За два дня там уровень увеличился с 2,6 метра до 5,15. Во вторник отметка показывала уже 5,91, а в среду в полдень уровень достиг максимума — 6,01 метра.

Большой удачей для защитников Дессау было то, что кривые наиболее резкого подъема воды в обеих реках не совпали по времени. Если бы это случилось, Эльба уже в понедельник ринулась бы всей тяжестью своей водной массы в устье Мульды; воды Мульды были бы отброшены назад, на дамбы, и ворвались бы в низменные районы города, особенно в Вальдерзее и Мильдензее.

Но и без того водное зеркало Мульды стояло в самые острые моменты наводнения выше, чем самые высокие районы города. Впрочем, «водное зеркало» — это слишком мягкое слово: Мульда, серая, мутная от паводка, бурлила, рычала, рвалась вперед и бешено билась о дамбы. К тому же почти непрерывно шел проливной дождь, под дамбами стала быстро проступать подпочвенная вода. Дамбы, казалось, готовы были поплыть.

Против взбунтовавшейся воды стояли люди: рабочие, пригородные крестьяне, народная полиция, советские солдаты. Это было все. Но это была огромная сила.

* * *

Борьба шла прежде всего за дамбы.

Центр Дессау прикрывает дамба, которая начинается на левом берегу, у южного городского района Тэртен, и тянется на север. Предместья же и пригородные деревни имеют свою систему плотин и дамб. Район Вальдерзее окружен почти целиком кругообразной дамбой.

Надо было, чтобы дамбы выдержали, а они не везде были одинаковой крепости. Во многих местах в них были трещины, да и вообще они были низковаты, поскольку рассчитывались на нормальные паводки, а не на тот напор стихии, что разыгрался в эти дни.

— Вода ломала наши планы и опрокидывала их, — сказал мне один из руководителей борьбы с наводнением. — Надо было наращивать высоту дамб, строить новые, укреплять слабые места, затыкать прорывы — и все в зависимости от того, где вода переходила в наступление. Часто все зависело от сантиметров и минут.

Возле «Шоппе» — извилины в течении Мульды вблизи Лейпцигерштрассе — высота насыпи дамбы была поднята на один метр на протяжении более полукилометра, и это было сделано в одну ночь, с субботы на воскресенье. Насыпь

у Тэртена была наращена на 60 сантиметров во всю ее длину. Всего в дни бедствия работы велись на плотинах и дамбах на протяжении более 7 километров. И никогда не снижалось ниже восьми тысяч число дессаусцев, мужчин, женщин, молодежи, работавших добровольно, день и ночь не покладая рук. В опасные же часы их бывало много больше. С ними вместе работала народная полиция и советские военнослужащие.

Я разговорился с одним пригородным крестьянином, и он сказал мне:

— Работать мы умеем, как вы знаете. Но эти советские парни!.. Ты тащишь мешок с песком, а он взвалит на плечи два! Где только поопаснее, там они, друзья, тут как тут, по шею в воде, а то и вплавь... А ведь они-то и не обязаны были помогать; это ведь не их страна... Делали от сердца, от дружбы!

«Друзья» — этим словом для краткости обозначают в Дессау советского офицера, солдата, санитара. Это слово, часто звучавшее в опасные дни на берегах Мульды, произносится с особой интонацией, с особой теплотой и уважением.

* * *

Борьба шла, разумеется, и за человеческие жизни. Трудно было предсказать наверняка, выдержит ли та или другая дамба. Часто на Лейпцигерштрассе, на Пауль-Кенигплатц в центре Дессау, в Тэртене, в Вальдерзее и других местах дело выглядело безнадежно проигранным.

Был отдан приказ об эвакуации районов города, расположенных в низине. Но люди не хотели расставаться с домишками, огородами, кусочками поля. «Наводнение! — смеялись многие.— Вот уж невидаль!» Об опасности они начинали думать, когда вода уже подступала к порогу.

Рабочий Фрикке с дессауского вагоностроительного завода рассказывал мне:

— Я руководил спасательной группой из рабочих нашего завода. Задача была — помочь крестьянам вывезти скот. Ну, подчас нам приходилось жарко! В Наундорфе, что под Вальдерзее, один крестьянин кричит мне: «А если потонет скот, ты, что ли, будешь горевать?» Я объяснил ему, что крестьянский скот и нам, горожанам, дает молоко и масло, как же его не спасать! Он подумал и сказал: «Твоя правда!» И первым стал помогать нам вывозить скот.

В Мильдензее один крестьянин встретил бригаду рабочих у ворот усадьбы с вилами в руках. «Мое дело! — кричал он.— Утонет жена и дети, скотина, в ответе буду я, а никто другой!» Но бригада рабочих не испугалась вил, крестьянин, семья, скот были спасены «насильно».

Спасение крестьянского добра проходило в большой спешке, часто при свете прожекторов. Грузовиков было достаточно, но как в них грузить мелкий скот и птицу без клеток, как загонять в них свиней? Приходилось многопудовых хряков подымать на руках. Коров сначала загоняли на кучи навоза и затем уже подавали несговорчивым буренкам автомашины. Огромная масса скота была доставлена в центр города, а оттуда отправлена в безопасные деревни.

Раздачу владельцам было решено провести по окончании наводнения. Тут было тоже немало трудностей. Корова имеет, так сказать, индивидуальную внешность, хозяйке ее легко отличить. Ну, а свиньи? Решили их маркировать краской — пятнами разного цвета. Но дождь смывал краску, свиньи терлись друг о друга, и от этих отметок не оставалось ничего. И, тем не менее, возвращение скота после наводнения прошло гладко, без больших конфликтов.

Еще более сложной и хлопотной была эвакуация тысяч людей. Дома культуры заводов, общественные здания, театральные залы были временно превращены в убежища для пострадавших от наводнения; городские и заводские столовые работали день и ночь, готовя пищу для эвакуированных и для спасательных бригад, работавших на дамбах. Раз в день им обязательно давалась горячая пища.

В понедельник кое-кто из жителей Дессау кинулся запасать продовольствие. Некоторые закупали по многу десятков килограммов хлеба—впоследствии им пришлось его выбрасывать. Но, как часы, четко и бесперебойно работал аппарат продовольственного снабжения города. Цены оставались на обычном уровне, ни на один день не было введено хотя бы временное нормирование продуктов. Правда, нервное напряжение привело у мужчин к сверхобычному потреблению табака. Но как раз в тот момент, когда запасы сигарет подходили к концу, миллион штук поступил из Галле.

Город Дессау не был покинут в беде. Правительство Германской Демократической Республики и партия рабочего класса показали себя мощной организующей силой в борьбе со стихийным бедствием. Запасы мешков для песка, бывшие в распоряжении республики, были брошены в угрожаемые места на Мульде и Эльбе. Железнодорожники, преодолевая трудности, гнали составы с балластом, строительными материалами, продовольствием. Из Ашерслебена, Кётена, Бернбурга и других городов шли грузовики, ехали специалисты-строители. Из Эйслебена, из Мансфельдского комбината имени Вильгельма Пика двигались к месту катастрофы горняки прямо из шахт. Город Тале послал бригады рабочих-металлистов. Отовсюду мчались автобусы с добровольцами, готовыми помочь.

Есть в Германской Демократической Республике одно слово; оно завоевывает себе все более почетное место в обиходе людей — **солидарность**. И все чувствовали в эти дни силу и действенность этого слова.

Рабочий корреспондент с завода тяжелого машиностроения «Полизиус» писал мне:

«У нас на заводе гостила молодежная футбольная команда из Западной Германии, из Нюрнберга. Вечером 11 июля баварские спортсмены пришли в заводской комитет нашего предприятия и сказали: «Мы не можем смотреть, как посторонние зрители, на то, как вы боретесь с наводнением. Пожалуйста, пошлите нас на опасные участки. Мы хотим помочь. Мы такие же немцы, как вы!»

* * *

Сводки выглядели тревожно. Предместья Вальдерзее и Мильдензее были отрезаны от центральной части города. По мосту через Мульду можно было пробиться только с большим трудом. Телефонная связь из Дессау в предместья работала только в одну сторону. Рабочий-котельщик Вольфганг Кекс и десятник связи Ганс Виндерфельд искали повреждения в кабеле, они работали прямо над бурлящей, взбесившейся водой.

А как обстояло дело на дамбах?

Я записал два разговора с людьми, которые на разных участках в разное время делали почти одно и то же. Мне кажется, что в этих беседах проявилось нечто от того нового, что растет, крепнет и развивается в Германской Демократической Республике, да и во всей Германии.

Первый разговор был с инженером Гюнтером Гартманом с завода тяжелого машиностроения «Полизиус».

Вопрос. Вы еще очень молоды. Какова ваша биография?

Гартман. Мой отец — рабочий, слесарь по автотранспортному делу, работает в Ильменау, в Тюрингене. Я начинал учеником слесаря на кожевенном заводе в Вейда. Потом меня послали от завода учиться. Учился с 1949 до 1953 года, потом вернулся в «Полизиус» инженером. Но в этом нет ничего особенного... Почему вы спрашиваете?

Вопрос. Да просто так... Я слышал о том, что вы вели себя геройски на дамбе в воскресенье вечером.

Гартман. Ничего не было особенного, мне кажется.

Вопрос. Возможно. Но все-таки, может быть, расскажете?

Гартман. Ну что ж, мы с товарищем Лейшнером дежурили на плотине у Лейпцигерштрассе. Дождь лил, как из ведра, и вода из реки нажимала все сильнее. Дамба словно качалась, у меня было совсем не весело на душе... А потом мы обнаружили трещину, сквозь насыпь уже прорывалась вода. Мы попытались заделать дыру глиной, которую брали тут же, на откосе, но давление все увеличивалось, и вода уже стала промывать внешний деревянный настил. Я понял, что спасать дамбу надо со стороны реки. Я полез в воду и стал подпирать спиной разошедшиеся деревянные подпорки. Так продолжалось минут десять... Я уже думал, что вот-вот не выдержу, но тут прибежал Лейшнер с целым взводом полицейских. Младший лейтенант спрыгнул в воду рядом со мной, за ним еще несколько человек. Так мы образовали живой пластырь, а другие товарищи пока забивали новые колья, закладывали прорыв бревнами и мешками с песком. Часа три пришлось пробыть в воде, пока все удалось привести в порядок...

Вопрос. А почему вы так делали?

Гартман. Почему? Я не понимаю вашего вопроса. Это ведь понятно само собой.

Вопрос. А почему это вам понятно само собой?

Гартман (молчит, потом повторяет с удивлением). Почему? Право, я об этом не думал...

Вопрос. Тогда подумайте, пожалуйста, и скажите.

Гартман. Я, собственно, ни о чем не думал, когда прыгнул в воду... Но если подумать, то... вода могла прорваться, и **у нас** могло бы многое погибнуть, много **нашего** имущества. Видите ли, когда я учился, я на себе почувствовал, что делает для нас государство. Поэтому я и не задумывался, когда прыгал в воду, потому что надо было спасать то, что принадлежит **нам**, то есть государству...

* * *

Второй разговор был у меня с крестьянином Руди Зоммером из Вальдерзее.

На поле, откуда еще видны последние дома пригорода, трактор тянул жатку; какой-то человек ехал на велосипеде вдоль поля, остановился, спрыгнул. Он подошел к трактору, обменялся несколькими словами с трактористом из машинно-тракторной станции и улыбнулся девушке, сидевшей на жатке.

Девушка оказалась его дочерью. Человека звали Руди Зоммер. Шла уборка машинами МТС урожая на его земельном участке.

Зоммер оказался несловоохотливым, седоволосым, лет под пятьдесят человеком, с голубыми прищуренными глазами и обгоревшим от солнца лицом.

Зоммер. Вы просите рассказать о прорыве дамбы у Шведенваля? Да что же тут рассказывать?

Вопрос. Расскажите просто так, как дело было.

Зоммер. В среду утром, в половине четвертого, решил я сходить с поля домой. Слышу, сирена сигнал подает с крыши нашей ратуши в Вальдерзее. Дамбу прорвало! Ну, ясно, бегу к ратуше узнать, что случилось, а потом спешу на место.

Вопрос. Что же вы увидели на месте прорыва?

Зоммер. Тут уже были люди, они пробовали завалить дыру глиной и мешками с песком. Но это были, знаете, рабочие из Тале — что они знают о дамбах и о воде? А я здешний. Я-то понимаю, если вода прорвет, затычку надо делать со стороны реки. Тут я и пошел в воду, за мной сосед Кер и еще один — мы зовем его «Старик»,— а за нами еще полез Ланге. Воды было по грудь, но мы так и стояли, клали фашины и мешки с песком. А тут подоспели друзья.

Вопрос. Какие друзья?

Ответ. Солдаты. Советские.

Вопрос. А почему вы сами поспешили на помощь?

Зоммер (задумчиво оглядывая поле). Да ведь все наше достояние здесь, у самой реки. Не только мое поле. Общее добро было в опасности.

Вопрос. Общее? А что это значит?

Зоммер. Если бы дамбу прорвало, весь Вальдерзее ушел бы под воду. Двести пятьдесят гектаров земли, перед самым урожаем...

Вопрос. А сколько из этой земли принадлежит вам?

Зоммер. Мне? В Вальдерзее? Да нисколько. У меня только вот здесь пять гектаров пахоты. Я только в 1946-м начал крестьянствовать. До того я был лесорубом.

Вопрос. Значит, вы пришли помочь из-за двух процентов всей площади в Вальдерзее?

Зоммер (смеется немного смущенно). Я, знаете ли, в процентах не силен... Делал то, что все другие делали. Как же иначе? Добро народное все-таки...

* * *

Надо сказать, не все вели себя так, как эти два мои собеседника. Были и равнодушные. Некоторые

обыватели города Дессау, дома которых стояли далеко от опасной зоны, в воскресенье, одетые по-праздничному, с женами и детьми прогуливались невдалеке от дамб и только посмеивались, видя, как их сограждане стояли по пояс в воде, измазанные в грязи.

Одна дама — умолчу об ее имени — решительно отказывалась эвакуироваться из угрожающей местности, потому что она не могла увезти с собой все свои тяжелые сундуки и мешки. Один из сундуков раскрылся. Он оказался набитым консервными банками с американскими ярлыками.

Дом одного владельца садоводства стоял на месте затопления, не защищенный никакой дамбой. Его дважды предупреждали, а он все не уходил из дома. А потом, когда вода подступила, влез на крышу и стал взывать о помощи. Отряд народной полиции подъехал на лодках, чтобы забрать его и семью. Но течение было уже слишком бурным, одна лодка перевернулась. Девять часов подряд люди из народной полиции спасались на деревьях. Один из них, измученный, упал в воду и был унесен в сторону железнодорожного моста. Пятеро молодых рабочих вагоностроительного завода из Полизиуса, рискуя жизнью, спасли его. Имена этих юношей: Кляуз, Гюнтер и Отто Лоренц, Франц Базика и Руди Вебер.

Рабочий Гундер из «Полизиуса» рассказывал:

— Еду я в воскресенье вечером на машине с радиопередатчиком по улицам города, зову в микрофон добровольцев идти спасать дамбу. Вижу, группа молодых людей, разодетых, как в Западном Берлине, выходит из кабака. Они вслушиваются в мой голос, потом один кричит: «Пусть эта грязная лужа подымется по-настоящему и затопит всю вашу ГДР!»

Я соскочил с машины и подхожу. А тот, что кричал, еще спрашивает: «Чего тебе надо от нас?» «Въехать тебе раз и два в зубы!» И, недолго думая, я врезал ему два раза прямо в физиономию. Ну и бежали же эти герои!

Были и случаи враждебных действий. Возникали разные дикие слухи, причем в них чувствовалась какая-то система, какой-то общий источник. Эти гнусные слушки были пущены как раз в то время, когда рабочие, крестьяне, народная полиция и советские солдаты совместно, с огромным напряжением отстаивали город.

В ночь со вторника на среду рабочий Ниман обнаружил на дамбе в Тэртене какого-то человека, что-то копавшего в стороне. Окликнутый неизвестный бросился бежать. Оказалось, что он успел вырыть в плотине траншею настолько широкую и глубокую, что через полчаса вода могла несомненно прорваться в этом месте.

— Нам приходилось, — говорит Ниман, — бороться, как и всегда, на два фронта: против воды и против классового врага.

На обоих фронтах победил человек, трудящийся, умеющий жертвовать собой.

Город Дессау был спасен.

* * *

Говорят, в нужде и опасности люди становятся героями. В том, что происходило в те дни в Дессау, во всей Германской Демократической Республике, был героизм не одиночек, а героизм как массовое явление.

Передо мной длинный список имен, и против каждого коротко написано, какой героический поступок совершил человек при защите города. Список этот не полон, конечно. Много людей отдавали свои силы и рисковали жизнью, и рядом не было свидетелей их героизма. И разве какая-нибудь старая женщина или 13-летний юнец, долгими часами копавшие глину, таскавшие мешки с песком и камнем, разве они совершили меньший подвиг, чем инженер Гартман или крестьянин Зоммер?.. Разве рабочие дессауских народных предприятий, боровшиеся со стихией и не остановившие ни на минуту производство, не герои?..

Список, который лежит передо мной, — это лишь отрывок героической летописи Дессау. Но и в нем я читаю имена 34 советских офицеров и солдат, 22 офицеров и рядовых народной полиции и 30 жителей Дессау.

* * *

Мне могут сказать, что и в западногерманском городе Пассау на Дунае тоже были случаи храбрости, героизма. И, продолжая эту мысль, кое-кто, наверное, воскликнул бы: в Дессау люди, как и везде, прежде всего защищали свое личное жилище, личное имущество!

Что же, выходит, что инженер Гартман лгал? Или говорил неправду крестьянин Зоммер?

Мой оппонент скажет на это, что они оба, может быть, знали, кто я такой, и поэтому отвечали то, что уже заранее предусмотрено было в вопросе. Во всяком случае, скажет мой оппонент, Гартман и Зоммер должны были защищать свою личную собственность, которая находилась под угрозой, как и у всех остальных.

Что же остается под ударами такого рода возможных возражений от моего нового человека, сознание которого формируется новым, лучшим общественным строем? В ответ я приведу один из многих случаев, когда дессаусцы, имущество которых находилось в опасности, все же, **несмотря ни на что**, не думали о личном, а отдавались полностью борьбе за общественное достояние.

На машиностроительном заводе «Полизиус» работает электриком некий Гарри Бляу, 19-летний узколицый, щуплый юноша. Он не состоит ни в Союзе свободной немецкой молодежи, ни в какой-либо другой массовой политической организации. Он разъезжал на машине, оборудованной радиопередатчиком, вместе с уже упоминавшимся рабочим Гундером. Они поочередно передавали по радио распоряжения штаба борьбы с наводнением. Естественно, что они первыми узнавали, каким районам города угрожает наибольшая опасность.

Я беседовал с Гундером и Бляу, и вот запись этой беседы:

Вопрос. Долго ли вы ездили на этой машине?

Гундер. С воскресного утра до утра понедельника.

Вопрос. Без перерыва?

Гундер. Да. Оба мы очень устали. Гарри даже заснул в машине. Я ему уже к вечеру в воскресенье сказал, что он должен идти домой.

Вопрос. Почему?

Гундер (обращаясь к Бляу). Расскажи лучше сам.

Распределение продовольствия среди населения затопленного городка Иесниц, возле Дессау.

Бляу. Потому что я живу в южном районе города.

Вопрос. Ну и что же?

Бляу. Нам срочно надо было передать очередные распоряжения: в южном районе надо было начинать эвакуацию.

Вопрос. У вас есть семья, товарищ Бляу?

Бляу. Да.

Вопрос. Значит, вы могли не беспокоиться? Семья могла справиться сама?

Бляу. Моя мать — медицинская сестра, она круглые сутки оставалась в госпитале. А отец — шофер на грузовике, он сам работал где-то возле дамбы.

Вопрос. Кто же оставался в доме?

Бляу. Сестра.

Вопрос. Значит?..

Гундер (перебивая). Его сестре всего двенадцать лет! Я три раза говорил Гарри: иди домой. Но он отказывался.

Вопрос. Почему вы отказывались?

Бляу. Нельзя же сразу делать два дела. Работать в машине было важнее.

Вопрос. Почему?

Бляу (не сразу находя слова). Если бы я ушел, пострадало бы много людей, очень много, имущества много погибло бы. А тут риск был только для меня одного, для моей семьи... Вот как это получилось, я полагаю...

Думается, что с такими людьми можно отстоять не только один город. С ними можно отстоять весь новый, справедливый мир, который рождается на наших глазах.

Советские солдаты оказывают помощь в борьбе с наводнением.

НА СОВЕТСКОМ БЕРЕГУ

Л. ЛЕРОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.

Ранним летним утром большой шведский теплоход «Колснарен» пришвартовался у одного из причалов ленинградского торгового порта. На борт поднялся начальник ленинградского главного морского агентства «Инфлот» Илья Сергеевич Долгинцев. В его лице капитаны иностранных судов привыкли видеть человека, который заботится об их нуждах. И на этот раз все, что требовалось теплоходу, было заранее приготовлено. Быстро закончили оформление грузовых документов. Теперь можно приступить к выгрузке доставленных из Южной Африки кож.

Уже выходя из салона, Долгинцев сказал капитану:

— Что касается вашей просьбы осмотреть город, то она, несомненно, будет выполнена.

О прибытии в Ленинград шведского судна было известно не только в диспетчерской агентства «Инфлот», но и в небольшом особняке на канале Грибоедова, где разместился Интернациональный клуб моряков. Из «Инфлота» сообщили: «Теплоход будет стоять недолго, разгрузим его быстро». Значит, надо узнать, как хотели бы гости провести дни стоянки. И на борт «Колснарена» поднимается еще один гость: Раиса Алексеевна Казанцева, сотрудник клуба моряков, приглашает капитана судна Гунара Рунстена и весь экипаж посетить клуб, познакомиться с городом.

— Спасибо. Мы обязательно воспользуемся вашей любезностью, — благодарит капитан. — Но сегодня у нас напряженный день. А вот моя супруга хотела бы побывать на русском балете. И она вечером свободна.

— Вашей супруге повезло: сегодня идет «Лебединое озеро».

Госпожа Рунстен обрадована:

— О! Я буду вам очень обязана. У себя дома я была на концерте вашего танцевального ансамбля «Березка». А когда отправилась сюда, мечтала увидеть классический русский балет. Мы много слышали о нем.

Прощаясь, Раиса Алексеевна уточняет пожелания экипажа: завтра — экскурсия по городу. И она отправляется к другому шведскому судну, «Фалькен».

Казанцеву здесь уже ждут. Вчера команда с «Фалькена» побывала в клубе, а в программе сегодняшнего дня — знакомство с Эрмитажем. Вместе с иностранными моряками едем и мы в музей. По дороге капитан Иохансон рассказывает о последнем рейсе:

— Мы привезли в Россию бумагу, грузим автомобили «Москвич». По нашим улицам уже бегают эти машины, и мы успели их полюбить. Приятно отметить, что торговля с Советским Союзом расширяется. Это укрепляет дружбу людей и сближает их.

Вот и «Винтер-Палас», как называют шведские моряки Зимний дворец, о котором они так много слышали. Гости ходят по залам Эрмитажа и не скрывают своего изумления.

— Я бывал в музеях многих стран, но такого музея не видал, — восторженно говорит старший механик Альфред Вагнборг.

— Мы знаем, как героически оборонялся Ленинград во время последней войны, как его жестоко бомбили и обстреливали из орудий. Каким же чудом вам удалось сохранить эти сокровища? — спрашивает капитан.

Не только богатства Эрмитажа привлекают внимание шведов. Их поражает нескончаемый поток экскурсантов и то, что многие посетители старательно записывают объяснения экскурсовода...

Под вечер мы возвращаемся в порт. Казанцевой надо еще успеть побывать на только что прибывшем норвежском судне «Тунгенес».

— Я рад видеть представителя клуба, о котором мне рассказывали так много хорошего, — встречает ее капитан Андерс Андерсен. — В финском порту Котка знакомый капитан, узнав, что я следую в Ленинград, лестно отзывался о вашей полезной работе.

— Надеюсь, что вы не разочаруетесь. Приезжайте к нам в клуб.

Вечером в уютных залах особняка на канале Грибоедова собрались иностранные гости. Одни приехали на клубном автобусе, другие пришли пешком: от порта недалеко, а дорога многим уже хорошо знакома.

Идет оживленная беседа с капитаном советского парохода «Имандра» Николаем Георгиевичем Барбарчуком. Датчанин, заметив на его груди какой-то значок, спрашивает:

— Что это за награда?

— Это почетный знак за спасение экипажа бельгийского лесовоза «Жан Мари».

Кое-кто из присутствовавших уже слыхал о подвиге советских моряков. Тем приятнее им лично познакомиться с отважным капитаном.

Шведские моряки с судна «Фалькен» в Эрмитаже.

Клубный автобус доставил гостей.

Гости слушают рассказ советского капитана Н. Г. Барбарчука.

— Расскажите подробнее, как это было...

И все внимательно слушают рассказ русского капитана о том, как зимой, в непогоду, советские моряки, верные долгу морского товарищества, рискуя жизнью, спасли экипаж бельгийского судна.

— Когда шипящий бурун заклокотал над местом, где несколько секунд тому назад пошел на дно беспомощно дрейфовавший лесовоз, наша шлюпка с двадцатью членами экипажа «Жан Мари» уже возвращалась к «Имандре»,— заканчивает свой рассказ Барбарчук.

Его засыпают вопросами. Интересуются заработком, условиями труда советских моряков.

— О! С такой зарплатой можно жить,— подает реплику швед.

Матрос-датчанин больше всего интересуется, как поставлено специальное обучение.

— У нас в Дании требуется проплавать три — четыре года, чтобы стать матросом. А для того, чтобы пройти курс обучения штурманскому делу, нужно уплатить немало денег. Конечно, бывает, что компания платит за твою учебу, но тогда ты уже всю жизнь должен работать на нее. Я несколько лет мечтаю накопить денег, чтобы стать штурманом.

В разговор вступает норвежский кочегар Стене:

— В 1937 году в Филадельфии я был очень удивлен, увидев на советском пароходе старшего механика — женщину. Что это, случайность?

— Нет,— отвечает Барбарчук.— У нас есть женщины — капитаны и помощники капитанов. Я сам был старшим помощником у капитана Анны Ивановны Щетининой.

— И каково было ваше самочувствие? — спрашивает Стене.

— Отличное, она оказалась прекрасным начальником.

— А вы были тогда женаты?

— Да!

— Выходит, что у вас было два командира — и дома и на пароходе? Это очень обременительно!

Раздается смех. Моряки любят острое слово.

...На следующий день, как и было условлено, мы поехали в порт, на «Колснарен». Но по дороге решили узнать в «Инфлоте», каких заморских гостей ждут в ближайшие дни. В кабинете И. С. Долгинцева мы познакомились с господином Ню, капитаном шведского парохода «Хастинг». Он благодарил Илью Сергеевича за внимание к интересам его судна и к нему лично.

Господин Ню рассказывает о последних рейсах «Хастинга».

— Мне часто приходится ходить на Архангельск и видеть там большое количество иностранных судов. Я делаю вывод: вы расширяете внешнюю торговлю, и это очень радостно, особенно для нас, моряков.

Сегодня поздно вечером «Хастинг» уйдет в море, и капитана интересует, что может он купить в порту.

Директор базы А. А. Склярский выставил на прилавок тринадцать сортов зернистой икры, балык, консервы, колбасы, вина.

— Отведайте! С чего начнете? Ню предпочел начать с икры.

— Вери тэйети! Очень вкусно! Русская икра — лучшая в мире. Это, между прочим, не только моё мнение. Так говорят моряки всех стран.

Пробуют по очереди различные сорта икры. Затем господин Ню поднимает рюмку с вином и в несколько необычной для тостов обстановке провозглашает:

— За дружбу наших народов!

Ню передает директору базы свой заказ на провизию и, уже раскланиваясь, напоминает:

— Не забудьте положить зернистую.

Мы тоже раскланиваемся с господином Ню и отправляемся на «Колснарен».

На причале собралось много желающих поехать на экскурсию. В автобусе стоит неумолчный говор. Госпожа Рунстен вчера была в Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова и смотрела «Лебединое озеро». Сейчас она восторженно рассказывает:

— То, что я видела, не поддается описанию. Все мои впечатления о русском балете можно выразить одним словом: восхитительно!

Моряки осматривают набережную Невы, любуются легендарным крейсером «Аврора», едут к Смольному, гуляют по тенистым аллеям Летнего сада.

— Здесь гулял Пушкин,— говорит переводчица.

— О, Пушкин! — повторяют шведы.— Его у нас очень любят.

На рассвете «Колснарен» уйдет домой. Хотелось бы приобрести на память русские сувениры. Автобус останавливается у здания Фрунзенского универмага. Гости заинтересовались цветными узбекскими тюбетейками. В каком-то порту норвежцы похвалялись перед шведами такими же шапочками из СССР. Теперь моряки долго и тщательно примеряют тюбетейки.

К прилавку подошел директор универмага Ю. И. Гусев, и пока гости выбирали сувениры, он взял одну из лучших тюбетеек и направился к госпоже Рунстен:

— Это вам подарок.

Приобретают сувениры.

Капитан «Хастинга» Ню пробует икру.

Капитан «Колснарена» господин Рунстен, его жена и экипаж судна собираются на экскурсию в город.

На стадионе.

торые были оказаны лично нам с супругой. С наилучшими пожеланиями уважающий Вас Г. Рунстен».

...Никогда еще в последние годы в ленинградском торговом порту не было такого количества иностранных судов, как нынешним летом. Тут увидишь флаги многих государств. Приходят корабли из Норвегии, Англии, Швеции, Финляндии, Французского Марокко, Дании, Исландии, Польши...

У причала, где еще недавно стоял «Колснарен», пришвартовался пароход «Лангтон Грэйндж». На нем развевается британский флаг. Снова на борт судна поднялся И. С. Долгинцев. Он беседует с капитаном господином Фолкнером и после короткого делового разговора слышит хорошо знакомую ему просьбу: «Можно ли будет осмотреть город, побывать в музее, театре? Мы много слышали о вашем гостеприимстве...»

И вот автобус с табличкой «Интерклуб» останавливается у причала, где разгружают «Лангтон Грэйндж».

Иностранные моряки сходят на советский берег...

— Такк со мюккет! Большое спасибо!

В автобусе оживленно комментируется посещение универмага:

— Столько покупателей! Видимо, советские люди могут позволить себе покупать много хороших вещей.

...Пересекая весь город, едем на стадион имени С. М. Кирова. Шведы поражены размерами этого грандиозного спортивного сооружения: «100 тысяч зрителей!»

Среди моряков, конечно, немало заядлых любителей футбола. Сегодня «Зенит» играет с ЦДСА. Из вежливости моряки болеют за «Зенит»: они же в гостях у ленинградцев...

Вечером возвращаемся в клуб. В залах слышится английская, шведская, немецкая, датская, норвежская речь... Гости по-разному проводят время: смотрят телевизионную передачу — переводчик сидит рядом; танцуют, играют на биллиарде; перелистывают лежащие на столах журналы, красочные альбомы на иностранных языках. Другие о чем-то расспрашивают студенток Института иностранных языков — это активистки клуба, и для них беседа с моряками — прекрасная разговорная практика.

Начинается киносеанс. Моряки гурьбой направляются в зал. И только Гарри Свенсон — первый механик «Колснарена» — не пошел смотреть фильм. Ему нездоровится — сильно болит голова. Днем, поднимаясь по трапу, Гарри поскользнулся, упал и расшиб лоб.

— Вам надо обязательно показаться врачу, — советует работник клуба.

Через несколько минут дежурная медицинская сестра больницы водников Наталья Александровна Авдеева встречала пациента. Сюда, оказывается, часто привозят иностранных моряков с просьбой оказать им незамедлительную помощь. Недавно, в дежурство Авдеевой, здесь приняли тяжело больного капитана норвежского судна «Солхавн» Анфинсена. Врачи быстро поставили его на ноги.

Свенсона осмотрел хирург В. И. Трифонов.

Уже наложены швы, забинтована рана. Врач прощается с больным и напоминает:

— Вам надо непременно отдохнуть. Попросите товарищей подежурить за вас.

— Большое спасибо, доктор, за помощь, за совет,— говорит Свенсон.

На рассвете «Колснарен» покинул ленинградский торговый порт, а утром в главное морское агентство «Инфлот» доставили конверт, в нем были письмо и деньги. «Уважаемые господа,— говорилось в письме.— Убедительно прошу Вас приобрести цветы (на прилагаемую сумму) и передать их госпоже Казанцевой. Пусть эти цветы будут скромным выражением моей благодарности ей за всю любезность, проявленную ко мне, моей супруге и команде судна во время нашего короткого пребывания в Ленинграде. Мне хочется также поблагодарить Вас и Ваших сотрудников за все те услуги, ко-

Команда «Колснарена» на прогулке в городе.

— Спасибо, доктор! — говорит Гарри Свенсон хирургу В. И. Трифонову.

И. С. Долгинцев (слева) беседует с капитаном «Лангтон Грэйндж» Фолкнером.

Люсенька

Николай АСАНОВ

Рисунки Е. Ведерникова.

...Наконец-то Люсенька похоронила своего второго мужа!

Она уже начала бояться, не совершила ли еще одну ошибку с этим браком. Когда она вышла в первый раз замуж — за профессора Коромыслова,— то была еще так наивна, что не поторопилась закрепить свой брак согласно законам. Профессор, занятый своей молодой женой и удовлетворением ее прихотей, так и не успел оформить развод. И когда он внезапно умер в самый разгар медового месяца, старая жена Коромыслова подняла целый тарарам. Начались бесконечные суды, описи имущества, и Люсенька едва спасла свой новый гардероб: меховую шубку, пальто и пять — шесть платьев, которые профессор успел ей купить.

Однако, потеряв профессорскую квартиру, мебель, библиотеку, машину и дачу, хозяйкой которых Люсенька себя уже считала, она приобрела нечто не менее значительное — опыт. Через год она уже была женой академика Воротынцева.

На этот раз Люсенька действовала согласно точному плану.

Прежде всего она развела Воротынцева с женой. Это было довольно трудно, так как академик прожил с Варварой Сергеевной сорок пять лет и воспитал вместе с нею душ шесть детей, но Люсенька знала, как воздействовать на воспламененного старика. И Воротынцев уступил, не убоявшись скандала в академии, которым грозила жена. А затем Варвару Сергеевну выселили на дачу, и шестикомнатная квартира осталась во владении молодой жены. Это было получше трехкомнатной квартиры Коромыслова. К тому же у Воротынцева был «ЗИМ», а у Коромыслова всего только «Победа». К этому времени Люсенька уже хорошо разбиралась в том, что в тесном мирке, куда она так стремилась и наконец попала, марка машины тоже имела значение.

Вся беда была в том, что Воротынцев оказался на удивление крепким стариком. Его «медовый месяц» с новой женой продолжался уже два года, а Воротынцев как будто становился все моложе и здоровее. Иногда на Люсеньку нападало сомнение: а вдруг это тоже ошибка? Что, если старик протянет еще десять—пятнадцать лет? Когда она вышла за него замуж, ей исполнилось уже двадцать два года. Кому она будет нужна к тридцати пяти годам? По ее наблюдениям, большинство мужчин стремилось жениться на молоденьких. В тридцать пять — сорок лет она, даже с шестикомнатной квартирой и «ЗИМом», будет всего-навсего старой вдовой. Когда же жить?

Воротынцев оказался злым и ревнивым мужем. Он ни на шаг не отпускал жену от себя, поручил следить за ней домработнице, не разрешал брать машину без шофера, который, конечно, был на стороне хозяина, так что Люсеньке стало казаться, что она напрасно училась водить машину, когда впервые обдумывала свою будущую карьеру. К тому же Воротынцев не устраивал ни балов, ни вечеров, как в свое время это делал Коромыслов, а если к академику и приходили такие же старики, как и он сам, так только для специальных разговоров в кабинете, куда жене раз навсегда был запрещен вход.

«Собака на сене!» — сердилась Люсенька, но поделать ничего не могла. В тот злополучный, как теперь ей казалось, день, когда она вернулась с Воротынцевым из загса, даже не удостоившись чести получить фамилию мужа, что очень помогло бы в случае какого-нибудь спора о наследстве, ей пришлось смиренно выслушать целую лекцию о будущем от новоиспеченного мужа. Воротынцев сказал:

— Вот что, Люся, я не знаю, как ты меня поймала, может быть, я еще глупее покойного Коромыслова, но дальше все должно быть не по-твоему, а по-моему...

«По-моему, помоями, по-моему, помоями!» — вертелось в голове у Люсеньки, когда она с бьющимся от страха сердцем — ей говорили, что иные старики бывают несносны,— выслушивала мужа. Впрочем, дух противоречия твердил ей, что она проймет и этого ворчуна. Потянувшись, как кошечка — при ее тонкой, гибкой фигурке это было не трудно,— она приласкалась к мужу.

— Пусть будет, как папочка хочет! — пролепетала она, помня, что лучше всего притворяться маленькой шаловливой девочкой. От этого оттаивают самые мерзлые старики. Но Воротынцев довольно невежливо отстранил ее и продолжал:

— Я работаю над проблемами, в которых ты ничего не понимаешь, хотя и была два курса студенткой у Коромыслова. И ты не должна мне мешать. В мой кабинет ты не имеешь права входить,— убирает там Дарья. Она живет в нашей семье уже тридцать лет и все знает... — тут он поморщился, и Люсенька поняла, что он жалеет о «нашей» семье. Раньше она немедленно села бы к нему на колени и шаловливой лаской разгладила эти морщины; теперь она боялась. Впрочем, академик пересилил себя и продолжал тем же ровным голосом, какого она никогда еще у него не слышала:

— Без моего ведома ты встречаться ни с кем не будешь. Я представляю, что тебя привлекло в моей особе, и не очень уважаю себя за это, но уж если мы совершили эту ошибку, то должны рассчитываться за нее оба. С какой стати я должен страдать один? Ты тоже не маленькая, знала, на что идешь, так изволь отвечать за себя...

— Я так люблю тебя, папочка! — пролепетала Люсенька, но Воротынцев, на которого раньше действовало каждое ее слово, будто оглох.

— Ладно, ладно, — проворчал он.— Если уж я сошел с ума, так надо хоть постараться, чтобы это выглядело поприличнее!

Помолчав немного,— Люсенька во время этой паузы должна была спрятать глаза, чтобы не выдать свой неожиданный страх: зачем давать мужу лишнее оружие! — Воротынцев закончил неожиданной фразой:

— Одним словом, ты хоть внешне постараешься держаться, как подобает моей жене. А так как вид старика с такой молоденькой женщиной вызывает у всех насмешку, то мы постараемся не часто показываться на людях...

Эта жестокая программа совсем не подходила, однако, его молодой жене. У нее, слава богу, было довольно много знакомых до первого замужества, прибавилось во время веселой жизни с Коромысловым, увеличилось за время вынужденного вдовства, пока она ловила Воротынцева, и Люсенька легкомысленно подумала: «Пусть старик говорит, что хочет, я сумею или скрутить его или окрутить!» Этой мыслью она и ответила на лекцию мужа.

Порхая и напевая, как птичка,— это тоже нравилось старикам,— она принялась кружиться по пяти комнатам из шести, осторожно обходя кабинет, мысленно переставляя всю мебель и выделяя будуар, спальню, гостиную и комнату для танцев. Определив, где что будет, она попросила Дарью позвать дворника.

— Это еще зачем? — спросила Дарья, кося сердитыми глазами на хозяйку.

Люсеньку не смущало то, что пожилые женщины всегда смотрели на нее злыми глазами. Были ведь женщины и помоложе, которые завидовали ей. К тому же она умела притворяться беспомощной, несчастной, любящей и знала, как тронуть чужое сердце. Старую домработницу надо было привлечь на свою сторону. Люсенька покопалась в сумочке и сунула ей сторублевку, последнюю, полученную за проданное коромысловское обручальное кольцо:

— Ах, Дарьюшка, надо переставить мебель...

Дарья брезгливо посмотрела на деньги и протянула их обратно:

— Ефим Мироныч ничего не говорил, а деньги на хозяйство он сам мне дает.

Люсенька растерялась от этой поразительной непонятливости старой дуры и взяла деньги обратно. Благоприятный момент был упущен. Дарья, словно и не слышала ее приказания, ушла на кухню.

Молодая жена академика осталась одна. Муж сидел в кабинете и бубнил что-то по телефону. Дарья стучала ножом по доске — рубила мясо,— гремела посудой, а Люсенька бесцельно бродила по пяти комнатам, и все они были ей одинаково противны.

Услышав, как второй телефонный аппарат, стоявший в столовой, дал звонок отбоя, Люсенька бросилась к нему, чтобы позвонить знакомым и рассказать о своем счастье, но едва она набрала номер, как Воротынцев, в халате и стоптанных туфлях, вышел из кабинета и остановился в дверях. Люсенька торопливо положила трубку.

Вот тогда-то она и подумала, что, кажется, опять совершила ошибку...

В течение первого месяца жизни с Воротынцевым она довольно сильно беспокоилась о здоровье своего мужа. Для этого ей пришлось и самой заболеть, чтобы Воротынцев прикрепил ее к академической поликлинике. Там, очутившись в обществе молодых сестер и врачей-женщин, она буквально расцвела. Ей опять кое-кто завидовал, ею опять восхищались, но теперь она довольно часто ловила и неодобрительные взгляды. Беда была в том, что старая семья Воротынцева лечилась в той же поликлинике, а бывшая жена его, бледная высокая старуха с помятым и вечно грустным лицом, так умело притворялась больной, что ей все верили, даже и те молодые женщины, которые завидовали Люсеньке. Однако когда она попыталась осудить Воротынцеву за это притворство, на нее посмотрели так холодно, что она сразу умолкла. К чему наживать врагов? Зависть — очень сильное человеческое чувство, это молодая жена знала по себе, а завистник может нанести такой удар, что и не найдешь, как и чем ответить. И она перенесла весь свой интерес на здоровье мужа.

Оказалось, что у Воротынцева, кроме возрастной эмфиземы легких и миокардиодистрофии, которая была и у самой Люсеньки, никаких других болезней нет. Люсенька еще не успела как следует обосноваться в поликлинике, а там уже показался Воротынцев. Кто-то из завистников успел позвонить.

— Едем домой,— сказал муж и увел жену из поликлиники. Он ни о чем ее не спрашивал, но от этого ей было не легче. На другой день она узнала, что ее прикрепили к другой поликлинике, куда ей расхотелось ездить.

За эти два года она была на курорте всего два раза. И то в санатории, где отдыхали такие же старики, как и ее муж. Правда, один из них приехал также с молодой женой, и она познакомилась с Люсенькой, но это знакомство только возбудило зависть. Люсенька узнала от новой подруги, как та держит мужа «в ежах», как ездит куда хочет и когда хочет и, главное, с кем хочет, как отдыхает два, а то и три раза в год, и начинала с ненавистью посматривать на своего старика. А тот играл в крокет или на бильярде, и, глядя на его плотную, еще довольно прямую фигуру, нельзя было не думать, что он может назло своей молодой жене прожить не десять, а даже двадцать лет!

Сам Воротынцев попрежнему довольно зло подшучивал над своим браком и над подобными браками своих сверстников, он называл их «прединфарктным омоложением», и его жена не знала, куда девать глаза, ей становилось стыдно. А Воротынцев чем дальше, тем злее и циничнее рассуждал о своем «омоложении».

Люсенька чувствовала, что в злых словах старика таится не только осуждение, но и сожаление о прошлом. Она смертельно боялась, вдруг муж сойдет с ума и разведется с нею, чтобы вернуться к своей старухе и великовозрастным детям. Она даже предугадывала, что такой подкоп против нее ведется... Старик мог встречаться со своими сыновьями, которые работали там же в академии, а старуха нет-нет, да и заходила на свое старое пепелище. Правда, она не показывалась на глаза молодой и бывшему мужу, но Люсенька иногда слышала ее голос на кухне: старая жена о чем-то расспрашивала Дарью.

Два года такой жизни! С ума можно сойти! Это же говорили Люсеньке и ее старые друзья, когда она случайно встречалась с ними. Встречаться по уговору она не смела.

И вдруг Воротынцев заболел.

Ночью — академик часто спал в своем кабинете — она услышала, как он начал звонить по телефону. Подкравшись к двери босиком, Люсенька чуть не закоченела, прислушиваясь, пока не поняла, что он звонит своей старой жене. Он сказал: «Очень плохо!» — и долго укладывал трубку: слышно было, как телефон то соединялся, то разъединялся, раздавались короткие звонки. Люсенька осторожно прошла в столовую, чтобы проверить другой телефон. Так и есть: муж не сумел положить свою трубку на рычаги, телефон противно пищал короткими гудками.

Она вернулась к себе в спальню и стала думать о будущем. Он, конечно, не оправится, если даже это простой грипп. Когда они были в санатории в последний раз, Люсенька узнала у врача, так мило ухаживавшего за ней, что сердце Воротынцева сильно ослаблено. И она, свернувшись калачиком, думала о том, сколько же может протянуть сильно ослабленное сердце.

Ее разбудили тревожные звонки у двери. Наскоро накинув халатик, она вышла в гостиную. Там уже стояли впущенные Дарьей старая жена академика, его старший сын и врач академической поликлиники.

Никто не обратил на нее внимания. Бывшая жена и врач прошли мимо, как будто ее не было в комнате. Сын Воротынцева остался в гостиной; он молча стоял у темного окна, не глядя на хозяйку. Люсенька обратила внимание на его сильную, мужественную фигуру, которая сейчас странно сутулилась, и подумала о том, что это самый красивый мужчина из тех, кого она знала. Ей пришло в голову, что было бы недурно иметь друга в стане ее врагов, и она пригласила его сесть.

— Разве Ефиму Мироновичу так плохо? — спросила она.— А мы как раз собирались завтра в театр. Не поедете ли вы со мной? Ефим Миронович будет очень рад. Он всегда говорил, что я должна подружиться с вами...

Молодой Воротынцев как-то странно посмотрел на нее и ничего не ответил.

— Вам не скучно сидеть дни и ночи в вашем институте? Почему вы не женились? Ефим Миронович

говорил, что вы были сильно влюблены... Что могло помешать вам?

— Побоялся, что она может оказаться похожей на вас! — отрезал Воротынцев и снова уставился в темное окно.

Но Люсеньку было трудно смутить. Краем уха она слышала, как доктор в кабинете глухо сказал:

— Еще камфары!

Как ни мало понимала она в медицине, значение этих слов ей было известно. Значит, у мужа с сердцем действительно плохо. А если это так, то сколько бы ни сердился на нее этот грубиян, ей хуже не будет. И она, мило улыбнувшись в согнутую спину молодого человека, спросила:

— Разве я такая плохая?

Он вдруг повернулся на каблуках и свистящим шепотом сказал:

— Замолчите, или я ударю вас!

Руки его судорожно сжались, и Люсенька отступила на шаг, потом резко повернулась и бросилась бегом в спальню. Только повернув ключ в замке на два оборота, она пришла в себя.

«Господи, как он был страшен! Ведь он мог! Мог ударить!» — Она стояла у двери и все прижимала руку к груди, из которой сердце готово было выпрыгнуть.

В гостиной все было тихо. Видно, этот страшный человек продолжал неподвижно стоять у окна, прислушиваясь к тому, что делается в кабинете.

Люсенька тоже прислушалась. Но через капитальную стену не доносилось ни звука. Она пожалела, что вызвала молодого Воротынцева на этот скандал. Теперь ей нельзя ни узнать, ни догадаться, что делается в кабинете мужа...

К утру все кончилось. Она поняла это по тому, как странно всхлипнула тишина и вдруг исчезла. Захлопали двери, послышались сдержанные, но довольно громкие голоса, потом зарыдала Дарья. Голоса бывшей жены Люсенька не слышала, но всем своим существом чувствовала, что она там, у тела покойного. Потом послышались еще голоса — пришли остальные дети академика, посторонние люди. О Люсеньке словно забыли.

Стараясь не делать шума, она тихо оделась и выскользнула за дверь. В коридоре никого не было. Так же крадучись, она выбралась на лестницу и поспешно сбежала вниз. На улице она постояла несколько минут, привыкая к своей столь давно ожидаемой свободе. Да, она была свободна, вольна идти куда хочется, говорить с кем хочется, делать что хочется!

Было уже утро. Люсенька вспомнила, что еще не завтракала, и пошла в ближайшее кафе. Там она с аппетитом выпила кофе, съела булочку, потом пирожное. Из кафе проехала к портнихе, чтобы заказать траурное платье. На похоронах она должна быть обязательно.

На похоронах она выглядела очень печальной, бледной и красивой. Был только один неприятный момент в этой красивой процедуре. Она спросила секретаря академии, можно ли сделать так, чтобы в квартиру академика никого не вселяли, и может ли она получить академическую пенсию. Секретарь удивленно посмотрел на нее и довольно сухо проинформировал молодую жену, что по первому вопросу следует обращаться в Моссовет, и, конечно, не в день похорон, а пенсии, сказал он, дают только престарелым и несовершеннолетним родственникам. Таковых у покойного академика нет, и вопрос этот обсуждаться не будет...

Люсенька всплакнула от обиды на черствость людей, но это было к лучшему. Гроб с телом академика как раз опускали в могилу, и окружающие могли понять, что молодая жена очень любила своего мужа. А она в это время думала о том, долго ли сможет продержаться, если продаст библиотеку мужа и машину, и сколько комнат ей оставят, если Моссовет все-таки решит, что ее следует уплотнить. Размышления эти были очень горьки, так как они не соответствовали ее надеждам. Надо было снова думать о замужестве, пока ей всего только двадцать четыре и она еще может нравиться старикам.

...Берегитесь Люсеньки!..

ПРО ОХОТНИКА

(Китайская сказка)

Жил-был один охотник, который никогда не убил ни зверя, ни птицы. Хозяйство его пришло в запустение, а он все ходил по горам.

Когда в доме съели последнюю горсть чумизы, жена охотника рассердилась и сказала:

— Иди на охоту, но если ты и на этот раз ничего не принесешь, то я сожгу ружье, ты больше никогда не будешь охотиться.

Пошел охотник в лес... До вечера проходил, ничего не убил. Заходит в деревню, видит: дети играют с хромым зайцем. Купил он у них этого зверька: не идти же домой с пустыми руками. Привязал зайца к дереву, отошел на выстрел и стал целиться. То ли уже было темно, то ли ружье было не в порядке, только попал он не в зайца, а в веревку. Заяц, хоть и был хромой, убежал...

Пришлось охотнику бросить ружье, а взять мотыгу.

С тех пор его семья не голодала.

Перевел М. ДЕМИДЕНКО.

В Киеве, на бульваре Т. Г. Шевченко установлен памятник герою гражданской войны Николаю Щорсу.
Фото Н. Козловского.

«Я тоже буду шахтером!»

Фото Дм. Бальтерманца.

ЧЕМПИОНЫ НАШЕГО ДВОРА

Ник. ДРАЧИНСКИЙ

Все началось с разбитого стекла.

В тот день, когда мяч дважды влетал в окна, комиссия содействия дома 1/4 по улице Чкалова в Москве, состоящая из одиннадцати почтенных жильцов, собралась на внеочередное заседание.

Что делать?

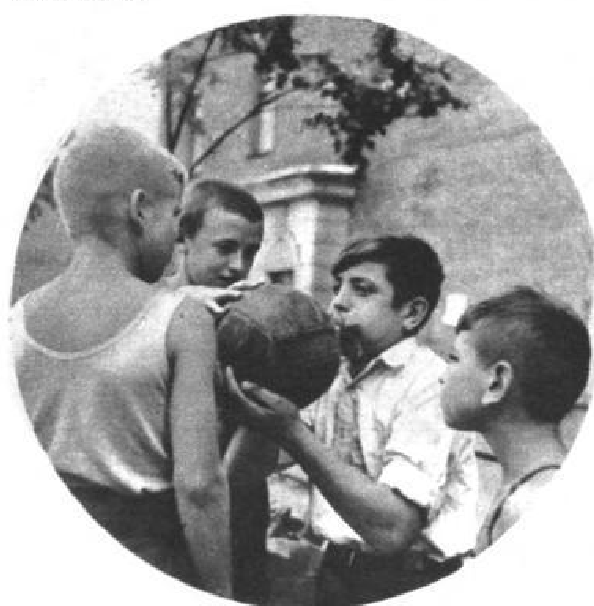
Предложения были самые разнообразные. Одни требовали вменить дворникам в обязанность «приводить в негодность» мячи. Другие говорили, что милиции нужно привлекать к ответственности родителей. Третьи предложили построить во дворе физкультурную площадку. Это предложение больше всего понравилось управдому Михаилу Ивановичу Родионову.

Так в Москве появилось еще одно спортивное сооружение.

Домоуправление купило пять мячей, майки, три волейбольные сетки, баскетбольные корзины, несколько партий шахмат. Ребята провели сбор лома цветного металла. Это дало немалую сумму денег.

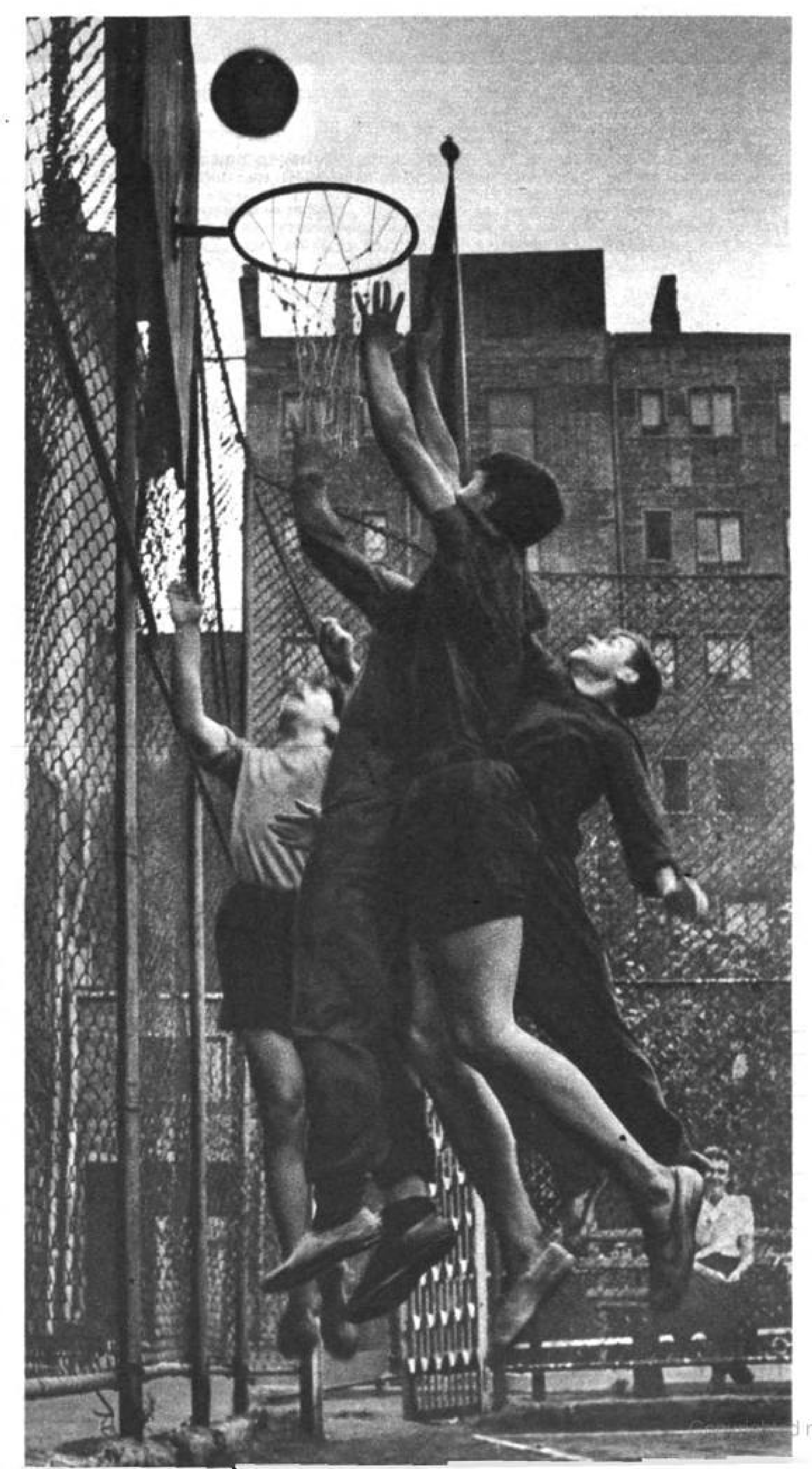
Вот и сейчас Михаил Иванович только что вернулся из магазина с новыми мячами.

Мячи целый день в работе. Соревнуются баскетболисты.

Едва они покинут поле, начнут играть волейболисты. А там уже ждут очереди футболисты. В доме по улице Чкалова три футбольные команды — «Прогресс», «Звезда» и «Звездочка». «Звездочка» — это малыши. Кроме того, имеется туристский клуб, различные спортивные группы.

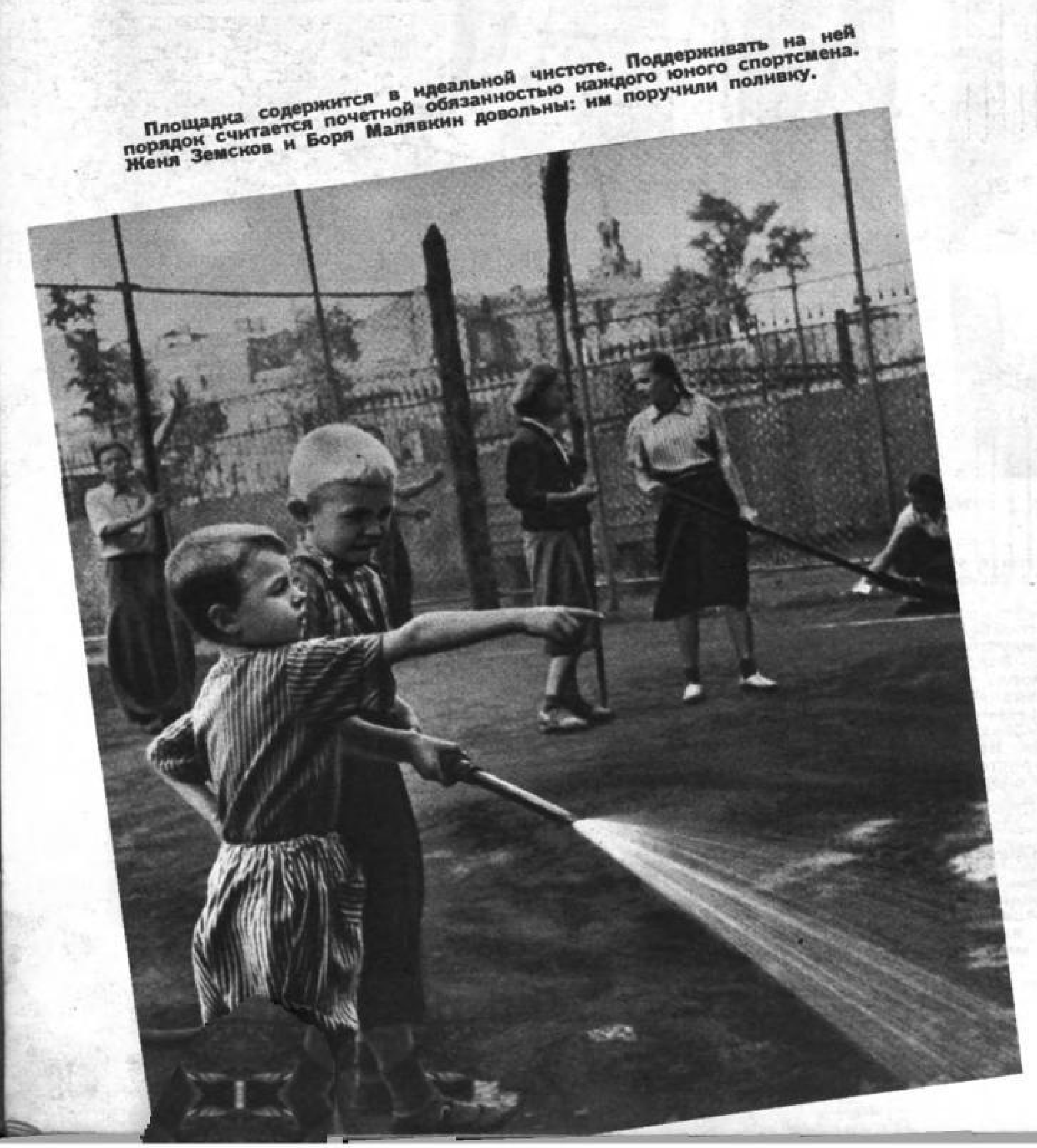
Вначале команды создавались стихийно, часто разгорались споры из-за площадки. Однажды, когда играли волейболисты «Прогресса», явились шестеро ребят с мячом и потребовали места для тренировки. Перед этим они долго надували свой мяч в уголке двора.

— А вы кто такие? — удивился капитан «Прогресса», глядя на малышей сверху вниз.
— Мы команда!
— Какая еще команда?
— «Орел»! — гордо отвечали ребята.
«Прогресс» проводил последнюю тренировку перед решающим состязанием — на первенство района среди дворовых команд, и малышей на поле не пустили. Один из «орлов» даже прослезился от обиды.
Помогли навести порядок на площадке шефы — комсомольцы управления Московско-Курско-Донбасской железной дороги. По их совету начал действовать штаб, начальником которого стал Виктор Фокин, окончивший в этом году десятый класс.

Площадка содержится в идеальной чистоте. Поддерживать на ней порядок считается почетной обязанностью каждого юного спортсмена. Женя Земсков и Боря Малявкин довольны: им поручили поливку.

Рядом с площадкой ребята сами построили душ и раздевалку с вешалками и скамеечками. После жаркой схватки так приятно освежиться под ласковыми струйками воды! Душ принимает Хайрулла Диянов — один из лучших спортсменов двора, неизменный игрок трех сборных команд: волейбольной, баскетбольной и футбольной.

Инженер Владимир Иванович Зуев собрал юных любителей фехтования. Он учит владеть рапирой Аню Топольцеву.

Занимаются с новичками и старшие ребята. Игрок команды «Прогресс» Анатолий Ребров посвящает в тайны волейбола юных болельщиков.

В доме по улице Чкалова живут и квалифицированные спортсмены. По просьбе штаба они занимаются с ребятами. Боксер Анатолий Анисимов — участник всесоюзного первенства — знакомит ребят с основами бокса.

Вокруг площадки собрались почти все обитатели большого дома.

Центральное событие — розыгрыш «Кубка домоуправления» (Михаил Иванович Родионов приобрел серебряный кубок для победителей). О соревнованиях на кубок жителей заблаговременно извещают афишами.

Летний приз недавно был вручен волейбольной команде «Прогресс». Эта команда к тому же завоевала кубок на районных соревнованиях дворовых команд.

Описанием церемонии вручения «Кубка домоуправления» мы и закончим свой рассказ о юных спортсменах одного московского двора.

Все команды были построены на площадке. Баянист играл туш. Местные фотокорреспонденты, предводительствуемые ответственным за выпуск фотогазеты Витей Жильцовым, щелкали затворами аппаратов.

Председатель культсекции комиссии содействия домоуправлению домохозяйка Ксения Дмитриевна Лунина торжественно вручила серебряный кубок капитану Володе Шальнову. Все дружно аплодировали чемпионам.

Новые стихи

Маргарита АЛИГЕР

РОМАН

Я знаю человека, он живет
на новостройке в Западной Сибири.
Он смел и прям, талантлив и умен,
он много видел, много сделал в мире.
Строитель, партработник и солдат,
он за людей сражался,
людям строил.
Он так силен и так душой богат,
что я ему завидую порою.
Все было в биографии его:
преграды, испытания и беды,
победы, праздники,
и только одного —
большой любви — он так и не изведал.
В трудах, в боях, уже на склоне лет,
задумывался сердцем он, бывало:
или ее на свете вовсе нет,
или она его лишь миновала!

Но раз он встретил женщину, она
была и невидна и неслышна,
и он не замечал ее сначала.
Но скрытая от взглядов глубина
вдруг проступала, искрилась, звучала.
И, что ни день, а дальше, что ни час,
приоткрываясь новой стороною,
она пред ним вставала, становясь
чудесной, удивительной, родною.
Такой пылал в ней вдохновенный жар,
такая сила в тихом сердце билась,
что он на миг дыханье задержал
и догадался: вот оно, случилось!
Как будто росный утренний цветок
тепло и ярко в сердце распустился.
Он долго зрел. Видать, всему свой срок!
И зрелый человек, как юноша, смутился.
Строитель, партработник и солдат,
он захотел стать лучше во сто крат,
чтобы одно лишь сердце увидало...
И все, чем был силен, чем был богат,
вдруг выросло, раскрылось, запылало.
Он поднимал огромные дела —
и побеждал.
Но женщина была
скупа на похвалы и славословья.
Она вгляделась молча, поняла,
поверила, ответила любовью.

И это все! Вот это и конец
романа! Где там!
Самое начало.
Ну, что же ты, строитель и боец!
Вот то, чего тебе недоставало.
Волна крутая! Сполох лучевой!
Иным не снесть их, а тебе — по силе.
Ей от тебя не нужно ничего,
о чем другие женщины просили.
Она живет иначе. Так-то, брат!
Ее стремленьям незнакомы мели.
Ей нужно все, чем только ты богат,
все, что другие спрашивать не смели.
Вот на тебя глядит она в упор,
и ты уж с ней, на высоте, в полете...
Но человек, идущий до сих пор
передовым в работе и в пехоте,
встав перед этой новой высотой,
сощурившись от солнечного света,
вдруг дрогнул, вдруг сказал себе: «Постой!
Подумай. Взвесь. Готов ли ты на это!»

И он припомнил все, что забывал,
когда работал или воевал:
что много дел, что он уже не молод...
Кто может знать! Он так и не сказал,
чего смутился... Но его объял
впервые в жизни лютый-лютый холод.
А женщина! Что с нею! Как она!
Наверно, ищет: в чем ее вина!
Но женщина ни в чем не виновата.
Ну, что ж, быть может, уж не так сильна
была его любовь, не так крылата!
Быть может, он разумно поступил,
что не поверил в юношеский пыл
своей души!.. А я судить не смею.
Но он впервые в жизни полюбил,
но он впервые в жизни отступил,
и что-ничто, а я о нем жалею.

ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ

Откуда б я ни уезжала,
перед отъездом всякий раз
тужу: все впопыхах, все мало!
Не дожила, не додышала!
Еще бы день! Еще бы час!

И как бы там он ни был скромен,
друзей ли новых добрый дом,
гостиничный ли тесный номер,
уже мне что-то любо в нем.

Уже в нем есть какой-то угол
и вид из этого угла,
где мне порой бывало туго
и где я счастлива была.

Так что ж я быстро уезжаю!
Но эту память, эту грусть
я неизбежно утешаю
решеньем твердым: я вернусь!

Вернусь во что бы то ни стало!
Не сомневайтесь, что вернусь!
И, если что не так, что мало,
возьму свое, начну сначала,
и доживу, и нагляжусь.

Я сдерживала обещанье
и возвращалась много раз.
Но, сердце, впереди у нас
еще один последний час,
одно последнее прощанье.

Когда еще ты будешь рядом,
мой дом любимый — жизнь моя,
когда еще последним взглядом
всего смогу коснуться я...

Я так хочу прожить на свете,
такой хочу проделать путь,—
что там ни что, как там ни будь! —
чтобы понять в минуты эти,

как неизбежно понимала
перед отъездом всякий раз:
все впопыхах, все сердцу мало!
Не дожила, не додышала!
Еще бы день! Еще бы час!

Пусть будет жизнь, как подвиг ратный,
который трудно повторить,
еще одну бы жизнь прожить,
еще вернуться бы обратно!

Дружба

Владимир ФЕДОРОВ

НАД РУЧЬЕМ

С утра тихонько, ласково
Ручей журчал.
Он радужными красками
Внизу играл,
Когда солдат измученный,
Найдя ручей,
Нагнулся у излучины
Среди камней,
Губами воспаленными
К воде припал
И небо, им спасенное,
Поцеловал.

ЦВЕТЫ

Незабудки лежат на столе.
Я грустнею. Нет, мне не до шуток.
Милый влажный пучок незабудок!
Есть такие на вашей земле!

Есть! Я вижу, как рвут твои руки
Там, в горах, голубые цветы,
И мечтам улыбаешься ты,
И шумят над поляною буки.

Вдруг ты вспомнишь мальчишеский пыл
Парня русского, что с колыбели
Ширь степей, подмосковные ели
Да цветы голубые любил.

А потом воду пил на рассвете
Из Дуная безусый солдат.
Прям, чуть-чуть грубоват, угловат,
Он в хорошее верил на свете.

Пусть все люди живут веселей
За Дунаем, где скоро ты будешь!
Дай мне руку. Скажи: не забудешь!
Незабудки лежат на столе.

НЕОБХОДИМОЕ

Что мне нужно!
Простор,
Поезда,
Чай во фляге,
Миллион задушевных друзей,
Авторучка,
Рулонище чистой бумаги
И хоть чуточку ласки твоей.

Среди пестрых одеяний участников спектакля появляются будничные костюмы директора и главного режиссера театра.

МАЛАЯ СЦЕНА

И. АГРАНОВСКИЙ

Фото О. КНОРРИНГА.

Спектакль окончен. Громкоговорители театрального радиоузла доносят во все уголки кулис и артистических уборных распоряжение: «Участникам спектакля не расходиться, собраться на сцене». Среди пестрых одеяний театральных персонажей появляются будничные костюмы директора и главного режиссера: «Выезд — в шестнадцать тридцать. На обед дается час. Из Каспли звонили: все билеты проданы».

После дневного воскресного спектакля на своей сцене Смоленский областной театр выезжает на очередную гастроль в колхоз. Театр дает таких спектаклей до девяти — десяти за неделю.

К театральному подъезду подан испытанный крытый грузовик. Это для актеров. Открытая полуторка нагружена декорациями и костюмами. Рядом идет посадка и погрузка еще на две машины: вторая бригада театра едет с ибсеновской «Норой» в Сафоново.

И вот уже и актеры и их багаж доставлены в Каспли. В небольшом клубном зальце давно полно до отказа. Нелегко пройти и с билетом, а мальчишки у дверей без всякой веры в свои слова клянчат: «Дяденька, проведи!». Но большинство из них уже отчаялось пробраться в зал и атакует окна, в которые видно, как начали гримироваться приезжие актеры.

→

К театральному подъезду подан крытый грузовик.

После дороги—короткий отдых перед спектаклем.

Театр привез комедию из колхозной жизни — «Камни в печени».

...дист Данилов и актриса Смирнова проверяют работу радиоустановки

«Гримерная» совсем не похожа на городскую, уютно обставленную заведующим парикмахерским цехом Тихоном Михайловичем Семеновым, отдавшим Смоленскому театру 55 лет своей жизни. На стенах здешней — плакаты, изображающие пухлых младенцев и кормящих матерей,— под гримерную отвели помещение соседней с клубом детской консультации.

Консультацию быстро «обжили». На длинном столе театральные электрики поставили в ряд полтора десятка ламп — по одной для каждого актера. Вынуты зеркала, грим, и преображение актеров началось.

Театральные рабочие, первым делом измерившие клубную сцену (2 × 4 метра!), подогнали все передвижные декорационные установки; радист Данилов проверил работу радиоустановки: «Даю пробу: раз, два, три, раз, два, три»; осветители установили прямо среди публики свои прожекторы. Можно начинать. Нечего даже глядеть через щель занавеса. И так ясно: зал полон и охвачен ожиданием начала.

И спектакль начинается. Для показа касплинским колхозникам областной театр привез сатирическую комедию из колхозной жизни А. Макаёнка «Камни в печени».

Не глядя на сцену, по лицам сидящих в зале можно проследить за развитием действия. Почти все время не стихает смех. Реагируют на действие шумно, не стесняются пустить реплику на весь зал. То кто-либо крикнет: «Вот мошенник!»,— следя за жульническими ухищрениями заготовителя Мошкина; то кто-то шумно вздохнет: «Эх, шляпа!» — по адресу мягкотелого председателя колхоза Горошко. И все дружно аплодируют боевой колхознице Ганне Чихнюк, разоблачающей проходимцев и карьеристов.

После действия долго хлопают, вызывают артистов, которых знают по фамилиям, хотя театр первый раз в Каспли. Видно, что сами колхозники бывали в Смоленске, посещали театр.

И спектакль идет с тем подъемом, который всегда рождается живым откликом зрительного зала. Артисты в ударе, будто и не второй это спектакль за день, будто и не было сегодня «чертовых качелей» в грузовике, волнений: «Доберемся ли во-время?».

Несмотря на солидные годы, молодо, живо играет роль директора спиртзавода один из старейших артистов театра — Я. П. Про-

←

Интересно посмотреть, как гримируются актеры.

стаков, глава целой актерской семьи. Сегодня в спектакле занята его дочь В. Я. Простакова, играющая дочь председателя колхоза, а жена ведет спектакль в качестве сорежиссера. Успех у зрителей имеют артисты Б. Н. Малышев, Е. Г. Калиновская, Р. П. Гриценко, В. М. Кабанов и другие.

Смоленским артистам пора бы и привыкнуть к тому, как бурно реагируют колхозные зрители на их игру, как остро переживают они перипетии сценического действия, но к этому привыкнуть, к счастью, нельзя. Каждый раз новая аудитория волнуется по-новому, вновь рождая вдохновение и подъем у труппы.

Но вот пьеса сыграна. По обычаю выездных спектаклей театра, тут же, в зале, за поздним временем без перерыва на подготовку и обдумывание, начинается обсуждение. Зрители говорят прямо с мест: пройти к сцене почти невозможно. Слова благодарности, восхищения игрой наконец-то приехавшего в отдаленный район «настоящего», большого театра. Но говорят и об ином. Зрительница Кузьменкова в претензии к автору: почему рядом со «шляпой» Горошко не вывел он и хорошего предколхоза, у которого можно было бы поучиться тем председателям, которые сидят в зале? А райком партии? Ну, есть такие бюрократы и очковтиратели, как этот Калиберов, но как может случиться, чтобы во всем райкоме не нашлось ни одного честного и принципиального человека? Вот роль боевой колхозницы Ганны понравилась Кузьменковой. Образ Ганны нравится и учительнице Колтановой. Комсомолец Жариков недоволен некоторыми небрежно выполненными декорациями. Он понимает, как трудно готовить сценическую обстановку для выездных спектаклей, но колхозники хотят видеть все, «как в Смоленске». Молодая зрительница Тимошенкова дает совет суфлеру говорить потише: «Это ведь не в Смоленске, слышно на весь зал».

Потом разговор уходит как будто в сторону от обсуждаемого спектакля. В Каспли строится большой Дом культуры. Строится давно, медленно. Надо бы ускорить темпы, тогда областной театр смог бы показать спектакль не на такой крохотной сценке. А дороги? Из-за них сегодня чуть не сорвался спектакль. Надо бы местным руководителям энергичней заняться этим строительством.

Актеры ночуют в селе. Касплинцы гостеприимны: приготовили кровати, белье, ужин.

Засыпают артисты сразу — неделя была трудной: спектакли в Кардымове, Стодолище, Починке, Ярцеве, а завтра и на своей большой сцене.

Трудно? Нелегко. Но поговорите с артистами-смоленцами. Никто и думать не хочет о сокращении выездов в села, в колхозы. В стенной газете театра большое стихотворение посвящено гастролям на «малых сценах». Кончается оно строчками:

Не зря нас возят по району,
Наш труд глаголом жжет,
друзья!
Согласно творческим законам,
Нам зритель отдает сердца.

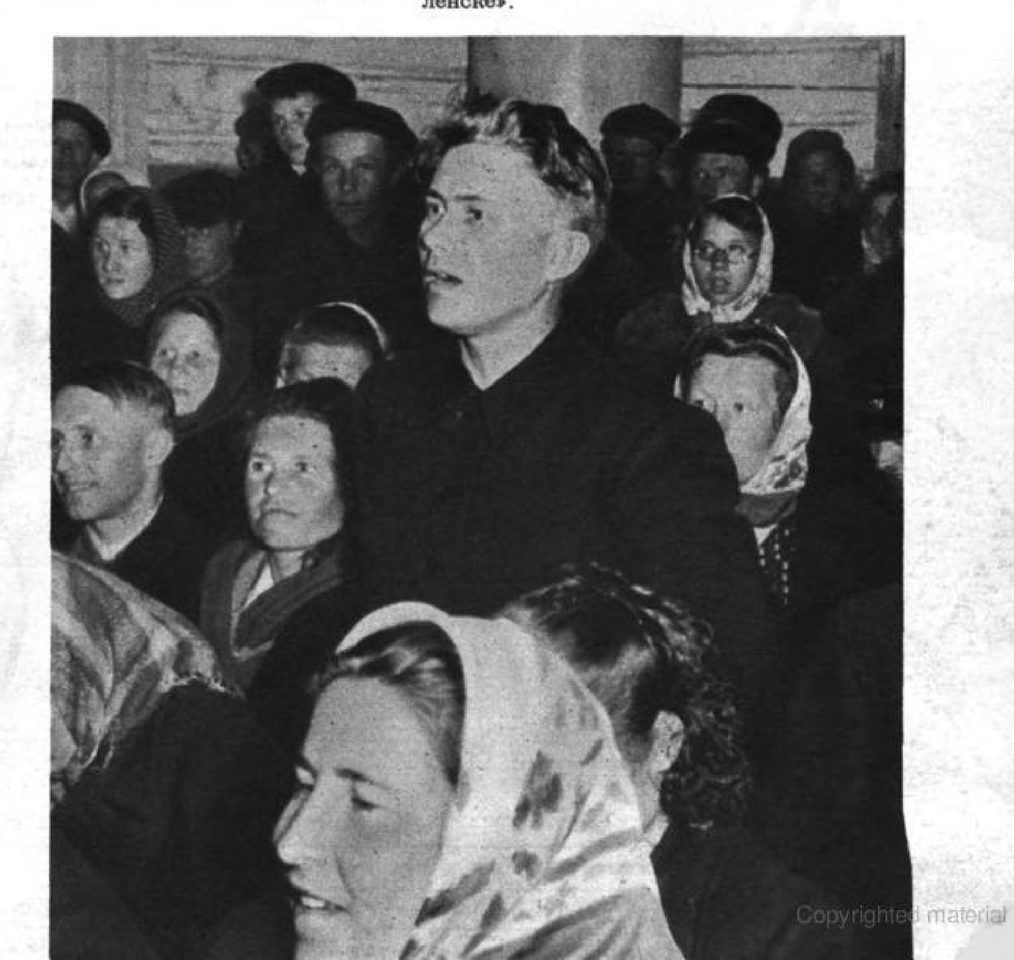
Крепнущая связь со зрителем, глубокое знакомство с колхозной жизнью, столь необходимое актеру,— это стоит некоторых трудностей.

По лицам сидящих в зале можно проследить за развитием действия.

Благодарного зрителя находят смоленские актеры в деревне. И понимающего. Когда в репертуар театра включили «Нору», начались споры: везти ли этот спектакль в колхозы, дойдет ли семейная драма «Кукольного дома» до колхозных зрителей? Первый же выезд в Починок превратился в поражение пессимистов: в клубе после спектакля много и толково говорили о семье, о новых в ней отношениях, о пережитках. Молодая актриса Гаибова, исполняющая роль Норы, нашла после этого обсуждения некоторые новые оттенки для образа ибсеновской героини.

В прошлом сезоне театр вывозил в колхозы спектакли советских авторов: «Не называя фамилий», «Историю одной любви» и другие,— показывал пьесы классического репертуара: «Бесприданницу», «Женитьбу Белугина», «Хитроумную влюбленную». В нынешнем сезоне собирается показать «Чайку», «Маскарад», новые пьесы советских драматургов. Нынешний сезон — юбилейный: в декабре театру 150 лет. Ко многим славным традициям Смоленского театра, к его взыскательности, мастерству прибавилась новая — спектакли не только на «большой», но и на «малой» сцене — в сельском Доме культуры, в колхозном клубе. Славная традиция!

Зрители говорят прямо с мест. Благодарят, восхищаются игрой. И критикуют. Комсомолец Жариков хочет, чтобы декорации были, «как в Смоленске».

Обитатели пика Хан-Тенгри

На четвертый день пути по леднику Иныльчек, в восточной части Центрального Тянь-Шаня, участники высотной экспедиции альпинистов достигли подножия Хан-Тенгри. Вокруг расстилалась бугристая поверхность ледника, заключенного между двух горных хребтов. Ледяное безмолвие нарушал лишь грохот снежных обвалов.

...Мой спутник обратил внимание на стаю быстрых птиц. Они стремительно носились над снежной поверхностью ледника. Их черная с белым окраска, веретенообразное тело, длинные, сильные крылья, раздвоенный хвост, наконец, характерные пронзительные крики не оставляли сомнения, что перед нами была стая стрижей.

Временами некоторые птицы приближались к снежной поверхности, схватывали что-то на лету и, щебеча, резко взмывали вверх.

Нас заинтересовало, как здесь — в царстве вечного снега и льда — появились птицы и что они могли подбирать на снегу.

Стрижи — великолепные летуны, поэтому для них не составило большого труда преодолеть те 40—50 километров, которые отделяли их сейчас от растительной зоны.

Мы долго пытались разгадать, что за резвую игру ведут здесь птицы, пока не увидели снежного комара. Альпинисты встречали таких комаров под камнями ледниковых морен или прямо на снегу. На холоде они малоподвижны, однако, как только пригреет солнце, начинают юрко бегать на своих длинных ногах по снежной целине. Их-то и ловили стрижи.

Ну, а чем же в этой высокогорной Арктике питаются сами снежные комары?

Память подсказывает, что альпинисты часто встречали так называемый «красный снег», по которому легко определить занесенную снегом трещину. Этот «снег» составляют микроскопические водоросли. Они растут в слое снега над трещиной. Повидимому, снежные комары поедают эти примитивные растения.

Так довольно просто разрешался вопрос, почему на леднике, у пика Хан-Тенгри, мы наблюдали веселую игру стрижей.

Принято считать, что стриж не проникает в дождливый восточный Тянь-Шань и холодный Памир. Повидимому, мы еще далеко не все знаем о жизни даже очень хорошо знакомых нам живых существ.

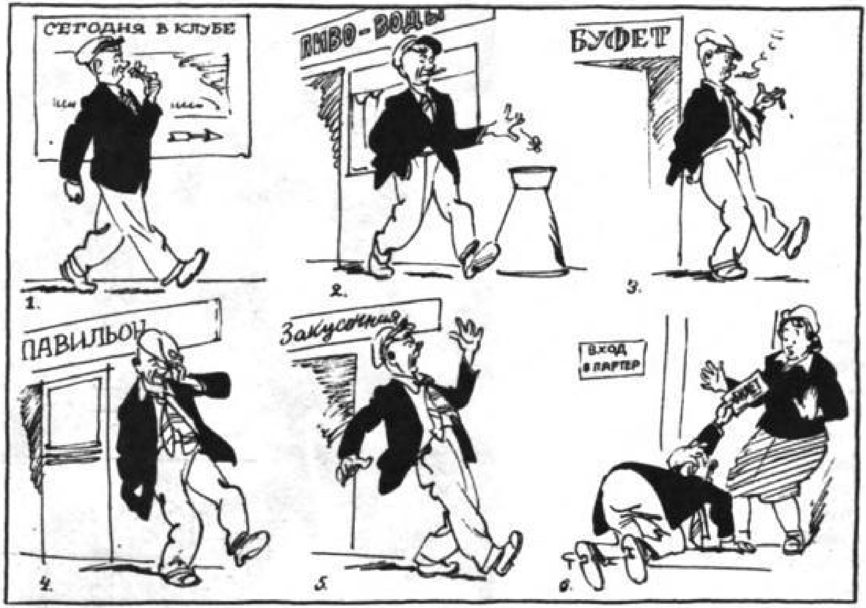
В. РАЦЕК

Ташкент.

ШЕЛ...

Рисунки Ю. Узбякова.

...И ДОШЕЛ.

ЦВЕТЫ-БЛИЗНЕЦЫ

Читатель «Огонька», любитель-цветовод, доставил в редакцию два сросшихся тюльпана с просьбой объяснить такую «причуду природы».

Случай, когда срастаются вместе стебли или ветви, говорит о ненормальном развитии растений. Причины этого явления не вполне ясны. Можно предполагать, что оно вызвано очень быстрым и обильным притоком пластических веществ к развивающимся почкам, смещением обычного расположения почек, листьев, цветов.

Встречается сращение не только двух, но также трех и более стеблей тюльпана, дельфиниума, ромашки, одуванчика и других растений. Иногда бывают соединенными вместе даже десятки стеблей, так что создается впечатление букета, приготовленного самой природой. Подобный случай произошел в потсдамском королевском саду в 1827 году. На причудливо сросшихся воедино десятках стеблей лилии кандидум образовалось неожиданно огромное соцветие белоснежных ароматных цветов. Такая игра природы настолько поразила прусского короля, что он приказал художнику запечатлеть в красках столь редкое цветение. В выгравированной подписи к картине указано, что «на лилии кандидум было 205 цветков».

У некоторых растений эти же признаки, как, например, сращение соцветий у целозии кристата передаются по наследству семенами.

П. ЧУМАК

Из почты «Огонька»

Пеликан на пушке

Как-то осенью над Азовским морем разразился сильный шторм. Буря бушевала всю ночь.

Утром рыбаки Бердянской косы заметили на берегу огромную птицу, которая спала, заложив под крыло свой длинный, полуметровый клюв. Рыбакам удалось поймать уставшую птицу, и они доставили ее в Осипенковский краеведческий музей. Это был розовый пеликан — для северного Приазовья редкозалетный гость.

Пеликан был, видимо, так утомлен, что и не думал улетать. Сначала он бродил по двору музея, не обращая никакого внимания на людей. Потом взобрался на пушку петровских времен и принялся за свой птичий туалет. Сотрудники музея решили угостить пернатого гостя. Принесли большой таз, наполненный водой, и набросали в него бычков. Гость не замедлил продемонстрировать свое искусство вылавливать рыбу, а также и незаурядный аппетит: за один «завтрак» он легко проглотил 30 больших бычков общим весом около 4 килограммов.

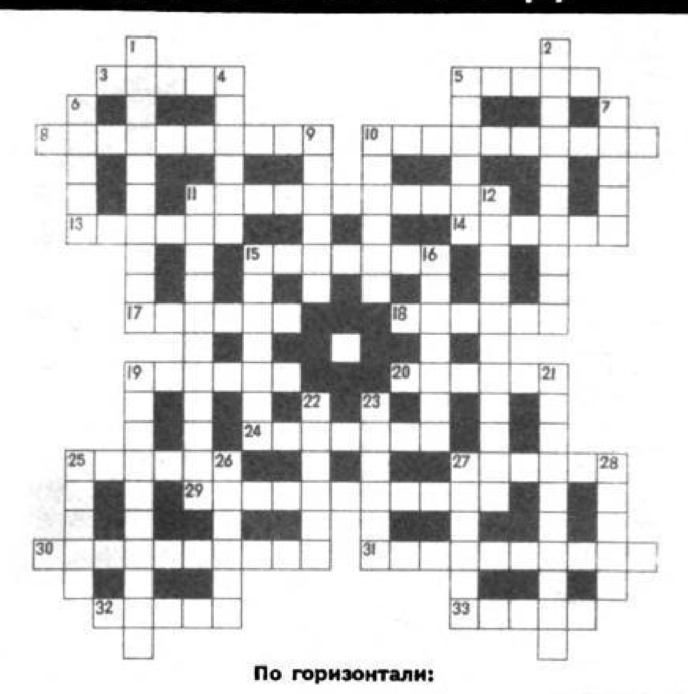
Несколько дней гостил на нашем дворе пеликан, вызывая немалое любопытство горожан. Отдохнув, он улетел в сторону моря.

А. ОГУЛЬЧАНСКИЙ,
научный сотрудник краеведческого музея.

г. Осипенко.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций работ участников Всесоюзной выставки художественного творчества рабочих и служащих и четыре страницы цветных фотографий.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Многолетнее водяное растение. 5. Свод правил, положений. 8. Наука о законах полета снарядов. 10. Официальный документ. 11. Военнослужащий. 13. Созвездие. 14. Персонаж пьесы М. Горького «Егор Булычов и другие». 15. Музыкальный инструмент. 17. Охотничья сумка. 18. Водное животное. 19. Благородный металл. 20. Хищная птица. 24. Драма-хроника Проспера Мериме. 25. Соцветие у растений. 27. Условный знак. 29. Украинская писательница. 30. Руководитель крестьянской войны начала XVII века. 31. Линия полета снаряда. 32. Водяной вал. 33. Советский писатель.

По вертикали:

1. Сообщение, извещение в печати. 2. Земноводное. 4. Деятельница французского и международного женского демократического движения. 5. Учащиеся. 6. Электрод. 7. Государство в Африке. 9. Приток Енисея. 10. Органическое соединение. 11. День недели. 12. Гравирование на дереве. 15. Глубокая вспашка почвы. 16. Поэма Гомера. 19. Старинный город в Московской области. 21. Военный корабль. 22. Советский летчик. 23. Драгоценный камень. 25. Форма глагола. 26. Пряность. 27. Остров на Балтике. 28. Цветок водяного растения.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

5. Донесение. 8. Кольраби. 9. Акустика. 10. Секретариат. 15. Валлада. 18. Квинтет. 19. Кулибин. 20. Волков. 21. Ограда. 22. Овруч. 23. «Варяг». 24. Разряд. 27. Резюме. 29. Коровин. 30. Диаметр. 31. Сметана. 34. Оксидировка. 37. Эстакада. 38. Турмалин. 39. Летописец.

По вертикали:

1. Посадка. 2. Дефиле. 3. Регата. 4. Никулин. 6. Портулак. 7. Скафандр. 10. Садоводство. 11. Турин. 12. Тавтограмма. 13. Дарование. 14. Дездемона. 16. Кутузов. 17. Витамин. 25. Романист. 26. Колли. 28. Затейник. 32. Испанец. 33. «Квартет». 35. Диалог. 36. Ратмир.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление Л. Шумана.

А 06219. Подп. к печ 24/VIII 1954 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 707. Заказ 2478. **Рукописи не возвращаются.**

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24

По реке на акваплане.

Фото Е. Умнова.

Цена номера 3 руб.